АБ
30
0-52

С. Б. ОКУНЬ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В КАМЧАТСКОМ КРАЕ

1935

ОГИЗ
СОЦЭКГИЗ

ДБ
30
0-52

9.88
0-52

С. Б. ОКУНЬ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В КАМЧАТСКОМ КРАЕ

ОПЕЧАТКИ

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Следует читать:*
21	4—5 сверху	ни который ков	ни от коряков
21	5 „	Соболинам	Соболиный
58	5 „	С 1748 по 1571	С 1748 по 1751

С. Б. Окунь. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае.

131803

Н.У.Т.Б.
ПОГАШЕНО

ОГИЗ
Соцэкгиз
Ленинградское отделение
1935

ДБ
30
0-52

9.88
0-52

С. Б. ОКУНЬ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В КАМЧАТСКОМ КРАЕ

Проверено 1937 г.

131803

У.Т.Б.
ПОГАШЕНО

ОГИЗ
Соцэкгиз
Ленинградское отделение
1935

Работа С. Окуня посвящена истории колониальной политики царизма на одной из наиболее отдаленных и малоизученных колоний царской России — Камчатке. Значительное внимание в книге отведено истории народов северо-востока Азии (ительменов, нымыланов и луораветланов) в различные периоды господства царизма на Камчатке. Главное место уделено автором колониальной политике в XVIII в., т. е. периоду непосредственного проникновения русских завоевателей на Камчатку и активной борьбы народов Камчатки с завоевателями, и первым итогам колонизации. Положение народов Камчатки в XIX и начале XX вв. охарактеризовано лишь в общих чертах.

Привлекая огромный архивный материал, в значительной своей части впервые публикуемый, автор на конкретных фактах показывает историю борьбы народов северо-востока Азии с колонизаторами.

События на Камчатке автор увязывает с общими вопросами внешней политики царизма.

Книга рассчитана на квалифицированного читателя, партактив и на специалистов историков, этнографов и экономистов, работающих как в области истории русской колониальной политики, так и в области изучения северных народов СССР.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
516053

ВВЕДЕНИЕ

Услужливой буржуазной «наукой» опровергается все то, что мешает господствующим классам создать себе не только прочное незыблемое настоящее, но и «непорочное» бескровное прошлое.

Недаром характеристику сущности буржуазной науки Ленин начинает полным глубокой иронии известным изречением, утверждающим, что «если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы». [1]

История российской колониальной экспансии, история безудержного грабежа и насилия, повлекших массовое истребление и вымирание целых народов, рисуется этой наукой как мирный идиллический процесс. Единственный вид борьбы, наличие которой в истории русских завоеваний, в частности при завоевании Сибири, не отвергается буржуазными учеными, это — борьба колонизаторов с суровой природой.

«Сибирь, — как пишет Головачев, один из наиболее активных областников, — была, можно сказать, «res nullius», [2] которую нужно было только занимать и заселять и где для русских борьба с природой была гораздо труднее, чем с туземным населением». [3]

Но упрямые факты плохо укладывались в рамки наивной апологетики методов колониальной политики русского царизма. Значительно авторитетнее для буржуазной истории звучало утверждение о естественной закономерности всякого насилия

---

[1] Ленин, Соч., изд. III, т. XII, стр. 183.

[2] Вещь, никому не принадлежащая.

[3] П. Головачев, Желательный тип сборников материалов по истории сибирских городов, «Журнал министерства народного просвещения», 1905, № 9—10, стр. 250.

при колонизации, — насилия, оправдываемого той великой миссией, которая лежала на завоевателях, несших «цивилизацию» на остриях своих штыков.

Проходили десятилетия, из «славных крестоносцев» историческая наука превращала русских конквистадоров уже в носителей «культурного прогресса», и все оправдывавшая и все дозволявшая теория «великой миссии» совершала свое победное шествие по страницам исследований буржуазных ученых различных групп и направлений.

По мысли Словцова, все находит свое оправдание в той великой задаче, которая выпала на Россию в деле обращения язычников «в лоно православной церкви». «Если бы дело обращения не свершилось, тщетно было бы завоевание края... тогда заразительные болезни, опустошавшие и опустошающие страну, были бы неоплатными бедствиями пред всевышним оком», [1] писал Словцов о колонизации Сибири.

Упоминая о «жестокости и своеволии» русских при захвате американских колоний, П. Тихменев, автор монументального апологетического труда о Российско-Американской компании, спешит уверить читателя, что «так было везде и во все времена при вступлении европейца в среду дикарей, которых он должен был подчинить своей власти и вместе с тем положить между ними начало нового, лучшего порядка, если даже и не всегда для личного благосостояния последних, то по крайней мере для пользы их потомства». [2]

Наконец эту же мысль в ином несколько варианте мы встречаем и у столь «либерального» профессора, как Фирсов, который даже до революции порою ссылался на Маркса.

Останавливаясь на опустошениях, производимых русскими в Сибири, Фирсов пишет: «Таково, повторяю, отношение вообще победителей к побежденным в отдаленных странах, неизбежно опустошаемых и разоряемых. Факт, давно установленный в науке». При этом в подстрочном примечании Фирсов ссылается на Маркса: «См. напр. у Маркса в описании процесса так называемого первоначального накопления».

Заявляя, что «конечным и роковым последствием этого факта при малой физической и духовной выносливости побеж-

---

[1] П. Словцов, Историческое обозрение Сибири, изд. Сибирякова, стр. 90—91.

[2] П. Тихменев, Историческое обозрение Российско-Американской компании, СПБ. 1861, ч. I, стр. IV.

даемой расы являлось вырождение и вымирание туземного населения», подтверждая это положение на примере Камчатки, где, по свидетельству цитируемой им исторической записки, «притеснения от завоевателей, т. е. казаков, занесенные сими последними болезни, жителям тамошним до того неизвестные, а наипаче оспа и венерическая болезнь, истребили большую часть камчадалов», — Фирсов однако все это приправляет чисто великодержавной установкой о великих задачах гуманности, которыми впоследствии начало руководиться самодержавие в колониях и которые в конце концов оправдывали все насилия, совершенные в прошлом. «Но подобная судьба, — пишет Фирсов, подводя итоги колониальной политики царизма на Камчатке, — постигла и некоторые другие народы Сибири и разумеется постигла бы всех, если бы не громадный культурный прогресс метрополии, если бы не проникновение верховной власти принципом разумной государственной экономии, совпадающей и с великими началами гуманности и с настоящими, непреходящими политическими и общественными интересами и задачами России в Сибири». [1]

А между тем именно Камчатка, которую затронул Фирсов, одна из малозначительных в сущности колоний царской России, дает яркий материал, полностью вскрывающий всю «бесподобную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей», к которым самодержавие прибегало ничуть не в меньшей мере, чем классические колониальные страны, как Голландия, Испания и др., прибегало начиная с первого дня захвата полуострова и кончая последним днем своего существования.

Свыше двухсот лет хозяйничало самодержавие на Камчатке. Являясь первоначально только источником ценной пушнины, Камчатка очень скоро приобрела стратегическое значение для дальнейшей феодальной экспансии, частично сохранив это значение и для завоевательных планов периода господства военно-феодального империализма.

В свою очередь это обстоятельство повлияло и на политику царизма по отношению к народам, населявшим полуостров. Уменьшение количества собираемого с туземцев ясака, становящееся особенно заметным с тридцатых годов XVIII в., способствовало еще большему истреблению аборигенов полуострова, и в первую очередь камчадалов, поскольку для колонизаторов

[1] Н. Фирсов, Чтения по истории Сибири, М. 1915, стр. 57.

они представляли ценность лишь как источник выкачивания пушнины.

В отношении же тех народов, у которых пушнина всегда была в незначительных количествах (коряки, чукчи), правительство откровенно ставило вопрос о необходимости поголовного истребления таковых, ибо их упорное сопротивление мешало дальнейшей русской экспансии.

Занесенные русскими эпидемические заболевания, хозяйничание ростовщического капитала, обиравшего, спаивавшего и в конечном счете совершенно закабалявшего туземцев, постоянные голодовки, как результат истребления естественных ресурсов, — таковы были факты, способствовавшие прогрессировавшему обнищанию и вымиранию некогда многочисленных аборигенов Камчатки.

Освобождение угнетенных и эксплоатируемых народов начинается на Камчатке с конца 1922 года, когда на полуострове окончательно были ликвидированы белобандиты и утвержден советский строй.

За 13 лет существования советской власти Камчатка из края, который «постепенно клонился к упадку», где «средства к жизни истощались», куда «культура и образование не проникали»,[1] превратилась в край передовой рыбопромышленности, в край, где процент охвата обучением детей школьного возраста равен в среднем 48.[2]

«Естественный процесс вымирания туземного населения», как именовали буржуазные ученые непрерывное уменьшение коренного населения Камчатки, не только приостановился, наоборот, народности Севера культурно растут и количественно увеличиваются.

Прекрасную иллюстрацию положения национальных меньшинств в капиталистических странах и в СССР дает сравнение статистических данных о движении туземного населения в советской и японской частях Сахалина. В то время как в Карафуто (японская часть Сахалина) мы наблюдаем быстрый процесс вымирания туземного населения (в 1925 году «естественная» убыль туземных народностей Карафуто была равна 11%), по данным пробной переписи УНХУ РСФСР в 1932 году

---

[1] Н. Слюнин, Охотско-Камчатский край, СПБ. 1900, стр. 92.

[2] В Чукотском округе — 48%, в Корякском — 57%, в Охотском — 38%. Цифры заимствованы из «Советского Севера» за 1934 г., № 1.

гиляки на советской части Сахалина дали 20,8% естественного прироста.

На Камчатке, где до революции почти не было отечественных промышленных предприятий, к 1935 году было уже 16 консервных заводов, не считая плавучих крабоконсервных заводов. Продукция рыбопромышленности с 1928 по 1934 год возросла в несколько раз и превышает в настоящее время полмиллиона центнеров.

По данным Акционерного Камчатского о-ва, на которое правительством возложено комплексное освоение края, общая сумма капитальных вложений на Камчатке достигла за первую пятилетку 53,4 млн. руб. Большинство из них было вложено в промышленность, в частности в рыбопромышленность.

Огромное внимание уделяется развитию сельского хозяйства на Камчатке. Общая посевная площадь возросла с 1928 по 1934 год в 17 раз, в том числе по социалистическому сектору — почти в 34 раза.

Восстанавливается пушное хозяйство края, разрушенное в период царизма и интервенции. Ныне Камчатка — основной поставщик соболя в Советском Союзе (более трети всей продукции).

Вторая пятилетка, предусматривающая «ускоренный экономический и культурный подъем отсталых национальных республик и областей, в отсталости которых еще до сих пор сказывается наследие царско-колониального режима», еще более резко преобразит облик новой, Советской, Камчатки.

I. НАЧАЛО ЗАВОЕВАНИЯ КАМЧАТКИ

К концу XVII столетия феодальная Россия, неуклонно продвигаясь на восток Азии, раздвинула свои границы до берегов Великого океана. Сухопутные походы сменяются морскими экспедициями, и в этом районе «мореход» становится центральной фигурой колониальной экспансии последующего века. Две экспедиции Беринга, экспедиция Чирикова, Биллингса и ряд других вывели Российскую империю на широкий путь дальнейшей колониальной экспансии и активного соперничества из-за колоний с другими европейскими державами.

Последним звеном, закончившим «расширение вширь» на востоке Азии и положившим основание «расширению» уже на территории Северо-Западной Америки, звеном, округлившим завоевания века, был полуостров Камчатка, захваченный в 1697—1699 годах русскими казаками.

«Проведывание» русскими Камчатки проходило на фоне глубокого кризиса экономики России, продолжавшегося до начала XVIII века. Падение денежного курса, выпуск новой серебряной монеты из металла, ввозимого главным образом из-за границы, и наконец длительные войны на юге России — еще более усугубили кризис.

За двадцать лет (с 1680 по 1701 год) расходы на военные нужды увеличились в абсолютных цифрах более чем в полтора раза, а в процентном отношении они возросли с 62 до 78% государственного бюджета, удвоившегося по сравнению с 1680 годом.

Максимальное увеличение как прямых, так и косвенных налогов не могло в полной мере покрыть потребностей казны, тем более что увеличивавшийся кризис приводил к непрерыв-

ному росту всевозможных недоимок. Отсюда понятно то усиленное внимание, которое уделяется правительством вопросам увеличения экспорта и форсированию вывоза такого универсального и дорогостоящего предмета, каким являлась сибирская пушнина и в частности сибирский соболь.

В русском экспорте пушнина издавна занимала видное место. Еще в 1584 году Иван IV на просьбу английского посла Иеремея Боуса о дозволении англичанам ездить по сибирским рекам ответил, что «те места в нашей отчине от тех мест, где пристают аглинские гости, далеко, да и пристанищ морских в тех местах нет и приставать тут не пригодитца, а лишь в тех местах ведутца соболи да кречеты, и только такие дорогие товары, соболи и кречеты пойдут в Аглинскую ж землю и нашему государству как без того быть».[1]

С XVI века количество добываемых мехов начинает, благодаря хищническому уничтожению зверя, падать, а цены на мировом рынке одновременно с этим резко возрастают.

«Прежде, — пишет епископ Паоло Джовио (Павел-Иовий Новокомский), — продавали их (русские меха. — *С. О.*) гораздо дешевле, ибо жители отдаленного Севера, не знакомые еще тогда с нашей утонченной образованностью и безмерной роскошью, по простоте своей нередко меняли их на самые дешевые и маловажные вещи».[2]

Вооруженный разбой, ростовщическая торговля и специально организуемые промысловые партии действительно привели к тому, что места, где, по свидетельству того же Джовио, еще совсем недавно платили за железный топор столько соболей, сколько московские купцы, связав их вместе, могли продеть в отверстие топора, куда вставляется топорище, — оказались опустошенными.

Сведения об истощении запасов русской пушнины во второй половине XVII века, и в частности об уменьшении количества такого наиболее ценного зверя, как соболь, мы встречаем и у Котошихина. «А ныне, — пишет он, — самых добрых соболей от Москвы в ближних городах звериный лов помешался, а ловят соболи середние и плохие, потому что многие звери отпужаны и умалелася; а доставают самые добрые

[1] Сборник Русск. Истор. общества, т. 38, стр. 127.

[2] П.-И. Новокомский, Посольство от Василия Ивановича, великого князя московского, к папе Клименту VII, «Библиотека иностр. писателей о России», СПБ. 1836, т. I, стр. 40—41.

соболи и иные звери в самых дальних остатних сибирских городах, на Лене, и от того соболи начинают быть перед старою ценою дороже». [1]

То же положение впоследствии констатирует и Миллер, утверждая, что «соболи в некоторых местах так вывелись, что и следов их более не осталось». [2]

Необходимостью увеличения получаемых из Сибири пушных доходов, которые в 1680 году достигали уже 143 610 руб., [3] объясняется и то огромное внимание, которое в девяностых годах XVII века правительство начинает уделять урегулированию вопросов о злоупотреблениях в системе сибирского управления.

В апреле 1695 года была запрещена практиковавшаяся до сего времени смена через каждые два года сибирских воевод «для того, что от таких частых перемен казне начали быть великие недоборы и всяким доходам оскудение». В указе отмечалось, что воеводы «лучшие соболи выбирали себе, а худые отдавали в государеву казну».

В конце того же года Сибирскому Приказу вновь было подтверждено, что «если же воеводы станут красть или умалять государеву казну или станут кого казнить смертию, то будут сами казнены смертию и вотчины их все и дворы, и поместья и имение будут взяты на великого государя бесповоротно».

В 1697 году был даже издан указ, запрещавший служилым и «всяких чинов людям» в Сибири носить дорогие платья, так как «те служилые люди, у которых такое излишнее дорогое платье есть, делают его не от правого своего пожитку, кражею нашея великого государя казны или с иноземцев грабежом те богатства себе наживают».

Мысль о необходимости увеличения количества получаемой пушнины, как основная задача правительства в Сибири, особенно рельефно проявляется в наказе Петра от 1 сентября 1697 года направляемому в Тобольск ближнему боярину Черкасскому, которому предписывалось всячески форсировать

---

[1] Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4, СПБ. 1906, стр. 94.

[2] «Ежемесячные сочинения», 1756, февраль, стр. 188.

[3] В переводе на довоенный рубль это составляло свыше $2^1/_2$ миллионов руб.

открытие «новых земли» и категорически воспрещалось взамен «мягкой рухляди» взимать ясак деньгами.

Не случайно поэтому, что дата появления русских на Камчатке одновременно является и датою введения государевой монополии на соболиную торговлю.

Кризис и то обстоятельство, что соболиная ясачная казна «учала перед прошлыми годами гораздо малиться... а в то же время у торговых людей в покупке и в отвозе в русские города явились многие соболи», заставили «первого купца в своем государстве» окончательно монополизировать всю соболиную торговлю, и эта же причина выдвинула задачу «проведать» тот край, где «соболей невероятное множество» и где коренное население «при покорении своем за ясак соболиный не только не спорили, но напротив того, весьма казакам смеялись, что они променивали ножик на 8, а топор на 18 соболей». [1]

Камчатка была известна русским задолго до ее «открытия», и наименование «Камчатка» встречается уже на чертеже Сибири Петра Годунова 1667 года.

Первыми из русских, узнавших о Камчатке, были казак Дежнев и его спутники, обогнувшие в конце сороковых годов XVII века северо-восток Азии. По некоторым сведениям, часть людей приказчика купца Усова, во главе с Федором Алексеевым, направившимся в 1648 году в плавание совместно с Дежневым, отнесенные к югу, достигли реки Камчатки. По сведениям, сообщаемым Миллером, еще в 1728 году на реке Федотовке были видны остатки русских зимовий.

К этому же периоду относится и первое знакомство русских с чукчами (луораветланами). В 1642 году на реке Алазее братья Ерастовы встретили юкагиров (одулов), а «ними были с тундры чюхчи».

В 1647 году в Якутске в «распросных речах» казак Михаил Стадухин, плававший до Колымы, сообщил, что «чюхчи та же что и самаядь, оленные, сидячие ж». [2]

В конце сороковых годов XVII века (по одним сведениям в 1647 году, по другим — в 1642 году) был основан Анадырский

---

[1] С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, СПБ. 1755, т. I, стр. 215.

[2] «Дополнение к актам историческим», изд. Археографической комиссии, СПБ. 1848, т. III, стр. 99.

острог, и с этого времени казаки делают неоднократные попытки объясачить гижигинских коряков (нымылланов).

В 1679 году был основан Акланский острог, и таким образом район, ограниченный Анадырем, Акланом, Таловкой и Олюторой, так называемое Заносье, стал объектом неоднократных набегов со стороны русских.

Но лишь в годы кризиса, в конце XVII века, русские активно приступили к завоеванию северо-восточной части Азии, и в частности к завоеванию Камчатки.

В середине 1695 года прибыл из Якутска в Анадырск новый приказчик Владимир Атласов, деятельно взявшийся за «проведывание» Камчатки, о богатстве которой среди анадырских казаков ходили самые невероятные слухи.

В 1696 году была сделана предварительная разведка, и посланный Атласовым казак Морозко проник до Тигиля, где разгромил камчадальский острог.

В следующем году отправился уже сам Атласов, имея при себе отряд, состоявший из 60 служилых и промышленных людей и 60 ясачных юкагиров.

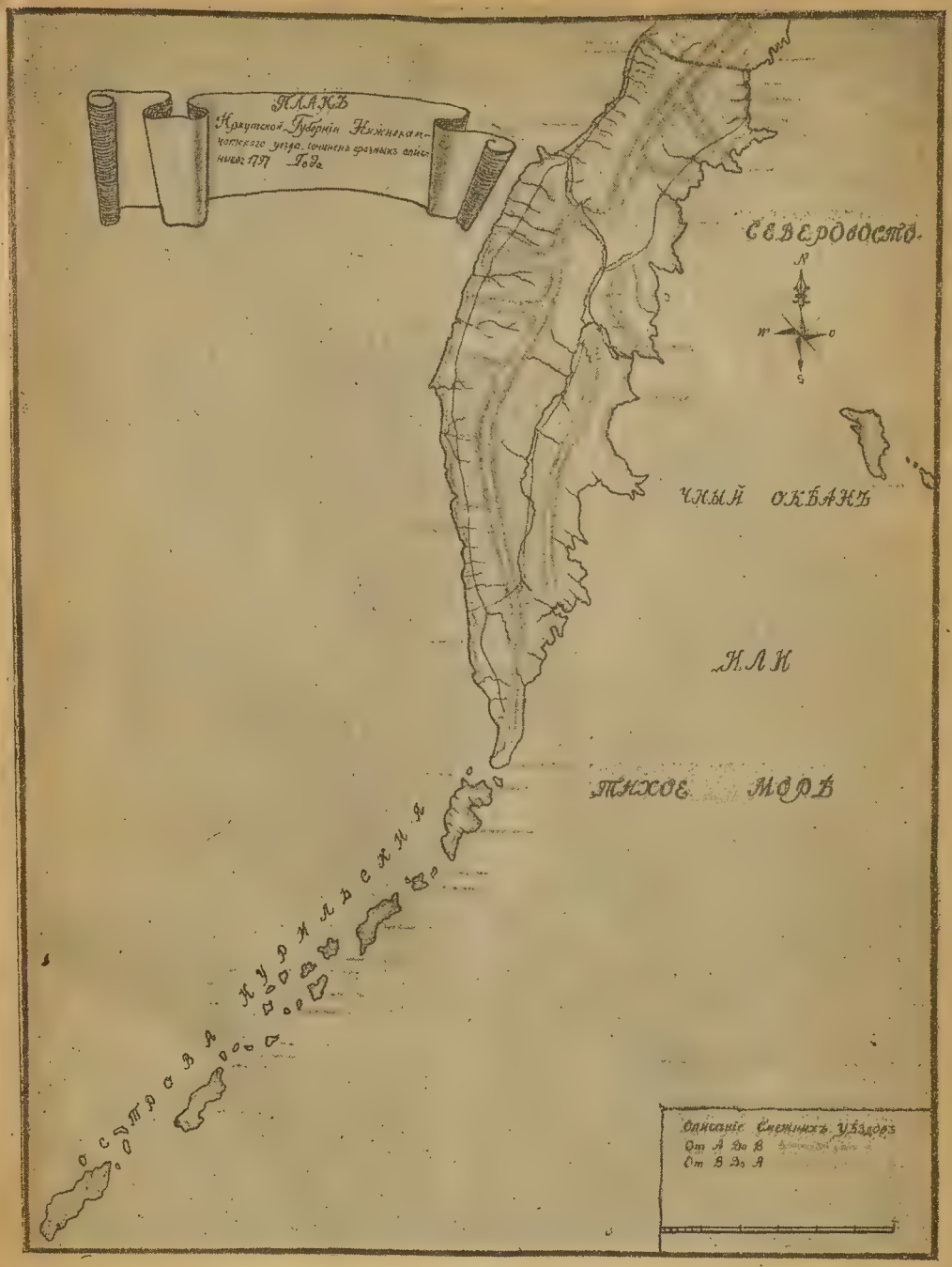
Перевалив хребет и идя по западному берегу полуострова, Атласов дошел до реки Озерной. Затем, вернувшись назад до реки Ичи, перевалил вновь хребет и спустился на реку Камчатку.

Эта дорога по западному берегу полуострова долгое время была единственным путем, соединявшим отдаленную Камчатку со всей страной. При этом следует иметь в виду, что административным и хозяйственным центром был не Анадырск, откуда шел Атласов, а Якутск, что во много раз затрудняло связь с полуостровом.

От Якутска шли к северу по реке Яне, приблизительно до нынешнего Верхоянска, затем по реке Индигирке на Колыму к Средне-Колымскому зимовью. Отсюда на Нижне-Колымск, затем по рекам Анюю и Анадырю до Анадырского острога, а затем по западному берегу Камчатского полуострова. Весь этот путь требовал около года, причем проходил по местности, заселенной народами, еще не окончательно покоренными.

Коряки и камчадалы (ительмены) по пути следования Атласова оказывали его отряду упорное сопротивление, отказываясь платить ясак.

В низовьях реки Камчатки Атласов наткнулся на становище камчадалов, где имелось свыше четырех юрт. «И он де Воло-



Карта Нижнекамчатского уезда с указанием путей сообщения. 1797 г.

димер с служилыми людьми их камчадалов громили и наболь-ших людей побили и посады их выжгли для того, чтобы было им встрех». [1]

Неизвестное туземному населению до прихода русских огнестрельное оружие, которого они по словам Атласова «гораздо боятся», так как «против огненного ружья стоять не могут и бегут назад», [2] и междоусобные войны между туземцами дали возможность казакам сравнительно быстро совершить свой поход и собрать ясак: 8 сороков 10 соболей,[3] 191 красную лисицу и прочую пушнину.

Все же, несмотря на успех этой экспедиции, вернувшийся назад Атласов предупреждал, что если будут на Камчатку посылать служилых, то «с ними надобно послать 2 пушечки небольшие для страха иноземцом, потому что после их, Волсдимера с товарищи, тех вышеписанных родов иноземцы остроги свои от приходу русских людей почали крепить». [4]

Отправляясь назад в Анадырск, Атласов оставил на Камчатке служилого Серюкова с 15 казаками. Три года жил Серюков на Камчатке, ожидая прихода русских отрядов, в 1699 же году, пытаясь пробраться в Анадырск, он вместе с другими русскими был убит коряками.

По возвращении с Камчатки Атласов направляется с ясаком в Москву, где жалуется в казачьи головы и вновь назначается на Камчатку.

Однако в пути на Камчатку Атласов был задержан за ограбление на реке Тунгуске судна с китайскими товарами купца Добрынина, где он взял себе «грабленного живота против всех их 100 человек другую половину». [5]

Дело дошло до Москвы, и якутской администрации было предписано «такой тем ворам указ учинить, чтоб впредь торговых людей им так нагло грабить было не повадно». [6]

До 1707 года Атласов просидел в тюрьме, после чего был

---

[1] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., Л. 1935, стр. 27.

[2] Там же, стр. 32.

[3] Соболи, подбираемые по качеству, связывались пачками по 40 штук и считались «сороками».

[4] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., Л. 1935, стр. 29.

[5] Гос. архив феодально-крепостной эпохи (ГАФКЭ), фонд Сибирск. Приказа, книга № 1372, лл. 687—694.

[6] ГАФКЭ, фонд сенатский, разрядный, 1702 г., д. № 1328, лл. 414—417.

направлен на Камчатку для усмирения начавшегося восстания камчадалов. В 1711 году он был убит восставшими казаками.

В свое время дворянская историография пыталась сделать из Атласова национального героя, приписывая ему как непосредственную инициативу в захвате Камчатки, так и все материальные издержки, связанные с его походами.

«Мысль о камчатском походе, — пишет Оглоблин, — принадлежала именно Атласову. Материальная сторона задуманной Атласовым экспедиции главною своею тяжестью и риском легла также на его личную ответственность».[1]

И все это по мнению Оглоблина делалось исключительно для государственного блага и без всякой личной корысти. Однако несколькими строками ниже Оглоблин вынужден уже признать, что у участников похода «оружие было государево» и что именно правительство «дало Атласову служилых людей».

Если к этому добавить, что Атласов отправился на Камчатку по «наказной памяти» якутского воеводы Арсентьева и что его назначение в Анадырск было вызвано теми приготовлениями к камчатскому походу, которые им по предписанию Арсентьева предпринимались еще в Якутске, то станет очевидной вся необоснованность утверждения о том, что захват Камчатки был лишь результатом частной инициативы.

Оглоблину принадлежит наиболее полная, а вместе с тем и наиболее тенденциозная биография Атласова.

Тщательно обходя фактические данные об истреблении туземцев, об ограблении купеческих караванов и прочие «неудобные» моменты его биографии, Оглоблин полемизирует даже со Спасским, утверждающим, что Атласов «в малых годах и по возрасте гулял по низовым (ленским) городам», т. е., иными словами, разбойничал. «Если это возможно допустить относительно его «малых лет», — авторитетно заявляет Оглоблин, — то никак уже «по возрасте» не мог он «гулять», так как целых 28 лет провел на государевых «дальних заморских службах», что, по мнению Оглоблина, вещи несовместимые. Оглоблин сожалеет, что в своей челобитной Атласов не указывает, «на каких именно сибирских службах» он провел 28 лет, ибо эти данные, по его мнению, должны были бы окончательно убедить в кристальной честности Атласова.

---

[1] Н. Оглоблин, Новые данные о Влад. Атласове, «Чтения общ. ист. и древн. российских», 1888, кн. I, стр. 6—7.

Не располагая полными сведениями о деятельности Атласова, предшествовавшей камчатскому периоду, мы упомянем лишь о его «подвигах» в Якутии, где в 1688 году якуты били на него челом, заявляя, что «Володька де Отласов бьет их мучит и грабежом сильно отнимает». [1]

Вместо Атласова на Камчатку был послан приказчиком Зиновьев.

К 1706 году на Камчатке были уже два укрепленных острога — Нижне- и Верхне-Камчатский — и укрепленное зимовье на Большой реке, откуда казаки совершали периодические вылазки для ограбления туземцев. За два года (1705—1706) с камчадалов было получено 88 сороков 14 соболей, 5 лисиц чернобурых, около 900 сиводушек и 93 морских бобра.

Ясак на Камчатке в этот период носил неокладной характер, взыскание его каждый раз приходилось начинать с вооруженного нападения, и лишь после того как часть камчадалов того или иного острожка бывала перебита, остальные уплачивали ясак.

Приходя за сбором ясака на Большую реку, где жил «иноземец Кушуга с родниками», казаки «Кушугу с ясачным платежем из острогу вызывали и вызвать не могли». [2] И лишь после того как был «Кушугин острог крепким приступом взят», а сам Кушуга был «с бою» захвачен в аманаты, «из-за того аманата с родников его ясак тебе великому государю сбирается», доносили казаки. [3]

По всему полуострову происходили «знатные измены», причину которых Крашенинников видит в том, «что у них (туземцев. — *С. О.*) тогда прежняя вольность из памяти еще не вышла». [4]

В 1705 году олюторцы истребили отряд сына боярского Протопопова, в том же году коряки напали на отряд служилого Шелковникова и осадили Акланский острог, продержав осаду до следующего года, пока на выручку не подоспел отряд казаков.

---

[1] Архив Историко-археографического института, якутский фонд, к. 223, столб. 5.

[2] «Памятники сибирской истории XVIII в.», кн. I, стр. 459—464.

[3] Там же.

[4] С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, СПБ. 1755, т. II, стр. 197.

В 1707 году началось среди камчадалов сильное движение, продолжавшееся вплоть до 1711 года.

Центром восстания в этот период был район Большой реки, где главным образом сосредоточивалась деятельность казаков. Лишь значительно позднее, когда казаки более систематически начали грабить центр полуострова, а в то же время камчадалы на западном побережьи уже были в значительной мере истреблены, очаг восстаний переходит на реку Еловку.

Большерецкое зимовье камчадалы сожгли, а находившихся в нем служилых перебили. Как доносили впоследствии казаки, «камчадалы с того вышеписанного 1707 году по нынешний 1711 повсягодно многих служилых людей побивали ж».[1]

Сообщение Атласова о том, что туземцы «почали крепить» свои остроги, оказалось совершенно справедливым. Каждый туземный острожек являлся укрепленной крепостью, и посылаемые для усмирения камчадалов казаки постоянно доносили о тех трудностях, которые приходилось преодолевать благодаря тому, что «иноземцы в крепкие остроги засели».[2]

В мае 1711 года пять родов камчадалов с Большой реки, «подозвав к себе с иных мелких посторонних рек иноземцев»,[3] руководимые Каначем, вновь осадили возобновленный на Большой реке острог. Во время боя множество камчадалов и сам Канач были убиты. Оставшиеся в живых камчадалы укрепились в Тавачевом остроге, который русские взяли лишь после почти двухмесячной осады, в течение которой казаков «многих на смерть попереранили».[4]

Непрерывные восстания камчадалов и частые нападения коряков на ясачные караваны, следовавшие по пути в Анадырск, привели к тому, что ясачная казна с 1707 года не вывозилась с полуострова вплоть до 1712 года. Правительство, ожидавшее от Камчатки огромных доходов, посылает туда отряд за отрядом, наделяя их начальников чрезвычайными полномочиями.

В 1707 году выпущенный из тюрьмы Владимир Атласов вновь посылается на Камчатку. Вслед за ним в том же году был отправлен сын боярский Чириков, в 1709 году — пяти-

---

[1] «Памятники сибирской истории XVIII в.», кн. I, стр. 459—464.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

ПОГАШЕН
17
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
516053

десятник Осип Липин, в 1710 году — Василий Севастьянов, в 1711 году — Колесов.

Между вновь присылаемыми и сменяемыми приказчиками всегда происходили распри, доходившие до вооруженных столкновений. Вновь приезжавший считал себя единственно правомочным представителем власти на полуострове, в то время как сменяемый отказывался сдавать дела управления. Подобному положению способствовала и чрезвычайная затруднительность связи с Камчаткой. В результате всего этого усилилось значение рядового казачества. Казаки самовольно смещали неугодных им приказчиков и даже арестовали Атласова, который бежал из Верхнего острога в Нижний.

Не довольствуясь ограблением туземцев, казаки начинают заниматься ограблением камчатских приказчиков, которые даже за краткий период своей деятельности на Камчатке успевали создавать себе колоссальные по тем временам состояния. Так например Атласов успел награбить более 1200 штук соболей, 400 красных лисиц, 74 морских бобра, собольи шубы и проч. У приказчика Петриловского было собственных 5669 соболей, 1545 красных и 161 сиводушатых лисиц, 207 бобров и множество изделий из мехов. Приказчик Енисейский, подвизавшийся на Камчатке всего лишь один год, успел за это время собрать в собственную пользу 6000 соболей, 200 бобров, 1070 лисиц и т. д.

В 1711 году началось открытое восстание казаков. Восставшие убили трех камчатских приказчиков — Атласова, Чирикова и Липина — и поделили их имущество между собой. На каждого из 75 участников восстания пришлось по 60 соболей, 20 красных лисиц и 2 бобра.

Затем, выбрав из своей среды в атаманы казака Анцыферова, а в есаулы Козыревского, казаки начали разъезжать по полуострову, взыскивая ясак в свою пользу.

О размерах ограбления туземцев, производившегося казаками, можно судить хотя бы по тому, что Козыревский, впоследствии постригаясь в монахи из опасения наказания за участие в восстании, внес в монастырь своего «пожитку» 1260 соболей, лисиц и пр. Кроме того, им было построено на собственный счет в период пребывания на Камчатке экспедиции Шестакова судно «Эверс».

Не получая с Камчатки систематических доходов, правительство посылает на полуостров приказчиком Петра Татари-

нова с инструкцией «делать все дела на Камчатке, как вразумит Христос, не отписываясь». Целевое назначение посылки Татаринова заключалось в том, чтобы «искать государственной прибыли, призывать в подданство инородцев, объясачивать их и брать аманатов, а которые не пойдут в подданство и не дадут аманатов, с теми поступать военным поведением».

В инструкции Татаринову характерен еще один пункт: приказ «на немирных итти с пушками», показывающий, что, не в пример более раннему этапу борьбы русских с народами Камчатки, пищали уже не всегда могли достигнуть цели.

Но инструкции помогали мало. Одно восстание сменялось другим, и как совершенно справедливо отмечает Крашенинников о народах Камчатки, в этот период «тамошние жители почти всегда в измене были».[1] Восставшие юкагиры и коряки убили в 1714 году приказчиков Петрова и С. Колесова и осадили отряд Енисейского и В. Колесова в Акланском остроге, который несколько позже был захвачен туземцами. Одновременно был осажден и вновь построенный Олюторский острог.

Всякое сообщение между Анадырском и камчатскими острогами было прервано. Бывали даже случаи захвата туземцами камчатского ясака на пути в Анадырск.

Вопрос о дальнейшей эксплоатации народов Камчатки упирался таким образом в изыскание новых, более безопасных и надежных, путей сообщения с полуостровом, в установление морского пути, ибо за 12 лет (с 1703 по 1715 год) при перевозе ясачной казны было истреблено около двухсот казаков, что при малочисленности русских в том районе являлось огромной потерей.

Первые попытки изыскания морского пути на Камчатку были сделаны уже в 1712 году.

В цитированной выше инструкции, данной сибирским губернатором отправлявшемуся на Камчатку Татаринову, также предписывалось «домогаться открыть путь на Камчатку морем».

В 1714 году последовал специальный указ Петра об отыскании морского пути. Датой же его открытия следует считать 1714—1716 годы, когда команда казаков переплыла Охотское море и прибыла к западному берегу Камчатки — к устью реки

---

[1] С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, СПБ. 1755, т. II, стр. 201.

Тигиля. Затем вдоль берега она дошла до реки Крутогоровой и вошла в устье реки Колпаковой.

С того же времени осваивается путь от Якутска до Охотска по течениям рек Лены, Алдана и Юдомы. В 1717 году одна из партий обогнула полуостров, и таким образом с этого времени Нижнекамчатск был связан более коротким и безопасным путем с Якутском.

Одним из первых грузов после открытия морского пути на Камчатку была отправленная на полуостров артиллерия. В 1719 году из Охотска в Большерецк морем направился вновь назначенный на Камчатку Харитонов, который нагрузил на судно столько артиллерийских припасов и пушек, сколько оно могло вместить.

Но после того как Харитонов в 1720 году был убит камчадалами, правительство в целях сохранения числа ясачных пытается использовать и иные методы борьбы. Вновь назначенному в Верхнекамчатский острог комиссару Бобровскому было предписано «объявить всем камчадалам при собрании всех служилых милостивое государево слово... и оборону чинить камчадалам от русских обидчиков», а на ряду с этим ему же предлагалось «сыскивать в ясак новых плательщиков и записывать в ясак захребетчиков и подростков».

Однако значение Камчатки, как источника ценнейшей пушнины, через каких-либо тридцать лет после прихода туда русских существенно понизилось. Благодаря хищническому истреблению зверя и уменьшению туземного населения ко второй половине тридцатых годов камчатский ясак количественно уменьшился почти в пять раз.

Уже 1713 году приказчики доносили, что ясак на Камчатке собирается «с великою нуждою, а многие ясачные иноземцы в камчатских острогах в нынешнем 713 году примерли, а иные розбрелись в отъемные места и по речкам».[1] Прежнее значение сохранила лишь качественная сторона ясака, благодаря высокосортности камчатской пушнины.

Кроме того для камчатского ясака, несмотря на быстрый перевод его из неокладной формы в окладную, характерно количественное его колебание, резко бросающееся в глаза. Объясняется это тем, что ясак на Камчатке, официально будучи окладным, по методам своего сбора оставался неокладным, ибо

[1] «Памятники сибирской истории XVIII в.», кн. I, стр. 512.

сбор ясака встречал повсеместно резкое сопротивление туземцев и результаты этого сбора определялись исходами столкновений между казаками и туземцами.

Взимался ясак по преимуществу с камчадалов; ни который ков, ни от чукчей ясака получить не удавалось. Соболинам ясак в первые годы XVIII века достигал трех с половиной тысяч шкурок ежегодно, не считая лисиц чернобурых и красных, бобров и меховых вещей. В годы наиболее активных восстаний туземцев ясак резко падал, едва достигая 700—750 шкурок соболей. Но, в среднем, на протяжении первых двух десятилетий XVIII века он держался на уровне 2500—3000 соболиных шкурок. Начиная же с двадцатых годов наблюдается систематический и притом весьма значительный недобор ясака. В 1724 году, например, по окладным спискам причиталось с камчадалов 2754 собольих шкурки, 2262 лисицы и 95 бобров, а получено было всего 1410 соболей, 599 лисиц и 42 бобра. Недобор этот местные приказчики объясняли тем, что из 5138 человек, числившихся по ясачным книгам, «1556 человек в разных годах померло, 25 не дали за скудостью, 36 за скорбию, 19 за старостию, один в аманатах, 334 сошли в разные остроги, 80 к сыску не явилось». [1]

Во второй половине тридцатых годов камчатский ясак, по подсчетам Крашенинникова, выражался в 700 с лишним шкурках соболя, 1692 лисицах и 24 бобрах, что по местной оценке составляло сумму в 10 000 рублей.

Истощение пушных богатств Камчатки совпадает с заметным снижением роли пушнины в экономике страны.

В 1727 году была отменена государственная монополия на соболиную торговлю. Кроме того разрешалось, «ежели ясачник не доволен будет поставленною ценою зверя отдать в казну, то дать ему на волю, кому хочет тому продать, а в казну принять у него по окладу деньгами». [2]

И несмотря на то, что в ряде районов впоследствии снова запрещалось взимать ясак деньгами, все же в основном этот указ знаменует собой поворотный момент на пути к ликвидации пушного ясака и замене его денежной формой налогов.

С середины двадцатых годов Камчатка как колония приобретает для Российской империи новое — глубоко политиче-

[1] Цитирую по А. Сгибневу, Исторический очерк главнейших событий на Камчатке, «Морской сборник», 1869, № 4, стр. 107.

[2] Полное собрание законов, том VII, стр. 819.

скос — значение, тогда как ранее, несмотря на значительные доходы, выколачиваемые с полуострова, он все же в общей цепи «расширения вширь» на Дальнем Востоке был лишь небольшим звеном.

Помыслы русской феодальной империи далеко опережали ее реальные достижения. Территориальные захваты и безудержное ограбление туземного населения укрепляли русское самодержавие, укрепляли крепостничество. Кроме того политика военно-феодального ограбления колоний расширяла для торгового капитала размеры территории, находящейся в его монопольном обладании, и тем самым увеличивала его прибыль.

И на Камчатке дорога разветвлялась.

С одной стороны цепочка Курильских островов вела к Японии, с другой — цепочка Алеутских вела к Америке.

На эти-то два пункта и были устремлены в тот период помыслы и действия Российской империи.

Уже в 1713 году, через каких-либо пятнадцать лет после появления русских на Камчатке, якутский воевода поручил казаку Козыревскому проведать о Камчатском Носе, о находящихся близ Камчатки островах и об Японии. «Какими путями в сию землю проезд, какое там в употреблении оружие, могут ли жители оной иметь дружбу и торговлю с русскими, подобно китайцам, и что им годно из Сибири». [1]

Две задачи, стоявшие перед Российской империей — проникновение в Японию и Америку, — четко формулированы и в предложениях капитана Беринга, датированных апрелем 1730 года. «Не без пользы был б, — пишет Беринг, — охотской или камчатской водяные проходы до устья реки Амур и далее до японских островов выведать: понеже надежду имеем, что тамо нарочитые места можно находить. И с теми некоторые торги установить, так же ежели возможность допустит и с японцами торг завесть, чтоб не к малой прибыли Российской империи впредь могло оказаться». [2] И дальше: «Признаваю, что Америка или иные между оной лежащие земли не очень далеко от Камчатки... И буде подлинно так, то можно будет установить торги с тамошними обретающимися землями к прибыли Российской империи». [3]

[1] Г. С. [пасский], Монах И. Козыревский, «Сибирский вестник», 1823, ч. II, стр. 29.

[2] «Первое морское путешествие россиян», СПБ. 1823, стр. 106.

[3] Там же, стр. 105.

То обстоятельство, что Камчатка в XVIII веке приобретает значение плацдарма для дальнейшей русской экспансии на Дальнем Востоке, ни в какой мере не облегчило положения туземцев. Наоборот, именно с середины двадцатых годов наблюдается усиление эксплоатации коренных жителей полуострова, усугубляемой в связи с подготовкой вооруженных экспедиций в Америку. И понятно, что именно на этот период падают наиболее выдающиеся восстания среди народов Камчатки, что именно с этим периодом связано наиболее массовое истребление русскими аборигенов полуострова.

II. ПЕРВЫЕ ИТОГИ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

При всех завоеваниях, — пишет Маркс во «Введении к критике политической экономии», — возможен троякий исход. Народ-завоеватель навязывает побежденным собственный способ производства (например англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии), или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (например турки и римляне), или происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)». [1]

Исход того или иного завоевания определяется, с одной стороны, тем способом производства, носителем которого является народ-завоеватель, а с другой стороны, — тем способом производства, на уровне которого находится покоренный народ в момент его завоевания.

Именно столкновение двух способов производства и дает в результате один из трех возможных исходов, о которых говорит Маркс.

Методы ограбления всякого покоренного народа также определяются тем способом производства, на уровне которого его застал завоева́тель, ибо «нация с развитой биржевой спекуляцией не может быть ограблена таким же способом, как пастушеский народ». [2]

Поэтому совершенно неправильным представляется нам утверждение некоторых историков о том, что в России имел место лишь первый исход завоеваний, т. е. что во всех случаях покорения «народ-победитель» навязывал побежденным собственный способ производства. [3]

---

[1] К. Маркс, Соч., т. XII, ч. II, стр. 187.

[2] Там же, стр. 188.

[3] См. Томсинский, Очерки истории феодально-крепостной России, Соцэкгиз, 1934, стр. 56.

Поскольку Россия, в каждый определенный хронологический отрезок времени являвшаяся носителем определенного способа производства, в процессе своих завоеваний сталкивалась с народами, находившимися на различных ступенях общественного развития, постольку для русских колоний возможны неодинаковые исходы завоевания.

В тех районах, где царская Россия как колонизатор сталкивалась со складывавшимися феодальными отношениями, там она форсировала феодальное развитие и навязывала побежденному народу свой способ производства.

В районах, где царская Россия заставала народы на доклассовой ступени развития, мы наблюдаем уже второй исход завоевания. В этих районах русский колонизатор ограничивается данью (ясаком). Именно так происходил процесс в северо-восточных колониях России.

Ограбление, как таковое, свойственно первому этапу всякого завоевания, вне зависимости от его исхода, и не следует поэтому думать, когда мы говорим о втором исходе завоевания, что характерным признаком его является лишь наличие ясака. С ясаком мы можем сталкиваться и в тех районах, где характерен первый исход завоевания, т. е. навязывание покоренному народу нового способа производства.

О том или ином исходе завоевания мы должны судить по тем изменениям, которые совершаются в способе производства у побежденного народа, по тому, какой способ производства приходит на смену старому.

Способ производства завоеванного народа подвергается при завоевании существеннейшей трансформации, вне зависимости от того, имеем ли мы дело с навязыванием нового способа производства или только со взиманием дани.

Это утверждение вытекает из того обстоятельства, что «захвату повсюду очень скоро приходит конец, и когда уже нечего более захватить, нужно начать производить». [1]

Однако если в первом случае способ производства побежденного народа достигает той ступени развития, на которой находится колонизатор, то во втором случае, несмотря на ускорение распада старых отношений благодаря завоеванию, побежденный народ этой ступени не достигает.

---

[1] Маркс и Энгельс, Из немецкой идеологии, Соч., т. IV, стр. 63.

Ибо в этом случае происходит двусторонний процесс: с одной стороны — разложение способа производства, существовавшего у побежденных, с другой стороны — его искусственная консервация.

Не навязывая побежденному народу в некоторых районах нового способа производства и оставляя существовать старый, даже пытаясь из фискальных соображений консервировать у туземцев некоторые выгодные для своих целей элементы первобытно-родовых отношений, в целом русское завоевание оказывает разлагающее действие на господствовавший у туземцев способ производства.

С подобным процессом мы сталкиваемся и при завоевании Камчатки русскими.

Не насаждая на полуострове феодального способа производства, будучи значительный период времени изолированными в укрепленных острогах, сталкиваясь с туземцами лишь в период выездов для сбора ясака, русские все же очень быстро оказали разлагающее влияние на господствовавший у туземцев способ производства. Сам факт взимания ясака, как мы увидим ниже, повлек за собою резкую деформацию социального строя туземцев. Взимание ясака прежде всего вызвало видоизменение удельного веса отдельных отраслей хозяйства в экономике камчадалов.

Камчадалы, в конечном счете единственные на полуострове плательщики ясака, до прихода русских не занимались систематически пушным промыслом. Основным занятием камчадалов являлись рыболовство, охота на мясного и морского зверя и первобытное собирательство (дикорастущих растений).

До прихода русских камчадалы ловили соболей «случайно и скорее мимоходом, чем нарочито». [1] По сообщению Крашенинникова, соболей камчадалы ловили «не для употребления кож их, ибо оные почитались хуже собачьих, но более для мяса, которое употребляли в пищу». [2] То же самое следует сказать и об охоте на лисиц, ибо «прежде всего в ловле их не было нужды для того, что они кож их не предпочитали собачьим». [3] В отдельных районах Камчатки соболь исполь-

[1] G. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig 1774, стр. 120—121.

[2] С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, СПБ. 1755, т. I, стр. 215.

[3] Там же, стр. 213.

Камчадалы (со старинной гравюры).

зовался туземцами, в незначительных, правда, размерах, для украшения одежды.

Об этом мы находим сведения еще в «сказке» Атласова. В некоторых районах, говорит он, «камчадалы ясаку ему не дали и дать де им нечего потому, что они соболей не промышляли». В других же районах хотя камчадалы соболей «в запас не промышляют, потому что они никуды ясаку не платят», однако в небольших размерах «только про себя на одежду» охота производилась. [1]

В отдельных местах, где камчадалы граничили с коряками, развитию пушного промысла способствовал начинавшийся процесс обмена между камчадалами и коряками. «Корякам давали они,—пишет Крашенинников,—соболи, лисицы, рослые белые собачьи кожи, сушеной мухомор и другие мелочи, а от них получали шитое оленье платье и кожи». [2] Обмен этот носил характер взаимного отдаривания.

Однако с приходом русских промысел пушного зверя перестал носить случайный характер и постепенно становится главной отраслью хозяйства камчадалов. Охота на пушного зверя отнимает у туземца значительную часть его времени, а впоследствии, в связи с истреблением зверя и небходимостью оплаты ясака и других поборов, вовлекает почти все мужское население.

Таким образом изменение промысловых объектов, изменение направления охотничьего промысла, фискальное и товарное значение, приобретенное продукцией пушного промысла,— все это способствовало росту индивидуальной охоты, каковой, в противоположность охоте на морского и мясного зверя, стала охота на пушного зверя.

Это был один из основных моментов, ускоривших распад первобытно-коммунистических отношений в оседлом хозяйстве основной народности полуострова — камчадалов.

Русское завоевание естественно ускорило и процесс возникновения частной собственности.

«Частная собственность, — говорит Энгельс, — всегда образуется лишь там, где вследствие изменившихся условий про-

---

[1] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, Л. 1935, стр. 27.

[2] С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, СПБ. 1755, т. II, стр. 17.

изводства и обмена введение ее нужно для усиления производства и расширения торговых сношений». [1]

Торговлю с туземцами мы наблюдаем с первых же дней колонизации Камчатки, ибо здесь «любой казак выступает в троякой роли: как житель, как солдат и как купец». [2] Внедрение торговых отношений в туземную среду приводило к имущественному неравенству. Все, что оставалось у туземца после прямого ограбления, ясака и других поборов, сразу обменивалось им на столь необходимые ему предметы, как железные ножи и котлы, а несколько позже, когда казаки привили туземцам новые потребности, — на табак и водку.

Но обменивалась не одна только пушнина. Казаки, по словам Крашенинникова, брали у туземцев в обмен на свои товары также и «лодки, сети, съестные припасы и проч.». [3]

О степени проникновения обмена в туземное пушное хозяйство, в связи с русской колонизацией, можно судить по тому значительному удельному весу, который в камчатской «коммерции» занимали корякские изделия.

И Штеллер и Крашенинников постоянно подчеркивают три рода товаров, фигурирующих на камчатском рынке: товары европейские, идущие из России, азиатские, главным образом из Китая, и корякские.

Из корякских товаров особенным распространением пользуется «гарно, т. е. всякие деланные и неделанные оленьи кожи». [4] Штеллер в числе корякских товаров называет еще готовые парки и куклянки. [5] Насколько огромно то значение, которое приобретает в жизни туземцев торговля, можно судить по сообщению Штеллера о том, что многие туземцы «при возникновении мятежей становились на сторону русских и дрались со своими сородичами, так как не хотели утратить преимущества торговли». [6]

Мы не будем в данном случае останавливаться на методах

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 161.

[2] G. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig 1774, стр. 376.

[3] С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, СПБ. 1755, т. II, стр. 248.

[4] Там же, стр. 262.

[5] Парка — платье, куклянка — шуба из оленьего меха.

[6] G. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig 1774, стр. 376.

торговли русских с туземцами, ибо об этом мы будем говорить в соответствующем месте.

Перейдем теперь к рассмотрению процесса распада основной социальной организации камчадалов — к разложению рода.

Атласов сообщает, что в момент его прихода на Камчатку в камчадальском остроге бывала одна или две юрты, в которой «живет людей человек по 200 и по 150».[1]

А уже в период пребывания на полуострове Штеллера, т. е. через каких-либо сорок лет, численность населения камчатского острожка резко уменьшилась. «Еще теперь встречаются остроги, хотя их уже немного, — пишет Штеллер, — в которых население состоит из 40 — 50 душ. Обычная численность острога — 10, 15 или 20 лиц мужского пола».[2]

Штеллер подтверждает сведения Атласова о том, что «во время первой оккупации страны казакам приходилось находить в одном остроге семейства, насчитывающие до двухсот и даже до трехсот членов. И вот в конце концов, — говорит Штеллер, — им приходилось, вследствие своей многочисленности и ненахождения достаточного пропитания на местах, прибегать к разделу».[3]

Этот быстрый процесс распада родовой организации, существовавшей у камчадалов ко времени прихода русских, являлся результатом как внутренних противоречий этого строя, так и новых причин, получивших силу в связи с завоеванием края русскими.

Развитие охоты на пушного зверя и систематический недоход рыбы в среднем и верхнем течении, как результат облавливания казаками низовьев рек, заставляли камчадалов селиться более мелкими единицами. Бесконечные восстания туземцев, заканчивавшиеся обычно после прихода русских карательных отрядов бегством, также способствовали такому расселению, ибо мелкая организация поселений являлась в данном случае значительно подвижнее.

Аналогичный процесс дробления родовых групп мы наблюдаем и у коряков.

«Русское влияние, — пишет Иохельсон, — сказалось также

---

[1] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке, Л. 1935, стр. 32.

[2] G. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig 1774, стр. 211.

[3] Там же, стр. 210.

в стремлении больших семей делиться на меньшие. Корякн говорят, что в прежние времена дома были обширнее, в одном жилище могло помещаться до сорока и более человек». [1]

С другой стороны, не прекращавшиеся восстания, ставшие с приходом русских «естественным состоянием» туземцев, увеличили значение и авторитет военачальника, сделав эту обязанность постоянной.

Роль военачальника была, по словам Штеллера, благодаря внутренним войнам между народами Камчатки весьма значительна у камчадалов еще до прихода русских. «Туземцы,— пишет он,— охотно подчинялись наиболее старым, мужественным и умным из своих сородичей, и одержав под их руководством несколько побед, в такой же мере привязывались к своим вождям, в какой последние проникались решимостью воевать и впредь, богатая же добыча все больше и больше укрепляла их авторитет и положение властителей». [2]

Однако, несмотря на это усиление влияния военачальника, оно до прихода русских было кратковременным и спорадическим, ибо окончание войны означало и окончание этого влияния, переходившего в мирное время к старейшине. Таким образом у камчадалов были вожди — «повелители, которым они добровольно предоставляли властвовать над ними, ставя их, однако, тут же в известность, что власть его касалась только военных походов», и старейшины, которым «они повиновались только в таких делах, на которые уже воспоследовало общее согласие всех прочих камчадалов». [3]

Аналогичное положение существовало и у коряков. По сведениям, приводимым Иохельсоном, «в бою верховная власть была в руках «сильного человека» и лучших воинов, но военное руководство не всегда поручалось тому, кто был старшим в мирное время». [4]

С приходом русских власть старейшины и власть военачальника централизуется в одних руках, ибо состояние мира в этот период было не чем иным, как подготовкой к войне.

---

[1] W. Iochelson, The Koryak, New-York 1908, vol. VI, part II, p. 770.

[2] G. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig 1774, стр. 234.

[3] Там же, стр. 355.

[4] W. Iochelson, The Koryak, New-York 1908, vol. VI, part II, p. 763.

Имена одних и тех же военачальников, которых русские называли «князцами», «лучшими людьми» и пр., мы встречаем в документах в течение десятилетий.

Корякский «князец» Эвоинто Косинков с «родниками» почти целых десять лет (с середины сороковых до середины пятидесятых годов) активно боролся с русскими. Правда, были периоды, когда война эта как будто прекращалась и «изменник» Эвоинто Косинков с сыном Эвехкутом якобы «склонился по прежнему в подданство и дал в аманаты сестру свою родную Тунневу». Однако, как выяснилось впоследствии, «Эвоинто склонение будто бы по прежнему в подданство под высокосамодержавную ея императорского величества руку оказал по их азиадцкому непостоянству вымышленно», предполагая, что в этом случае русские придут «не во многолюдстве того ради, дабы тех посланных способнее можно побить». [1]

В данном случае Косинков выступает носителем власти как в период войны, так и в период мира, являвшегося лишь прологом к новой войне. Судя по тому положению, которое занимал сын Эвоинто Эвехкут, следует предполагать, что пост военачальника превращался уже в наследственный.

Из камчадалов, стоявших долгое время во главе освободительной борьбы, можно назвать Начика, Тавача и многих других.

Подобных военачальников русские всячески старались подкупить и привлечь на свою сторону, для того чтобы путем использования их авторитета поработить туземцев. С другой же стороны, русские искусственно насаждали новых старшин — «тойонов», присваивая им всю полноту власти над своими родовичами.

В одной из инструкций этого периода предписывается выяснить, «кто у тех народов княжей и лучших людей», переписать их и «иметь к ним ласку, привет и бережение, чтоб они великому государю служили верно и радетельно и улусных своих людей ото всякой шатости унимали, а иных немирных иноземцев под его великого государя высокодержавную руку призывали, и за такие их службы великого государя милостию обнадеживать, и кто из них такую службу покажет, о том писать в Якуцку и тем людям за такие службы прислано будет великого государя милость, подарочное жалованье, смотря по их службе».

---

[1] Ленинградское отделение Центрального исторического архива (ЛОЦИА), фонд сената, I департ., д. № 750, лл. 584—587.

В двадцатых годах XVIII века камчадалам предоставляется право «управляться своими старшинами и быть им покорными, за что будет царское жалованье». [1] Одновременно с ростом влияния и власти этих старшин и «лучших людей» увеличивалась и частная собственность последних. На почве все усиливавшихся торговых связей с русскими они постепенно вырастали в ту наиболее мощную экономически верхушку туземного населения, которая ставила в экономическую зависимость от себя широкие трудовые массы последнего, постепенно сращивалась с колонизаторами и стала эксплоататором своей народности.

Параллельно русские форсируют рост собственнических тенденций и среди других туземцев. «А кто до кого доведет измену, — пишется в инструкции посылаемому на Камчатку приказчику, — тому отдать пожитки изменника». [2]

Это относится к двадцатым годам XVIII века, а в сороковых годах Штеллер уже наблюдал факты, свидетельствующие о том, насколько резкое изменение в туземцах произвела эта политика.

«В былые времена им было совершенно неизвестно чувство честолюбия и они ничего ради него не предпринимали, — сообщает Штеллер. — В настоящее же время некоторые из них начинают претендовать на первенство над другими по двум основаниям: 1) если он в состоянии доказать, что никогда не бунтовал или был соучастником в мятеже, но всегда служил доносчиком или солдатом против своих собратьев; 2) каждый из них старается превзойти другого в большем своем, чем прочие, уподоблении русским». По словам Штеллера, камчадалы, получившие «должности тойонов, гораздо строже относятся к своим единоплеменникам, чем даже русские. Впрочем из этих проявлений честолюбия, — говорит он, — проистекает не мало выгодного и хорошего, а именно: эти честолюбивые стремления заставляют их воздерживаться от учинения дальнейших беспорядков и побуждают хранить верность ее императорскому величеству». [3]

Однако с того момента, как тойоны становятся проводни-

---

[1] Инструкция сыну боярскому Бобровскому. Цитирую по А. Сгибневу, Исторический очерк главнейших событий на Камчатке, «Морской сборник», 1869, № 4, стр. 103.

[2] Там же.

[3] G. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig 1774, стр. 290.

ками русской политики, мы наблюдаем тенденцию со стороны русских консервировать социальную организацию туземцев из фискальных и полицейских соображений. Русские искусственно сохраняют и даже формируют «родовые» организации из туземцев, проживавших невдалеке друг от друга.

Русское завоевание ускорило и процесс формирования рабства, как первой формы эксплоатации. Рабов мы видим как у камчадалов, так и у коряков еще до прихода русских. Сведения об этом мы находим и у Крашенинникова и у Штеллера.

Крашенинников рассказывает, что основная цель междоусобных войн заключалась в том, «чтоб получить пленников, которых они в тяжкие работы употребляли, а особливо женского пола, которых они брали в наложницы и в супружество». [1]

Штеллер говорит, что рабы у камчадалов выполняли всякую домашнюю работу, таскали дрова, кормили собак и т. д.

Русские, раздавая захваченных пленных коряков в рабство ламутам (эвенам) и тунгусам (эвенкам), форсировали этот процесс. Раздавая же захваченных в плен камчадалов на поруки камчадалам, не участвовавшим в восстаниях, они открывали «возможность обращения в рабство собственных соплеменников и даже сородичей». [2] Подобное явление имело место после восстания камчадалов в 1731 году. [3]

Приведенные нами отдельные моменты, рисующие влияние русской колонизации на туземцев даже в первый момент завоевания полуострова, говорят о той огромной деформации, которая с приходом русских произошла в социальном строе народов Камчатки.

Это были те изменения, которые явились результатом второго исхода завоеваний, результатом грабежа.

Старый способ производства быстро разрушался, не достигая однако уровня общественного строя народа-завоевателя, как это имеет место при первом исходе завоевания.

Однако при втором исходе завоевания, одинаково как и при первом, в условиях царской России туземцы были обречены на гибель.

---

[1] С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, СПБ. 1755, т. II, стр. 62.

[2] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, 1932, стр. 100.

[3] См. сборник «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке», Л. 1935, стр. 63.

III. ВОССТАНИЕ КАМЧАДАЛОВ В 1731—1732 ГОДАХ

В январе 1725 года из Петербурга на Камчатку отправлялась экспедиция под начальством Витуса Беринга. Эта экспедиция, как и вторая экспедиция под начальством того же Беринга, вошедшая в историю как чисто научное предприятие, в действительности имела совершенно иные задачи.

В дореволюционной историографии, и в частности у С. Соловьева, единственная задача экспедиции усматривалась в выяснении сугубо научного вопроса, подсказанного Петру знаменитым Лейбницем, т. е. вопроса о том, соединяется ли Азия с Америкой.

«Внимание Петра, — пишет Соловьев, — не переставало обращаться на самую отдаленную азиатскую границу, к берегам Восточного океана: здесь нужно было удовлетворить требованию науки, выставленному Лейбницем, и узнать: соединяется ли Азия с Америкою». [1]

Подобный взгляд на экспедиции Беринга и на их задачи оставался незыблемым даже и в некоторых дореволюционных работах.

Л. С. Берг в изданном в 1924 году очерке, посвященном открытию Камчатки и камчатским экспедициям Беринга, полностью повторяет эту концепцию.

«Военные дела, — пишет Берг, — и другие неотложные нужды удерживали царя от этого предприятия (речь идет об экспедиции Беринга. — *С. О.*), — но под конец своей жизни он решился снарядить экспедицию для разрешения вопроса, интересовавшего Лейбница». [2]

---

[1] С. Соловьев, История России, изд. 3, книга 4, стр. 838.

[2] Л. Берг, Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга, Гиз, М.-Л. 1924, стр. 63.

А между тем, перед этими экспедициями стояли отнюдь не академические задачи. Перед ними был поставлен вопрос о возможности дальнейшего колониального расширения империи, ибо американские берега и прилежащая цепь островов в этот период являлись уже тем объектом, куда стремился российский торговый капитал.

Любопытно, что истинные задачи экспедиции Беринга, которые до сего времени не получили в нашей литературе должного отражения, довольно ясно сформулированы в американской литературе.

Один из наиболее серьезных американских исследователей, изучавших подлинные материалы экспедиции Беринга, профессор Гольдер, пишет, что «желание определить взаимоположение Азии и Америки было не единственным аргументом, выдвинутым в пользу экспедиции. Некоторые из рапортов, представленные по этому вопросу императрице,—продолжает Гольдер,—выявляли те выгоды, которые могут быть извлечены от земельного и коммерческого захвата, прибавления морских баз и открытия ценных металлов». [1]

Осенью 1727 года Беринг с двумя судами прибыл в Большерецк, и отсюда все экспедиционные грузы должны были сухопутным путем поперек всего полуострова быть переброшенными в Нижнекамчатск. Летом — по речке в батах, зимой — на собаках, — камчадалы должны были перевезти эти грузы на расстояние свыше 800 верст.

Туземцы, согнанные со своими собаками со всего полуострова, были брошены на перевозку экспедиции в самый период охоты и лова. Оставшись без запасов, камчадалы оказались к тому же лишенными транспорта, ибо при перевозке грузов экспедиции и ее участников большинство собак издохло.

Надо заметить, что «каюрная гоньба», т. е. обязанность перевозить грузы и пассажиров на собственных средствах передвижения, «есть, — как вынужден был признать через столетие Сибирский комитет, — одна из тягостных повинностей, разорившей жителей Камчатки до основания. Причина сего разорения то, — констатирует комитет, — что камчадалы и прочие жители во всякое почти время года только тем и занимаются, что развозят всех, начиная от начальника до последнего казака и

---

[1] F. A. Golder, Bering's Voyages, American Geographical Society, New-York 1925, Vol. I, p. 26.

купца, кои все под разными видами службы во весь год беспрерывно разъезжали для торговли и брали столько собак, лошадей, лодок и нарт, сколько кому нужно». [1]

Ясак и всевозможные поборы разоряли туземцев, каюрная же гоньба подрывала возможность оправиться им от ограбления, ибо она лишала их средств передвижения.

Первая экспедиция Беринга нанесла непоправимый удар экономическому положению камчадалов, ибо 30 лет ограбления туземцев ясашными сборщиками не могли сделать того, что сделала в течение года эта «научная» экспедиция.

Сосредоточив в своих руках в период подготовки к экспедиции почти все управление Камчаткой, Беринг обещал туземцам, что в награду за их работу по перевозке экспедиции некоторое время с них не будет взиматься ясак. Однако в своем приказе комиссарам и управителям камчатских острогов от 11 июля 1728 года, сообщая о полученных им от туземцев сведениях, что «сверх ясаку и аманацкого корму сбирают с них сладкую траву, ягоды и сарану, [2] от чего им не малая тягость и терпят голод», и о том, что «когда собирают ясак сборщики, то для своей бездельной корысти берут с них сильно куклянки, сети и баты, от чего чинитца не малой недобор в ясашной сборной казне», — Беринг предписывает запретить лишь незаконные поборы, но не упоминает об обещанной им временной отмене ясака. [3]

И через два дня, т. е. 13 июля 1728 года, Беринг отправился в море, а разоренные камчадалы вернулись в стойбища, куда вскоре, не нарушая своего обыкновения, явились ясашные сборщики.

Но судить об эксплоатации туземного населения Камчатки лишь по ясашным книгам невозможно, ибо в общей системе ограбления туземцев государев ясак, т. е. сбор, официально взимавшийся лишь с каждого трудоспособного мужчины, не занимал решающего места. Количество зверя, в основном соболя, предназначенного казне и записанного в ясачную книгу, было в несколько раз меньше той части, которую туземное население сдавало в виде чащин, т. е. сбора, поступавшего в собственность сборщикам, писчикам, толмачам и прочим. По-

[1] ЛОЦИА, фонд I Сибирского комитета, д. № 58, лл. 104—105.
[2] Сарана — растительные клубни, употребляемые камчадалами в пищу.
[3] ЛОЦИА, фонд экспед. Беринга, д. № 110, л. 60.

мимо ясака, на практике взимавшегося не только с трудоспособного мужского населения, но и с женщин и с детей и даже с умерших родственников, в свое время записанных в ясашную книгу; кроме чашины, размеры которой зависели от произвола сборщика и имеющейся в наличии у туземца пушнины; кроме каюрной гоньбы, о которой мы говорили выше,— камчадалы были обложены и рядом мелких повинностей, которые в общей сложности делали их положение безвыходным.

«Чинятца нам обида, а именно от заказчиков Верхнем-Камчадальском остроге, — говорил в своих показаниях камчадал Начика. — Повсягодно берут де с нас неокладные, тягостныя поборы ради своей корысти — сараны по пуду, кипрею по пуду, да по бату, а ежели где кипрею и сараны нету, то берут лисицами и собольми, за бат по шти соболей или лисиц, а сараны нету, то берут по лисице, кипрею нету, то берут по лисице же; тако ж берут и ягодами и юколою, [1] по три вязки и по четыре с человека, а ежели ягод и юколы не имеетца, то берут с нас последние куклянки и парки и собольные собаки и оттого приходим в последнюю нищету».

«А ежели и впредь будут такие поборы излишниа, — заканчивал свои показания Начика, — то нам приттн будет во всекопечную нищету, понеже с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут по три соболи, а соболей нету, то берут парками и куклянками и собольными собаками и что у нас имеетца, то все берут вместо чашин». [2]

В Якутске, в административном центре этого края, все действия сборщиков были прекрасно известны, однако они не привлекали внимания администрации, ибо все эти способы входили в систему ограбления, и разницу мы можем усмотреть разве в том, что те незаконные сборы, которые на Камчатке носили название чашин, в Якутии назывались беляком.

Лишь грандиозное по размерам восстание 1731 года заставило напуганное правительство произвести следствие о злоупотреблениях сборщиков и лишь этому обстоятельству мы обязаны некоторыми красочными показаниями туземцев, полностью рисующими ту систему грабежа и эксплоатации, которой они подвергались. «Да еще летом, — говорит в своих

---

[1] Юкола — вяленая рыба.

[2] ЛОЦИА, фонд экспед. Беринга, д. № 3, л. 140.

показаниях один из руководителей восстания 1731 года, крещеный камчадал Федор Харчин, — заказчики посылают нас в кормовую пору по дрова себе и нас всегда продержат в каюрах.[1] И за иными своими прихотьми летом не дадут нам удобного времени промыслить к зиме рыбного корму, а зимой не дадут нам промыслить зверя за своими излишними прихотьми и за необстоятельными с нас поборами. А за вышеозначенными поборы, — рассказывал дальше Харчин, — посылают от приказчиков и заказчиков служилые люди и берут с нас себе хоженного со всякого человека по лисице и за свои они приказчики и заказчики и сборщики, чащины и другие иные поборы, бьют нас батогами и на правеже на смерть, а иные не стерпя такого мучения давились».[2]

Крашенинников, бывший на Камчатке в тридцатых годах XVIII века, рассказывает о том, что казаки на Камчатке жили «как дворяне за холопами».[3] Соболей и всякой другой пушнины они имели в изобилии, и единственное, что их, по словам Крашенинникова, мучило, это — отсутствие водки. Но и этот недостаток был вскоре устранен благодаря тому, что научились приготовлять водку из так называемой сладкой травы.

Свободное время казаки проводили за игрой в карты или в кости, проигрывая не только награбленную пушнину, но и взятых в холопство туземцев. Нередко случалось, как рассказывает Крашенинников, что туземцу «в один день доставалось иметь по двадцать хозяев».[4]

Цитированные выше показания туземцев дают нам представление о том, каким образом казаки получали возможность жить «как дворяне за холопами».

В некоторых случаях холопство достигалось путем кабальных договоров: «А ежели де у кого чащин кунного нет, — читаем мы в одном из показаний, — то берут себе у нас за чащины жен и детей под заклад, а сроки пишут на малое время, что нам на такие сроки выкупить нечем, и то охолапливают их себе вовсе».[5]

---

[1] Каюр — проводник при езде на собаках.
[2] ЛОЦИА, фонд экспедиции Беринга, д. № 3, л. 122 об. — 127.
[3] С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, СПБ. 1755, т. II, стр. 245.
[4] Там же.
[5] ЛОЦИА, фонд экспед. Беринга, д. № 3, лл. 122 об. — 127.

В большинстве же случаев дело обходилось и вовсе без формальностей: «А у кого взять нечего, — говорит в своих показаниях Федор Харчин, — то берут лопотью, [1] мужеским и женским полом». [2]

Взятые в рабство ясачные люди и захваченные пленники не только обращались в холопов здесь же на месте, но вывозились и продавались далеко за пределами Камчатки, в частности в Якутске, этом центре российской работорговли.

«И у многих побрали жен и детей, — читаем мы в сенатском указе, — и так уже побрали много, что в Якутску мало таких козаков, у кого-б ясачных людей в холопях не было, и к тому же многое число продают разного чина людем, которые развозят по иным городам». [3]

По переписи 1724 года «за выключением действительно служащих разных чинов людей» в подушном окладе, в Верхнекамчатском остроге числилось: разночинцев — 27, а у них холопов — 101; в Большерецком — разночинцев 34, а у них холопов — 108; и в Анадырском — разночинцев 6 и холопов у них — 17. [4]

Ответом на эту систему эксплоатации туземного населения являлись непрерывные мелкие восстания. Нередки были случаи убийства сборщиков. Так например в 1725 году на реке Аваче ясачные убили трех сборщиков, и когда на следующий год вновь пришли русские казаки, они решительно отказались платить ясак. В 1729 году ясачные сборщики были убиты на реке Уке.

Однако за подобные восстания русские жестоко расправлялись с виновными.

Постепенно камчадалы начинают осознавать, что выходом из создавшегося положения может быть лишь массовое восстание.

Исподволь подготовляемое восстание было тем более опасным для русских, что, как пишет Крашенинников, камчадалы «умели из ружья стрелять, имели винтовок и пороху довольно, а многие знали все российские тамошния ополчения и коим

---

[1] Лопоть — верхняя одежда.
[2] ЛОЦИА, фонд экспед. Беринга, д. № 5, лл. 556—559.
[3] ЛОЦИА, фонд сената, именные указы за 1733 г., д. № 38, л. 296.
[4] ЛОЦИА, фонд канцелярии синода, 1730 г., д. № 188/504, лл. 17—18.

образом защищать себя и потому имели не варварския уже предприятия и советы».[1]

Не случайно, что во главе наиболее крупного восстания камчадалов 1731 года были камчадалы, долгое время жившие среди русских, служившие у них в качестве толмачей и умевшие обращаться с огнестрельным оружием.

Мысль о всеобщем восстании, как сообщали впоследствии арестованные камчадалы, возникла у них в мае 1731 года.

О готовящемся восстании были оповещены все камчадалы прилегавшего к Нижнекамчатску района. Оставалось только выбрать наиболее удачный момент для выступления.

20 июля 1731 года из Нижнекамчатска в Анадырск на боте «Гавриил» отправлялись последние остатки прибывшей из Большерецка экспедиции Шестакова, находившиеся ныне под командою штурмана Генса.

С уходом этой экспедиции на Камчатке оставались зимовать лишь небольшие группы казаков, разбросанные по острогам, удаленным друг от друга на значительные расстояния. Поэтому уход судна и был намечен камчадалами как сигнал ко всеобщему восстанию.

Но вышедший в устье реки Камчатки «Гавриил» внезапно был задержан встречным ветром и в ожидании более благоприятной погоды встал на якорь.

Камчадалы, наблюдавшие за выходом судна, видя его уходящим в открытое море и не знавшие о происшедшей задержке, сразу же сообщили об уходе «Гавриила» в селение Ключи — центр готовящегося восстания.

К Нижнекамчатску восставшие подошли «ношным временем». Обнесенный со всех сторон высоким частоколом и наглухо запертый острог, в котором находилось более 40 казаков с семьями, возможно было взять только хитростью.

Согласно выработанному плану был зажжен дом иеромонаха Иосафа, находившийся вне ограды, и когда разбуженные пожаром казаки выбежали за ворота, камчадалы проникли в острог и захватили его.

Известие о захвате Нижнекамчатска и убийстве казаков было передано тремя служилыми, убежавшими из острога, в

---

[1] С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, СПБ. 1755, т. II, стр. 226—227.

устье реки, где в это время находился камчатский заказчик Кырков и другие, провожавшие «Гавриила».

Уход «Гавриила» был приостановлен, «ибо сперва,— как говорит Крашенинников, — надлежало свое удержать, нежели вновь покорять непокорных».

21 июля из команды «Гавриила» был сформирован отряд в 52 человека, отправленный под командою подмастерья Спешнева к Нижнекамчатску. Уже 22-го, узнав от встречных о размерах восстания и начинавшемся на всем полуострове движении, Спешнев требовал от «партии» «2 пушки больших, ядер, пороху и свинца, что надлежит, две мортиры с ядрами чиненными, вспоможение служилых людей сколько возможно».[1] На помощь был отправлен еще один отряд в 25 человек под командою солдата Змиева.

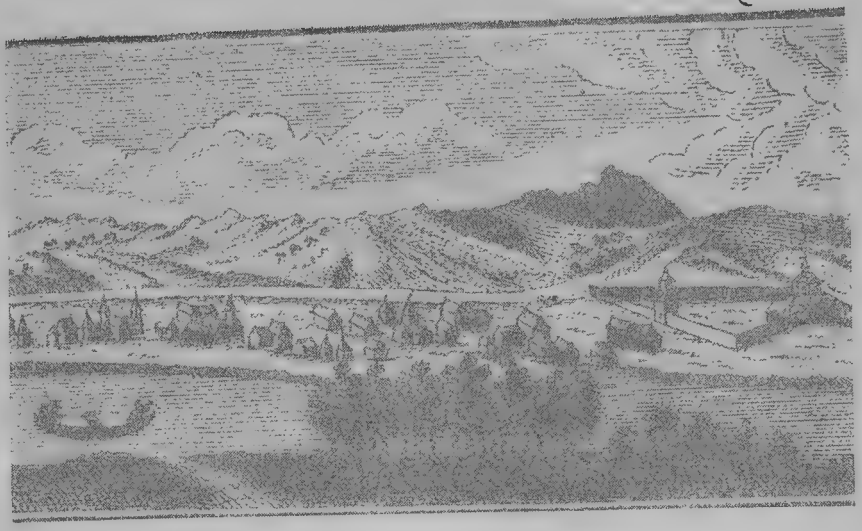
О том, что «Гавриил» остался на Камчатке, камчадалам очевидно стало известно очень скоро, так как сразу же после захвата Нижнекамчатска началась подготовка к отсидке в остроге.

Когда казаки подошли к Нижнекамчатску, они увидели, что «круг старого острогу оные изменники поставили вновь острог».[2] 22-го тот же Спешнев доносит, что камчадалы «кормы казачьи прибирают себе в острог и тут знатно хотят сидеть в крепости».[3]

25-го началась осада. Часть отряда во главе со Спешневым подошла к Нижнекамчатску со стороны реки, другая часть шла сухопутным путем под командою есаула Соболева. Встреченные сильным ружейным огнем и дождем стрел, казаки вынуждены были дожидаться артиллерийской помощи. В тот же день Спешнев вновь подтверждает свое требование о присылке двух пушек и мортиры «с чиненными ядрами». Успех осады зависел от артиллерии, так как ружейный огонь был для камчадалов благодаря стенам острога безвреден, а изрядный запас провианта давал возможность длительной отсидки. Камчадалы, как мы уже знаем, прекрасно владели захваченными ружьями (по словам Харчина, при захвате Нижнекамчатска в руках камчадалов оказалось «фузей и винтовок десятка с два»), но стрелять из пушек не умели и захваченные ими две медные

---

[1] ЛОЦИА, фонд экспед. Беринга, д. № 3, л. 36.
[2] Там же, л. 103.
[3] Там же, л. 36.



Нижнекамчатский острог (со старинной гравюры).

и две чугунные пушки попросту утопили в реке. Отряд Змиева привез требуемую артиллерию. 27-го после двухдневного боя острог был «испробит» и захвачен, а «божиею милостью, — как сообщалось в донесении посланных к Нижнекамчатску командиров, — на бою из оных изменников многих побили, а иные из острогу бежали и оных на побеге и на имке побили». [1]

Из русских при осаде четверо было убито и множество ранено, «а сколько погибло камчадалов, — говорит Крашенинников, — про то неизвестно, для того, что трупы их погорели в остроге. Не спаслись же и те, которые сдались во время приступу, ибо казаки, будучи огорчены насилием жен своих и тратою имения, перекололи их без остатку». [2] Лишь небольшая группа камчадалов во главе с Харчиным успела скрыться из острога еще до полного его захвата казаками, да еще несколько человек после бегства Харчина, не желая быть убитыми казаками, «острог и ясашную избу зажгли порохом и сами де сожглись». [3]

---

[1] ЛОПИА, фонд экспед. Беринга, д. № 3, л. 94.

[2] С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, СПБ. 1755, т. II, стр. 230.

[3] ЛОПИА, фонд экспед. Беринга, д. № 3, л. 157 об.

Но захват русскими Нижнекамчатска был только началом разгрома восстания 1731 года, точно так же как захват его ранее камчадалами был только началом этого восстания.

Восстание ширилось, в него вовлекалось все большее число камчадалов, и оно охватило весь центр полуострова.

После того как Нижнекамчатск был опять взят русскими, штурман Генс отправляет под командою солдата Змиева отряд для окончательного подавления восстания камчадалов. Змиеву предписывалось итти с устья реки Камчатки вверх по рекам Камчатке, Еловке и Козыревской к Верхнекамчатскому острогу и выяснить, в сохранности ли Верхнекамчатский и Большерецкий остроги, ибо, как писал в своем донесении нижнекамчатский заказчик Кырков, и в «других приписных рек и острожков ясачные туземцы изменяют, а Верхней де Камчадальской и Большерецкой остроги и служилые люди в сохраненіи имеютца, про то де и знать не можно». [1]

Экипаж «Гавриила» решено было оставить зимовать на Камчатке, и 17 августа 1731 года отряд Змиева отправился в поход.

Еще будучи в Нижнекамчатске, Федор Харчин послал на Еловку сообщить о взятии острога. Бывшие на Еловке для рыбного лова казаки были перебиты. На Еловку в Тенивин острог пришел из «Пеучева острога Гижур да еловские Итатель, Тигелев брат Тонач, а Тигил сверху приплыл, а при нем Валагала, тако ж Кана, Лалот Чамора и все верховые еловские иноземцы». [2] Еловка стала вторым очагом восстания камчадалов, и именно сюда после бегства из Нижнекамчатска прибыл Федор Харчин «собирать иноземцев». Отсюда камчадалы, «во многом собрании», по рекам Еловке и Камчатке вновь вернулись в Ключевской острог, где и было решено пойти с новыми силами к морю и окончательно истребить казаков.

28 августа камчадалы, ехавшие на пароме по реке Камчатке, встретились у входа в Ключи с частью отряда солдата Змиева, схавшей на двух батах под командою Клима Полежаева. Камчадалы начали «лук тянуть», казаки — стрелять из фузей. Находившийся невдалеке Змиев с главными силами, услышав выстрелы, прибыл вскоре к месту столкновения, и камчадалы, высадившись на берег, «укрепились на сопке».

---

[1] ЛОЦИА, фонд экспед. Беринга, д. № 3, л. 94.
[2] Там же, лл. 122 об.—127.

Осадив камчадалов у сопки, русские опасались приступить к наступательным действиям в виду большого количества восставших.

В свою очередь и камчадалы сохраняли оборонительную позицию.

Между сторонами начались переговоры на расстоянии.

Казаки предложили Харчину выйти к ним в лагерь, под гарантией двух заложников для переговоров. Харчин пришел в лагерь к казакам, и после разговоров, не приведших ни к каким результатам, вернулся обратно. Камчадалы отказались вернуть оружие и платить попрежнему ясак.

Учитывая все же, что камчадалы не справятся с русскими, Харчин на другой день изъявил желание снова выйти к казакам для переговоров и, уведомив их об этом, потребовал двух заложников. «Ему казаки вторично не отказали, — сообщает Крашенинников, — однако умышленно, ибо как он к ним переехал, то они взяли его под караул, а своим закричали, чтобы в реку бросались; для предосторожности, чтобы оставшиеся на берегу их не закололи, приложились на них ружьями, чего камчадалы устрашась разбежались».

Руководство восстанием принимает на себя Голгоч, который, несмотря на поимку Харчина, попрежнему отказывается выдать оружие и дать аманатов. Лишь после артиллерийского обстрела камчадалы покидают сопку.

После бегства с сопки камчадалы во главе с Голгочем, Таначем, Тигилем и другими направляются вверх по рекам Камчатке, Козыревской и Щапиной для созыва большего количества участников, имея своей целью захватить, увеличив силы, Верхнекамчатский острог.

Однако, подойдя уже к Машурину острогу, камчадалы поняли, что русские оповещены о начавшемся восстании и что внезапно захватить русские остроги им не удастся. «И подошед де мы под Машурин острог, — говорит в своих показаниях камчадал Урил, — усмотрели, что тут живут служилые люди на опасном карауле, и оттуда я Урил взяв с собой 10 человек и поплыл батами вниз по Камчатке реке, а означенный Голгоч пошел на Козыревский острог». [1]

С этого момента камчадалы теряют единый центр восстания. Оно распадается на ряд отдельных мелких очагов, с которыми

---

[1] **ЛОЦИА**, фонд экспед. Беринга, д. № 3, лл. 122 об.—127.

русским пришлось бороться свыше двух лет, ибо повсюду они встречали отчаянное сопротивление.

На реке Хариузовой был построен такой крепкий острог, что русские не смогли его взять и вернулись за подкреплением, не усмирив камчадалов; из Большерецка туда был послан отряд из 50 человек, в то время как камчадалов там насчитывалось не более 30.

Поход этого отряда начался с реки Воровской, продолжался по Облукоминской и окончился на Белоголовой. Во время этого похода, как сообщает Сгибнев, «перебито и переколото без всякой причины человек 170, в плен взято жен и детей их 220, да в живых осталось человек до 100». [1]

Захваченных в плен казаки разделили между собой, причем на каждого казака досталось по 3—4 человека, а командирам по 6.

Хариузовские же «ясачные иноземцы Максимка да Щербак с товарищи собрався во стех человеках и пошли по Пенжинскому морю до морского судна «Фортуна» в поход». [2]

Камчадал Тигил засел в своем жилище на Еловке «и стрелял по казакам из винтовок, из луков до последнего их, да и жен и детей своих прикололи они сами». [3]

Очень сильное сопротивление оказал русским «изменник» Вахлыч, выстроивший укрепленный острог, где засело «изменников сот с пять, бобровских и курильских». Как сообщается в промемории штурмана Генса управителю ясачной избы Борисову от 11 февраля 1732 года, у восставших имелось пять пищалей и что «де на оных изменников в малолюдстве итти не подлежит». [4]

Против Вахлыча был направлен сильный и снабженный артиллерией отряд, заставивший камчадалов после упорной осады сдаться, после чего большинство взятых в плен было перебито.

Подобное массовое истребление восставших имело для колонизаторов определенный смысл. Слова Маркса о терроре татар во время завоевания Руси полностью применимы и к политике русских по отношению к народам Камчатки. «Так как они в сравнении с их колоссальными завоеваниями были не-

---

[1] А. Сгибнев, Исторический очерк главнейших событий на Камчатке, «Морской сборник», 1869, № 4, стр. 122.

[2] ЛОЦИА, фонд экспед. Беринга, д. № 5, лл. 588—590.

[3] Там же, д. № 3, лл. 156—165.

[4] Там же, д. № 3, лл. 73—74.

многочисленны, то они вынуждены были окружать себя нимбом ужаса и путем повторения резни уничтожали народы, которые поднимались у них в тылу».

Расследование причин восстания камчадалов и виновности отдельных участников было поручено специальной «походной розыскной канцелярии» под начальством майора Мерлина.

На 554 подводах, снабженная специальной инструкцией, розыскная канцелярия отправилась на Камчатку.

В инструкции Мерлину предписывалось «воров и заводчиков Федьку Харчина с братом Степкою, дядей их Голгочем... и прочих заводчиков, оковав руки и ноги, держать под крепким караулом. Следовать накрепко в зажигании ими острога и церкви святой и побитии служилых и пытать».

Кроме того предписывалось выяснить и о производившихся сборщиками злоупотреблениях, которые вызвали восстание камчадалов. Все же «взятые сборщиками излишние поборы» предписывалось «зачитать в казну».

Следствие «канцелярия» производила до 1739 года.

Из участников восстания после высочайшей конфирмации были казнены Федор Харчин и Голгоч. Крашенинников рассказывает о поразительной выдержке и самообладании, с какою оба приговоренные шли на казнь. «Бесстрашие, с каким тамошний народ к смерти ходит, можно всякому рассудить по одному сему примеру, что при помянутой казни один смеючись жаловался на свое нещастие, что ему на виселице последнему быть надлежало». [1]

Кроме того «для обуздания и в страх, — как сообщает А. Сгибнев, просматривавший местные камчатские архивы, — повешены в каждом остроге по два камчадала из числа главнейших виновников». [2] В результате же следствия были казнены и три приказчика, по числу русских острогов, имевшихся в этом районе Камчатки. Чтобы создать впечатление о непричастности правительства к действиям сборщиков, казнь была проведена публично в каждом из трех острогов.

Указ Анны Иоанновны от 31 мая 1733 года, где приказывалось тех ясачных, которые «невольно набраны и распределены, из тех, которые не приняли веры христианской и не кре-

[1] С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, СПБ. 1755, т. II, стр. 234.

[2] А. Сгибнев, Исторический очерк главнейших событий на Камчатке, «Морской сборник», 1869, № 4, стр. 133.

щены, отпускать на прежние места», был развешан по всем острогам. Однако, несмотря на официальное запрещение брать излишние поборы и обращать камчадалов в рабство, положение туземного населения на Камчатке по существу не изменилось. За несколько десятков верст от места действия розыскной комиссии сборщики чувствовали себя свободно и попрежнему продолжали грабеж.

Имеется ряд красочных материалов, рассказывающих о грабежах, совершенных комиссаром Эверстовым и купцом Глазуновым в самый период действия на Камчатке розыскной комиссии майора Мерлина, и о том, что начальники карательных экспедиций против камчадалов, восставших из-за «несносных обид» от сборщиков, по усмирении восставших становясь сборщиками, не многим отличались от своих предшественников, привлеченных к следствию. Так, солдат Змиев, будучи на Еловке в Лехтаревом остроге, «взял де, — как указывал камчадал Семен Трифонов, — его Семена на жилище его в юрте с матерью в холопство». [1]

Во всей дореволюционной литературе по истории Камчатки вопрос о методах колонизации русскими этого края если не замалчивался, то во всяком случае преподносился таким образом, что во всех злоупотреблениях повинна лишь местная администрация, не подчинявшаяся директивам центра, всецело направленным к защите туземного населения.

Однако, издавая указы о защите туземцев, правительство не наблюдало за их выполнением, а следило лишь за своевременным и в установленных размерах поступлением ясака.

Издавая эти указы, правительство посылало на Камчатку для занятия административных постов людей заведомо порочных, замешанных в тех или иных преступлениях, причем, не высылая им годами, а иногда и десятилетиями, жалование, оно уже тем самым толкало их на грабеж туземного населения.

Один из существенных выводов, который правительство сделало из восстания 1731 года, заключался в признании необходимости иметь в каждом туземном роду надежную опору для своей колонизаторской политики.

Мерлин с этой целью в каждом туземном селении назначает тойона, на обязанности которого лежит наблюдение за поведением туземцев и на которого возлагается ответственность за их благонадежность и за своевременную уплату ясака.

[1] ЛОЦИА, фонд экспед. Беринга, д. № 4, л. 237.

Тойоном «Коанного» острожка, находившегося между озером Кайночем и рекой Еловкой, где до восстания тойоном был казненный Федор Харчин, назначается брат его Степан, перешедший во время восстания на сторону русских.

Но разгром восстания 1731 года не сломил окончательно героического сопротивления камчадалов. Не приобретая в последующие годы такого массового характера, какой оно носило в тридцатых годах, движение камчадалов в последующее десятилетие носит территориально ограниченный характер, достигая все же в отдельных случаях весьма значительных размеров.

Так в начале 1741 года ясачные камчадалы подняли восстание на реках Утхолоке и Подкагирной, где убили 12 казаков и одновременно осадили Тигильский острог. Против восставших были посланы сильные отряды под начальством офицеров, участников второй экспедиции Беринга. Во время следствия, производившегося участниками «научной» экспедиции Беринга, несколько человек из захваченных пленных, не стерпев пыток, «на Оваче сидя под караулом сами утопились». [1]

Не имея возможности обеспечить полную безопасность русских во время их пребывания в камчадальских острогах, экспедиционное начальство пытается свести до минимума посещения русскими туземных жилищ.

В числе мер, предложенных капитаном Чириковым «ко удержанию злых замыслов камчадалов», он особенно подчеркивает необходимость «наикрепчайшее учинить запрещение, чтоб казаки и служилые и прочия тамошния жители, руские люди из острогов своих к камчадалам в острожки без дела ея императорского величества и без самых крайних нужд за своими бездельными корыстьми (как они издавна повадились) отнюдь не отлучались, но жили б в острогах своих все вместе и всегда б имели от камчадалов крайную предосторожность». [2]

Казакам было запрещено посещение камчадальских острогов по каким бы то ни было делам, кроме ясачных, а сбор ясака возлагался на сильные вооруженные отряды.

Но несмотря на отдельные выступления камчадалов, ведущая роль в освободительной борьбе против русских в этот период переходит к корякам.

---

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 66, лл. 70—72.
[2] ЛОЦИА, фонд экспед. Беринга, д. № 53, лл. 914—915.

IV. ВОЙНА РУССКИХ С КОРЯКАМИ 1745—1756 ГОДА

Резкое уменьшение числа ясачных камчадалов, начавшееся в целях обеспечения тыла, их крещение и предоставляемые вследствие этого льготы по ясаку — значительно уменьшили количество получаемой от них пушнины. Это обстоятельство заставило русских усилить наступательное движение против коряков, и кроме того их разгром был особенно важен для разрешения проблемы бесперебойной связи с Камчаткой, в частности задачи снабжения последней провиантом, так как восставшие коряки беспрерывно нарушали сообщение с Анадырском.

Попытка объясачить коряков вызывала с их стороны резкое сопротивление. В течение десяти лет, с середины сороковых до середины пятидесятых годов, движение коряков носит особо активный характер, причем в ряде случаев камчадалы, находящиеся по соседству с ними, пытаются прийти им на помощь для совместной борьбы с русскими. Движение началось с отдельных вспышек. В 1744 году коряцкий старшина Туипа с родниками отказался платить ясак, после чего был арестован и в кандалах прикован к стене.

В 1745 году коряки во главе с Эвоинтой убили в Ягачине 40 человек служилых и нескольких купцов, иеромонаха Флавиана и его спутников. Ряд служилых в это же время был убит коряками во главе с Аликом, по пути из Охотска в Камчатку.

В конце 1745 года началось восстание живущих неподалеку от Акланского острога ясачных коряков.

Восстание вспыхнуло одновременно в Ягачинском, Жировском, Каменном и Косоухинском острожках и началось, по обыкновению, с убийства ясачных сборщиков.

26 ноября того же года восставшие коряки во главе с Косинковым подошли к Акланскому острогу, где в это время находилось всего лишь 12 казаков, так как остальные разъехались за сбором провианта и ясака.

Акланский острог, возобновленный в 1742 году, был в это время окружен с четырех сторон стенами, длиною в 15 сажен и высотою в 2 сажени.

Внутри острога помещалась часовня, казармы, ясачная изба и два амбара.

Коряки в течение нескольких дней пять раз атаковали острог. Но несмотря на то, что их было более 100 человек, казакам удалось отбить нападавших «стрелянием из огненого ружья».

Коряки начали длительную осаду, пытаясь взять русских измором.

С ноября 1745 по март 1746 года казаки сидели в осаде, «а пропитание имели самое нужное: ели сети сученые из китовых жил и ремни нерпичьи и подошвы от торбасов [1] и едва де все с гладу не примерли». [2]

В марте 1746 года из Анадырска, куда проникли сведения о начавшемся в Акланске восстании, прибыл русский отряд из 150 человек. Коряки, заранее получив, очевидно, сведения о приближении отряда, за три недели до его прихода сняли осаду.

Вооруженные отряды были направлены в туземные острожки, но на месте прежних жилищ никого уже не обнаружили.

25 человек из этого отряда были оставлены для охраны Акланского острога.

Некоторое время коряки не подавали никаких признаков жизни, но когда в июле 1746 года казаки отправились вниз по реке Аклану для заготовки провианта, они были перебиты внезапно появившимися туземцами. Из всего акланского гарнизона осталось в живых только 6 человек. Не рассчитывая отсидеться, казаки закопали имевшуюся у них пушку, порох и ружья, оставили острог и направились в Анадырск.

Через год небольшой отряд казаков был послан на разведку в Акланский острог. Обнаружив, что острог уже сожжен, а пушка и порох забраны коряками, казаки ушли, не рискуя остаться в столь незащищенном месте.

---

[1] Торбасы — сапоги из оленьих шкур.

[2] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1552, лл. 312—318.

Восстание коряков принимало характер упорной и длительной войны. Карательные отряды, посылаемые русскими, не приводили ни к каким результатам, так как оленеводы-коряки постоянно меняли свое местопребывание. После длительных и тяжелых переходов отряды, отправляемые для усмирения коряков, наталкивались лишь на пустые стойбища и, не имея возможности в пути добыть провиант, ни с чем возвращались в Анадырск.

Местная администрация, чувствуя все свое бессилие в борьбе с коряками, сочла необходимым «от Ямского острога берегом вкруг Пензенского моря до Камчатки, где живут те бунтовщики и изменники, построить редуты или крепости и оставливать в них жить пристойное число людей». [1]

Само содержание столь монументального и дорогостоящего проекта говорит о том, что администрация расценивала борьбу с коряками как задачу длительного и упорного характера.

Этот проект долгое время обсуждался в различных инстанциях, и лишь в пятидесятых годах, когда движение коряков пошло на убыль, он был оставлен.

Но пока укрепленных фортов не было, и в то же время непрекращавшиеся восстания коряков, охватившие весь центр полуострова, угрожали полным уничтожением русского господства, — приходилось прибегать к иным методам борьбы, не свойственным русским колонизаторам.

Во второй половине 1748 года в район бывшего Акланского острога были посланы толмач и казак для того, чтобы призывать руководителей восстания Эвоинта Косинкова, Тыкиетога и других «в ясачной платеж с таким обнадеживанием, что ежели они склонятся попрежнему в подданство доброхотно и в том дадут по себе аманатов, таковым за измену их вина имеет быть упущена». [2]

Корякам Каменного острога было предложено возвратить находившихся у них пленных и захваченное ими в Акланском остроге оружие.

Однако это требование коряки выполнить отказались. Как сообщала иркутская провинциальная канцелярия сенату, «они (коряки. — *С. О.*) ничего того не отдают и за взятых в плен

---

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1552, лл. 114.
[2] Там же, д. № 750, лл. 584—587.

казачьих жен и детей требуют выкупу, котлов и табаку, а ружья де и на выкуп не отдают». [1]

Уже в 1747 году охотская канцелярия констатировала, что от коряков «разными зверьми ясаку не столько приносится прибыли, сколько высокому ее императорскому величеству убытку и людям разорения».

Затраты, вызываемые не прекращающимися восстаниями, себя не оправдывали, и поэтому, «призвав всемогущего бога в помощь», иркутская канцелярия предписала «всех изменников коряков военною оружейную рукою побить и вовсе безо всякого милосердия искоренить, ибо из того уповаемо может последовать в тамошних местах верноподданным безопасное житие и от такого военного страха и другие ясашныя и не ясашныя народы от бунту и измены иметь будут воздержание и от время до время верноподданными быть». [2]

«Трагичность положения туземцев заключалась в том, — пишет Иохельсон, — что соболь, на которого был наибольший спрос со стороны русских, был редким животным на территории коряков, а у чукоч вовсе не встречался». [3]

Именно поэтому, борясь с коряками для обеспечения безопасности путей сообщения и обеспечения спокойствия тыла, русские, не имея достаточных интересов в широкой эксплоатации коряков, ставят вопрос о их полном истреблении.

Почти одновременно с началом движения в районе Акланского острога поднимаются восстания и в центре полуострова.

Ясашный «иноземец» Петр Орликов, отправленный в начале 1746 года для тайного выведывания местонахождения долго не возвращавшихся ясачных сборщиков, принес первые известия о начинающемся восстании. Будучи на Озерной реке у камчадалов, Орликов узнал, что к ним «чюкчи де, коряки и юкагири на погромление здешняго Нижняго Камчатского острога... в вспоможение притти хотят». И кроме того, что «коряки же де с чюкчами замирение возымели, объявляя доколе де нам между собою иметь брань и от руских терпеть, мы де их чтоб они на нашей земле не были всех до единого искореним». [4]

---

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 750, лл. 584—587.
[2] Там же.
[3] W. Iochelson, The Koryak, New-York 1908, vol. VI, part II, p. 797.
[4] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1552, лл. 80-81.

План действий, по словам Орликова, намечался следующий: для помощи камчадалам при взятии Нижнекамчатского острога приходят чукчи, коряки и юкагиры, причем часть из них должна была ожидать очередного прихода русских судов из Охотска. Суда намечалось захватить обманным путем и во что бы то ни стало не дать уйти им обратно. Сюда же приходят и две байдары олюторов с женами и детями. «А другие де пойдут совокуплясь с тигильскими на погром в Большерецк и Верхней остроги».

В осуществление этого плана юкагиры и чукчи осадили колымскую дорогу.

Это восстание, сорванное почти в первый момент своего возникновения, является тем не менее одним из самых интересных в истории восстаний камчатских народов. Его специфику составляет попытка преодолеть племенную ограниченность, столь характерную для камчатских народов. У организаторов этого восстания имелось совершенно четкое представление о том, что только совместная борьба всех народов Камчатки сможет привести к желаемому результату.

В системе организации этого восстания единственным народом, участие которого в восстании представляется сомнительным, являются чукчи. Все участники восстания в своих весьма детальных показаниях на вопрос об участии чукчей в подготовляемом восстании отвечают отрицательно. Лишь цитированный выше Орликов указывает на участие чукчей. Однако сама постановка вопроса о возможности участия чукчей в этом восстании и о необходимости прекратить для этого исконную вражду чукчей с коряками является уже показательной.

Орликову об участии чукчей в этом восстании сказал Керуга, один из активных участников восстания камчадалов 1731 года, через 14 лет вновь вставший на борьбу с русскими.

Предлагая Орликову присоединиться к восстанию и сообщить о восстании другим ясачным камчадалам, Керуга, очевидно для придания этому восстанию большего авторитета среди камчадалов, заявил, что «хотя де этих наших руские люди и прибьют, то де на лето будут чюкчи, которых де руские люди убить никак не возмогут». [1]

Однако о том, что переговоры чукчей с коряками (правда,

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1552, лл. 80—81.

несколько позднее) имели место, говорят показания казака Кузнецкого, попавшего в 1754 году в плен к чукчам.

«В 1755 году, — рассказывает он, — приезжал из коряк один человек, а как его зовут не знает... с таким объявлением, что коряки желают с ними чюкчами между собою жить вместе и на российских в поход ходить обще». [1]

По словам Кузнецкого, эти переговоры к положительным результатам не привели, так как чукчи якобы заявили, что они с коряками мириться не желают, а желают мириться с российскими людьми.

Для нас в данном случае интересен сам факт переговоров. Что же касается ответа чукчей, то он представляется в высшей степени сомнительным, ибо не прекращавшаяся борьба чукчей с русскими говорит об обратном.

Показания участников восстания вскрывают наличие у восставших не только продуманного плана, но и тщательно проведенной подготовительной работы.

Коряки, участники разгрома Акланского острога, во главе с Эвоинтой, имея при себе захваченные у русских ружья и свинец, должны были прийти на байдарах к Столбовскому острогу. Сюда же надлежало прибыть и олюторам.

С Верхнего и Нижнего Паланских острогов туземцы должны были прийти через Тигиль на Еловку.

Главный удар в начале восстания предполагалось направить на Нижнекамчатский острог.

К Нижнекамчатскому стягивались силы с трех сторон: олюторы, оленные и сидячие коряки должны были итти вдоль моря через Столбовский острог; путь камчадалов, живущих по Укинскому берегу, намечался через Еловку. Жители Паланских и Тигильских острогов должны были прийти с Тигиля и двинуться опять-таки через Еловку. Отсюда все отряды должны были направиться к Большерецкому и Нижнекамчатскому острогам.

План взятия Нижнекамчатского острога был рассчитан на внезапность нападения и на неосведомленность казаков о готовящемся восстании. Нижнекамчатский острог предполагалось захватить рано на заре, подойдя к нему с северной стороны, куда восставшие должны были прибыть на лыжах, оставив вдалеке собак «для утаения собачьего крику».

---

[1] ЛОЦИА, фонд экспед. Беринга, д. № 77, лл. 387—392.

Но когда группы восставших еще концентрировались между Озерным и Столбовским острогами, русские благодаря Орликову уже узнали о готовящемся восстании. Ими были приняты соответствующие меры, которые разрушили все расчеты восставших.

Руководители восстания, братья Лазуковы, по одним сведениям сами пришедшие в Нижнекамчатск, по другим — пойманные, чрезвычайно четко сформулировали на допросе основные задачи восстания. При этом выяснилось, что одной из существенных задач восставших являлась борьба с насильственной христианизацией. «Я, Алексей Лазуков, — говорит один из руководителей восстания, — хотел отца архимандрита Иосафа Хотунцевского и ревизии мужского пола душ господина капитана Дементия Завьялова и капрала Алексея Лебедева, прикащика Осипа Расторгуева и прочих убить и христианскую веру истребить». [1]

Необходимо заметить, что это восстание совпадает с началом активной деятельности камчатской духовной миссии, и поэтому основным моментом в борьбе туземцев за сохранение своей независимости являлось их сопротивление насильственной христианизации.

Восстание 1746 года по существу ограничилось лишь убийством нескольких казаков и серьезного ущерба русским не нанесло. Хорошо задуманный план восстания выполнен не был; например, из Паланских острогов туземцы к месту назначения не прибыли, также не успели подойти во-время и олюторы.

Попыткой принять участие в восстании коряков 1746 года окончательно обрывается сопротивление со стороны камчадалов.

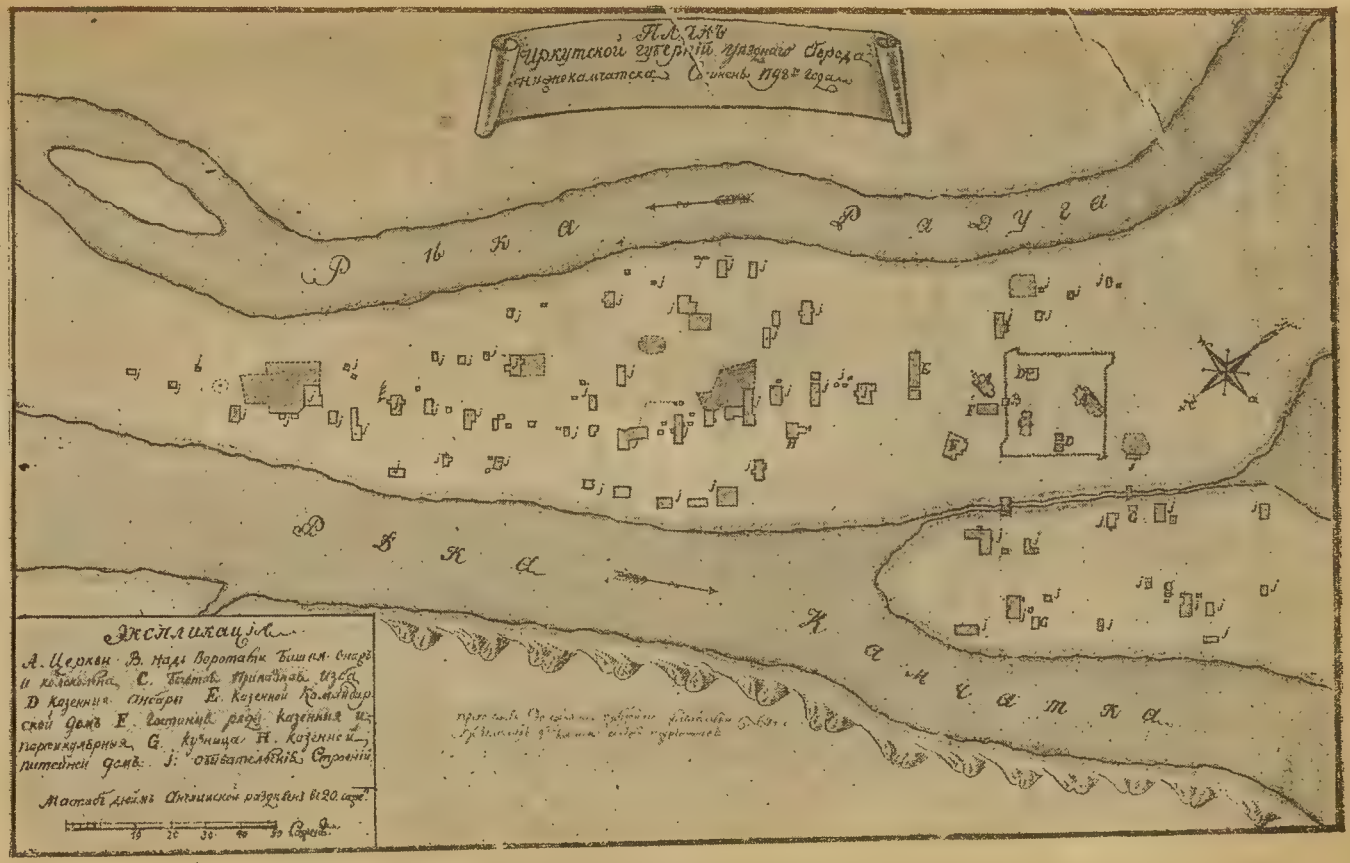
Активная борьба с русскими с этого периода централизуется на севере полуострова и в Гижигинском районе.

Борьба с коряками ведется в этот период путем посылки сильных карательных экспедиций.

Разгром чукчами отряда экспедиции майора Павлуцкого в 1747 году и прекращение вследствие этого на несколько лет борьбы с ними дали возможность администрации Анадырского острога уже в 1749 году направить сильный отряд под командою поручика Кекерова против коряков, попрежнему не признававших русского господства.

---

[1] ЛОЦИА, Фонд сената, I департ., д. № 1552, лл. 90—95.



План Нижнекамчатского острога 1793 г.

Разорив Ягачинский и Каменный остроги, откуда коряки, «прирезав жен и детей своих человек до 30, ушли», раненый в бою с коряками Кекеров вернулся в Анадырск, захватив 45 пленных.

С 1748 по 1571 год с переменным успехом действовал против коряков отряд Белобородова, которому после длительной борьбы удалось поймать одного из руководителей восстания, Алыка.

В 1751 году на полуостров Тайгонос для борьбы с западной ветвью коряков отправляется отряд из двухсот человек под командой капитана Шатилова.

Группа коряков, укрепившись на скале, оказала русским сильное сопротивление. Шатилов об этой встрече с коряками сообщал: «Поделаны у них неприятелей сильныя крепости. Первое, изнаставлены возовые санки в три яруса на маданами [1] в коих накладено каменья, так что ружья не пробирали, да особливо санки ж каменьями нагружены и связаны на лживе ремнями, которые и опускали на наших военнослужащих людей, так же из фузей и из луков непрестанно стреляли». [2]

Путь к таким крепостям преграждался ловко замаскированными капканами, ловушками и т. д. При взятии русскими этого укрепления «однех лушников», т. е. боеспособных коряков, было убито 130 человек, не считая женщин и детей; а всех вместе, как сообщал прапорщик Ковалев, «побито ста с два человек и больше. И при том взято в плен малых мужеска полу пять, больших женок семь, итого 12, которые отданы ясачным корякам на поруки до предбудущей осени сего ж года и по привозе оттуда отданы ж будут русским людем». [3]

В то время как русские осаждали засевших на скале коряков, неожиданно наехавшие на русский лагерь тайгоносские коряки убили находившихся там часовых и, захватив оружие, укрепились на другой скале. Посланный для взятия второго укрепления отряд не смог им овладеть, и капитан Шатилов, захватив свыше двух с половиной тысяч оленей, вернулся в Анадырский острог.

Хотя поход Шатилова и принес корякам значительный урон, но по существу он ничего не изменил в сложившейся обста-

---

[1] Мадан — площадь на возвышенности.
[2] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1552, лл. 345—352.
[3] Там же.

новке и коряки попрежнему оставались независимыми и продолжали не менее упорную борьбу.

Однако в Анадырске Шатилова ждали весьма неутешительные известия.

После того как из Анадырска отправился отряд Шатилова, а через некоторое время и отряд Кекерова, в остроге осталось лишь незначительное число казаков.

В ночь с 8 на 9 июля 1751 года 15 человек оленных коряк во главе с Айвуланом Омятовым, находившиеся в Анадырске в аманатах, «не ведомо через какие способы... получа луки, стрелы и копья», убили караульных и, захватив две фузеи с патронами, бежали в лес.

Опасаясь, чтобы убежавшие коряки не захватили оленный табун, который пасся невдалеке от крепости, местная администрация послала отряд казаков для его охраны. Но казаки уже опоздали, ибо Айвулан Омятов успел табун угнать. Погнавшийся за бежавшими отряд отбил оленей, но Омятова с товарищами не поймал. Укрепив охрану на пастбище, отряд вернулся назад в Анадырск. Однако не успел отряд уйти, как Айвулан Омятов и его товарищи вновь напали на табун, убили нескольких солдат и, захватив у них оружие, весь «оленный табун угнали без остатку».

Как выяснилось в дальнейшем, Айвулан Омятов на захваченных им оленях бежал к центру полуострова, где объединился с Эвоинтой Косинковым.

В начале 1753 года, вскоре после основания Гижигинской крепости, «оной Айвулан с родниками своими в двухстах, да с тамошними оленными юкагири с двадцатью пятью, да с акланскими и тангуноскими пешими и оленными коряками семидесяти пяти человеками, всего в трехстах, подбежав под самую крепость на оленях в санках и стал против самой Гижигинской крепости на зарешной стороне лагирем». [1]

Осада эта кончилась для туземцев поражением: коряки были разгромлены, а Айвулан ранен. Как сообщала в дальнейшем канцелярия Охотского порта в иркутскую провинциальную канцелярию, «неприятель с 24 числа генваря месяца от крепости отступил, а где де ныне обретается не известно, а знатно де, что главной их возмутитель оленной корядкой князец Айвулан уже злохитрошное его умышление угасло и от показанной

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1552, лл. 509—510.

смертельной раны умре и настоящего поводца у тех злодеев не стало». [1]

Кроме восстания аманатов в Анадырской крепости 1751 года, известно еще восстание пленных коряков в Охотске в 1752 году.

Как выяснилось впоследствии, сидевшим в тюремном остроге пленным удалось связаться, для подготовки совместного восстания, с находившимися в рабстве у русских коряками. По разработанному плану восстание должно было начаться в тюрьме пленными, а тем временем находившиеся на свободе рабы должны были «своих хозяев в тое ночь побивать, а потом, когда те выйдут из тюрьмы, тогда сообщась с ними, в начале охотскова командира, а потом и всех всякова чина и звания людей побивать смертно и, острог выжегши, итти в свою землицу и никогда не быть в подданстве под высокосамодержавною ее императорского величества рукою». [2]

Однако как только стало известно о начавшемся в тюрьме восстании, по приказу местной администрации «послали к здешним жителям перевязать тех коряк, которые были в работе у здешних жителей». Таким образом восставшие сразу оказались изолированными и лишенными помощи извне.

Осада тюремного острога, где укрепились восставшие, продолжалась целую ночь. Коряки отстреливались из оружия, захваченного у тюремной охраны, но когда к тюрьме была подвезена артиллерия и тюремные ворота были пробиты, «тогда оныя коряки в тюрьме зажглись и таким образом оныя все тут искоренены». [3]

Опасаясь дальнейших восстаний и объединения коряков с тунгусами, охотское начальство казнило всех находившихся в Охотском остроге коряков.

Как мы уже отмечали выше, в 1752 году на реке Гижиге русскими была основана крепость, которая стала новым форпостом для борьбы с коряками.

Строилась эта крепость ясашными коряками, согнанными с ближайших мест.

Как доносил впоследствии «ясашный князец» Чеивитка, сержант Игнатьев, «который в 752 году пловучи по реке Гижиге

---

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1552, лл. 509—510.
[2] Там же, лл. 369—370.
[3] Там же.

под жилищем его остановясь, велел ему своего роду пятьдесят человек собрать для строения крепости». [1]

Большинство из коряк, собранных для постройки крепости, было затем убито, точно так же, как и другие 40 человек, посланные «с топорами для добычи лесу на строение крепости». [2]

Организацией Гижигинской крепости русские преследовали изоляцию коряков, живущих на полуострове Тайгоносе, от коряков, обитавших непосредственно на Камчатке, и в то же время создавали пункт, который был непосредственно направлен против коряков. Это обстоятельство имело для русских огромное значение, ибо борьба, направляемая против коряков до сих пор лишь со стороны Анадырского острога, очень часто парализовалась наступлением чукоч и тем самым ослабляла действия Анадырского острога против коряков.

В конце 1753 года из Гижигинской крепости был против коряков направлен отряд под командой каптенармуса Байбородина. Получив сведения о том, что невдалеке от Валхоланской губы в это время находились коряки, Байбородин «подошед де пустым местом тундрой под те вышепоказанные юрты и отаковал их и по отаковании... взял он коряк три семьи да одну семью вызвал на вылазку, итого четыре семьи, из которых де мужеской пол всех прикололи, токмо де из них одного человека удержали ради языку и при том де взято ими в плен из женска пола 4 бабы да малолетних мужеска пола 11, итого 15 человек». [3]

От пленных Байбородин узнал, что в Валхоланской губе находится группа коряков с князцем Меленку, братом Чеивитки, одного из видных руководителей восставших коряков. Меленку был в Валхоланской губе на заготовке кормов, запасаемых для ожидавшихся «бунтовщиков и изменников чачеб и коряк».

Подойдя к Валхоланской губе, Байбородин атаковал находившихся там туземцев. Группа коряк, спасаясь бегством от русских, причалила на байдаре к одному утесу и, поднявшись на приготовленных заранее ремнях в имевшуюся в том утесе щель, убрала с собой ремни. Место для отсидки было весьма удобным, так как щель в утесе была на расстоянии 10 сажен от земли и 40 сажен от его вершины. Кроме того, вход был зало-

---

[1] ЛОПИА, фонд сената, I департ., д. № 1558, лл. 279—284.
[2] Там же.
[3] ЛОПИА, фонд сената, I департ., д. № 750, лл. 633—638.

жен приготовленным лесом. Байбородин дал распоряжение «утвердить сверху утеса ремни и по тем де ремням от земли поднят был один казак и 2 человека из партовщиков[1] коряк и подаваемы были им травеные снопы обливая нерпичным жиром, чтобы крепко от того жиру горели и зажгли у той щели вход... и убили де из тех изменников в той щели одного человека, а достальных всех сожгли, которых де воров трупы ради опознания вытаскивали». [2]

Особое внимание Байбородин во время своего похода уделил уничтожению орудий производства коряков. Повсеместно лишая их рыболовных принадлежностей, он тем самым пытался оставить коряков на зиму без рыбных запасов.

По возвращении в Гижигинскую крепость пойманный Байбородиным «для языку» коряк был «на крепко распрашиван и пытан и через оное жестокое битье» показал, что Чеивитко, находящийся в настоящее время в Тайгоносе, вскоре ожидает к себе после выпадения первого снега чачеб [3] и юкагир для совместного нападения на Гижигинскую крепость. По его словам Акланские, Паренские и Ягачинские коряки собираются напасть на Таватомскую и Туманскую крепости.

Гарнизон Гижигинской крепости был пополнен вновь присланным из Охотска отрядом, и после нескольких карательных экспедиций, во время которых множество туземцев было истреблено, восстания коряков начинают ослабевать.

«1756 год, — пишет Иохельсон, — считается последним годом корякского восстания, но это верно только отчасти. Уничтожение целых деревень и селений, пытки пленных, захват стад у оленных коряков — только в некоторой степени сломили силу их сопротивления». [4]

И действительно, хотя в дальнейшем движение коряков такого размаха уже не имеет, все же их борьба с русскими не прекращается. Даже в 1786 году капитану Шмалеву предписывается: «Стараться разведать о всех тамо отшатившихся корякех». [5]

Судя по тому, что в предписании Шмалеву предлагалось не только привести коряков в прежнее подданство, но и возвра-

[1] Партовщик — работник промышленной партии.
[2] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 750, лл. 633—638.
[3] Чачебы — очевидно извращенное чаучу, т. е. коряки-кочевники.
[4] W. Iochelson, The Koryak, New-York 1908, vol. VI, part II, p. 796.
[5] ЛОЦИА, фонд экспед. Биллингса, д. № 12.

Корякское стойбище.

тить их в «настоящие жилища», следует предполагать, что коряки, не имея возможности открыто бороться с русскими, попросту откочевывали с прежних стоянок.

При анализе причин прекращения упорной войны коряков с русскими, войны, длившейся несколько десятков лет, мы должны прийти к выводу, что не только физическое уничтожение коряков, не только уничтожение их средств производства и угон оленных стад заставили коряков прекратить борьбу. Для усмирения коряков русским пришлось не только усилить свои отряды, не только построить ряд новых крепостей, но и пойти на некоторые уступки. Так, в силу договоров, хотя бы и не писанных, но которые однако пришлось тщательно соблюдать, русские отказались от дальнейшего насильственного крещения коряков. Они уже не посылали в корякские селения ясачных сборщиков: корякские старшины сами собирали и привозили ясак в русские остроги.

Наконец в числе причин, заставивших коряков прекратить войну с русскими, следует отметить и вновь участившиеся нападения на них чукоч, что вынудило коряков прибегнуть к защите русских.

Следствие над участниками восстаний велось десятилетиями. Приговор «в страх другим... четвертовать и потом головы,

руки и ноги положить на колья, а тела за ребра повесить на виселицы в жилищах ясашных коряк» — долгие годы ждал утверждения сената.

В 1764 году, после почти двадцатилетнего беспрерывного пребывания арестованных туземцев в заключении, иркутская канцелярия требовала из сената указа по поводу участников восстания 1746 года, «дабы де оные изменники от долговременного под караулом содержания без учинения им указной экзекуции не померли или сами себя чем не умертвили». [1]

В инструкции майору Щербачеву, отправленному в 1763 году для переобложения в новый оклад ясашных, было предписано: «Объявить всем корякам, которые прежде платили ясак и потом отложились, что вины их ее императорское величество отпускает и всех до единого прощает и обнадеживает, что если они впредь будут ясак платить бездоимочно, то их как и прочих от всяких обид и грабительств защищать и оборонять не оставит».

Однако когда в 1766 году сенат стал наводить справки, освобождены ли взятые в плен туземцы, то оказалось, что все они к этому времени или умерли по тюрьмам или сами передавились.

---

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 689, лл. 707—708.

V. ВОЙНА РУССКИХ С ЧУКЧАМИ

Борьба с аборигенами северо-востока Азии и ее результаты занимают обособленное место в истории колониальной экспансии царской России.

Несмотря на то, что чукчи «бой имеют камнем из шибалок», а правительство посылало против них огромные по тому времени военные экспедиции, чукчи так и не были окончательно покорены русскими.

В уставе об инородцах 1822 года, появившемся почти через двести лет после встречи русских с чукчами и после ста лет активной с ними борьбы, чукчи все еще числились в графе «об инородцах не совершенно зависимых от правительства». «Чукчи, — гласил устав, — платят дань по собственному их произволу как по количеству, так и по качеству». И хотя при переиздании свода законов в 1876 году эти статьи были исключены, чукчи по существу так и остались вне зависимости от русского правительства.

В литературе при объяснении этого обстоятельства обычно фигурируют две версии.

По первой из них причина неудачного исхода борьбы русских с чукчами объясняется, с одной стороны, той воинственностью и тем огромным сопротивлением, которое оказали чукчи, и с другой — чисто географическими условиями, благодаря которым проникновение непосредственно в места кочевания чукоч было для русских крайне затруднено.

По второй версии причина непокорения чукчей усматривается в том, что русские не имели достаточного стимула к успешному завершению этой борьбы в виду отсутствия у чукчей пушнины. «Причина... неудач русских, — пишет Иохельсон, — лежит не столько в воинственном духе, любви

к свободе и бесстрашии чукчей, а главным образом в том, что русские пришли в соприкосновению почти исключительно с оленными чукчами, т. е. не с охотниками, а с оленеводами, территория которых не была богата ценной пушниной и которые даже при желании не могли удовлетворить алчность завоевателя к дорогим мехам». [1]

Не останавливаясь на рассмотрении всего комплекса причин, побудивших русских отказаться от окончательного покорения чукчей, о чем мы будем говорить несколько ниже, мы все же должны уже здесь отметить справедливость доводов, приведенных в каждой из этих версий.

В самом деле, чукчи оказали русским чрезвычайно сильное сопротивление. Верно и то положение, что географические условия обитания чукчей чрезвычайно затрудняли борьбу русских с этим народом. Наконец, справедливо и утверждение о том, что благодаря отсутствию у чукчей пушнины русские не имели достаточного стимула к их покорению, хотя впрочем не следует упускать из виду, что имевшийся у чукоч моржовый клык представлял для русских большую ценность.

Однако каждая из этих версий в отдельности, раскрывая в известной мере действительное положение вещей, не способна в целом объяснить ту скачкообразность, которую мы наблюдаем в истории борьбы русских с чукчами.

В борьбе русских с чукчами можно проследить ряд этапов. Борьба эта активизируется в конце двадцатых годов XVIII века в связи с посылкой экспедиции Шестакова и заканчивается в начале тридцатых годов походами Павлуцкого. Затем следует период спада наступательных действий, продолжающийся до начала сороковых годов, когда было вынесено официальное решение о прекращении борьбы с чукчами.

«Генваря 14 дня 1741 году, — читаем мы в сенатской справке, составленной по материалам Секретной экспедиции, —в резолюции кабинетской написано, чтоб в чюкотскую землицу для раззорения живущих тамо чюкч и возвращения от них забранных в полон из карядкой землицы людей с пожитками, за весьма дальним и неудобным путем оруженных людей не посылать». [2]

А уже в феврале 1742 года сенат принимает совершенно про-

---

[1] W. Iochelson, The Koryak, New-York 1908, vol. VI, part II, p. 785.
[2] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1552, лл. 147—149.

тивоположное решение, предлагая «во искоренении... немирных чюкч поступать по мнению объявленному в... доношении статского советника Ланга, а именно на оных немирных чюкч военною, оружейною рукою наступить и искоренить вовсе».[1]

С этого момента снова начинается период активизации наступательной политики царизма против чукчей, и с начала сороковых эта усиленная борьба продолжается до средины пятидесятых годов.

Если исходить из мнения, высказанного Иохельсоном, то походы Шестакова против чукоч еще можно в какой-то степени объяснить поисками пушнины. На карте, представленной Шестаковым накануне его похода, против Чукотского Носа было написано: «А в носу чукчи не мирные... лисиц красных много», а против Анадырского мыса, где по карте Шестакова значился большой остров, была следующая надпись: «Остров против анадырского носа, на нем много людей и всякого зверя довольно, дани не платят, живут своею властью».

Таким образом, если экспедицию Шестакова можно в какой-то мере связать с поисками пушнины, хотя, как мы увидим дальше, задача и этой экспедиции была иная, то уже походы Павлуцкого в сороковых годах и Шатилова в пятидесятых годах поисками пушнины объяснить никак нельзя, ибо к этому времени русские прекрасно знали о незначительности тех пушных богатств, которыми располагали чукчи.

Если проследить весь ход борьбы русских с чукчами в XVIII веке, то уже хронологические этапы этой борьбы свидетельствуют о том, что она велась в первую очередь из политических соображений.

Помимо разрешения таких задач, как обеспечение надежного тыла на территории Камчатки и предотвращение возможности и столкновений и объединения чукчей с коряками, без чего покорение последних было невозможно, — борьба с чукчами имела своим целевым назначением создание территориальной базы для готовящихся захватов как прилегающих островов, так и части американского материка. И не случайным является хронологическое совпадение первой экспедиции Беринга с походом Шестакова, положившим начало первому этапу активного наступления на чукчей, и второй экспедиции Беринга с

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 71, л. 518.

походами Павлуцкого и Шатилова, ознаменовавшими второй этап этого наступления.

Обратимся к рассмотрению каждого из этих походов в отдельности.

После того как прибывший в Петербург казачий голова Афанасий Шестаков представил там карту северо-востока Сибири, он был назначен начальником экспедиции, направлявшейся для присоединения северо-восточной части Азии к России.

Решение о посылке экспедиции под начальством Афанасия Шестакова состоялось в марте 1727 года, когда Беринг еще был в Охотске и готовился к плаванию к берегам Америки. По плану Шестакова, выработанному им несколько позднее, центром его экспедиции намечался Охотск. Одно из судов, принадлежавших экспедиции Шестакова, должно было, направляясь вдоль северо-западного берега Охотского моря, дойти до Гижигинской или Пенжинской губы, где предусматривалась постройка острога для усмирения восставших коряков; отсюда части экспедиции, следовавшей на этом судне, надлежало сухопутным путем дойти до Анадырска. Другому судну этой экспедиции предписывалось после зимовки в Тигиле обогнуть Лопатку и дойти до устья Анадыря.

Таким образом к моменту развертывания действий экспедиции Беринга экспедиция Шестакова, разгромив чукоч, обеспечила бы спокойный тыл и создала бы плацдарм для дальнейших российских завоеваний.

О взаимосвязанности экспедиции Шестакова с первой экспедицией Беринга говорит и указ из верховного тайного совета сенату от 23 марта 1727 года.

Сенату предписывалось дать сибирскому губернатору специальную инструкцию о задачах, возлагаемых на Шестакова, и кроме того, «каким образом в том во всем им поступать», — дать Шестакову инструкцию, имевшуюся у Беринга, «и с прочих принадлежащих к тому указов дать ему из сената копии».[1]

Независимо от результатов экспедиции Беринга и сведений о том, соединяется ли Азия с Америкой или нет, для захвата части американского материка тут имелись возможности как с суши, так и с моря. Однако и в том и в другом случаях борьба с чукчами была необходима. Наступление на чукоч

[1] Полное собрание законов, т. VII, стр. 771.

велось бы в данном случае с двух сторон: со стороны Анадырска — сухопутной частью экспедиции Шестакова, и вдоль берега — отправленным туда вторым судном экспедиции. Однако план этот осуществлен не был.

Экспедиция Шестакова по «непредвиденным» обстоятельствам задержалась. Эти непредвиденные обстоятельства заключались в беспробудном пьянстве и злоупотреблениях со стороны Шестакова и в бесконечных склоках с его помощником, майором Павлуцким, который, очевидно благодаря тому, что Шестаков все же казался личностью малонадежной для выполнения столь сложной операции, был снабжен самостоятельной инструкцией, что в известной степени ставило его в независимое положение.

В Якутске Шестаков задержался на год и прибыл в Охотск только в 1729 году, т. е. к тому времени, когда первая экспедиция Беринга была уже закончена.

Получив в подкрепление флота своей экспедиции суда, принадлежавшие экспедиции Беринга, Шестаков намеревался одно из них использовать для исследования Большой земли, т. е. Америки. Однако осенью 1729 года, когда флот экспедиции еще не был полностью готов к плаванию, Шестаков, опасаясь ответственности за столь длительную свою бездеятельность, отправился из Охотска в Тауйский острог, откуда выступил с небольшим отрядом на борьбу с коряками, намереваясь пробиться к Акланску.

Беспощадно расправляясь с попадавшимися ему на пути коряками, он, будучи между реками Пареной и Тылкой, получил сведения о приближении в огромном количестве чукоч. Несмотря на то, что в отряде Шестакова было всего лишь 19 человек русских и свыше 100 человек малонадежных ясачных коряков, ламутов и тунгусов, Шестаков все же решил напасть на чукоч.

Сражение состоялось 14 марта 1730 года на реке Ягаче. Шестаков построил свой отряд таким образом, что на правом фланге были расположены ясачные тунгусы, на левом коряки, а в центре маленькая группа русских. Сам же Шестаков поместился в построенном из санок укреплении позади своего отряда.

После первого выстрела русских чукчи, не дав им времени перезарядить ружья, бросились всей своей массой на отряд Шестакова. Правый и левый фланги, где находились ясачные

туземцы, были быстро смяты, а затем всю свою силу чукчи направили на малочисленную группу русских. Выбежавший из-за укрепления Шестаков был ранен в горло стрелой, после чего бросился на первую подвернувшуюся ему оленью упряжку, которая завезла его в центр чукотского отряда, где он и был убит.

Столь же неудачны были действия и остальных звеньев экспедиции Шестакова, и в частности судна «Лев», которое даже было сожжено коряками.

Только в марте 1731 года, после того как был укреплен Анадырский острог, бывший помощник Шестакова майор Павлуцкий решился отправиться с карательной экспедицией против чукоч и прошел поперек Чукотской земли от Анадырского острога до Ледовитого океана.

В течение этой экспедиции, продолжавшейся до ноября того же года, Павлуцкий имел ряд крупных столкновений с чукчами. В одном из таких столкновений, когда русские встретились с отрядом чукоч в 700 человек, с ними «была учинена баталия и убито тех чюкоч до 450, в полон мужеского и женского полу и малолетних взято было ста с полтора, оленей до 500».[1]

Несмотря на то, что материалы, которыми мы располагаем по этому вопросу, и не отличаются большой точностью, ибо сведения об этом походе Павлуцкого собирались среди оставшихся в живых его участников свыше чем через 30 лет после события, все же они дают нам картину тех опустошений, которые произвел Павлуцкий в Чукотской землице.

В другом столкновении, на Чукотском Носу, по словам сотника анадырской команды Нижегородова, Попова и других, русские встретили чукоч уже в количестве 1000 человек. Последние вновь потерпели поражение, потеряв убитыми около 300 человек.

По возвращении Павлуцкого в Анадырск наступает период затишья борьбы русских с чукчами, продолжающийся по существу до 1744 года. Сибирский приказ в указе от 10 августа 1731 года предписывал Павлуцкому вплоть до особого распоряжения на чукоч не ходить, а стараться привести их в русское подданство ласкою. Правда, в 1740 году сенат отправил иркутскому вице-губернатору предписание «разведав под-

[1] ЛОЦИА, фонд экспед. Беринга, д. № 77, лл. 371—372.

лнно, в каком людстве и силе те немирные носовые и речные чукчи находятда и с каким числом людей можно на них идти», с тем, чтобы, собрав достаточный отряд, «всеми силами стараттда не токмо верноподданных коряк обидимое возвратить и отмстить, но и их чюкч самих в конец разорить и в подданство привесть».[1] Однако в своем решении от 14 января 1741 года, нами уже цитированном, сенат все же остановился на решении вовсе прекратить какую бы то ни было борьбу с чукчами.

Таким образом десятилетний перерыв в борьбе русских с чукчами был полностью санкционирован правительственным решением.

Однако, как мы уже видели, с 1742 года начинается активизация наступательной политики царизма против чукоч.

В феврале 1742 года сенат решает начать военные действия против чукоч с тем, чтобы их вовсе истребить, и в 1744 году знакомый нам уже Павлуцкий, а затем и капитан Шатилов, снова направляются на борьбу с чукчами.

Вопрос о полном истреблении чукоч частично нашел свое «оправдание» и в научной литературе того времени. Сообщая, что анадырские товары чрезвычайно дороги на Камчатке, благодаря опасности пути из Анадырска на полуостров, Штеллер добавляет, что «если однако будет совершенно истреблено племя чукчей, то эти товары можно будет ежегодно возить на легких судах от устья Анадыря по морю, как на реку Камчатку, так и на Большую реку, и это будет весьма выгодно местному населению и очень облегчит его положение».[2]

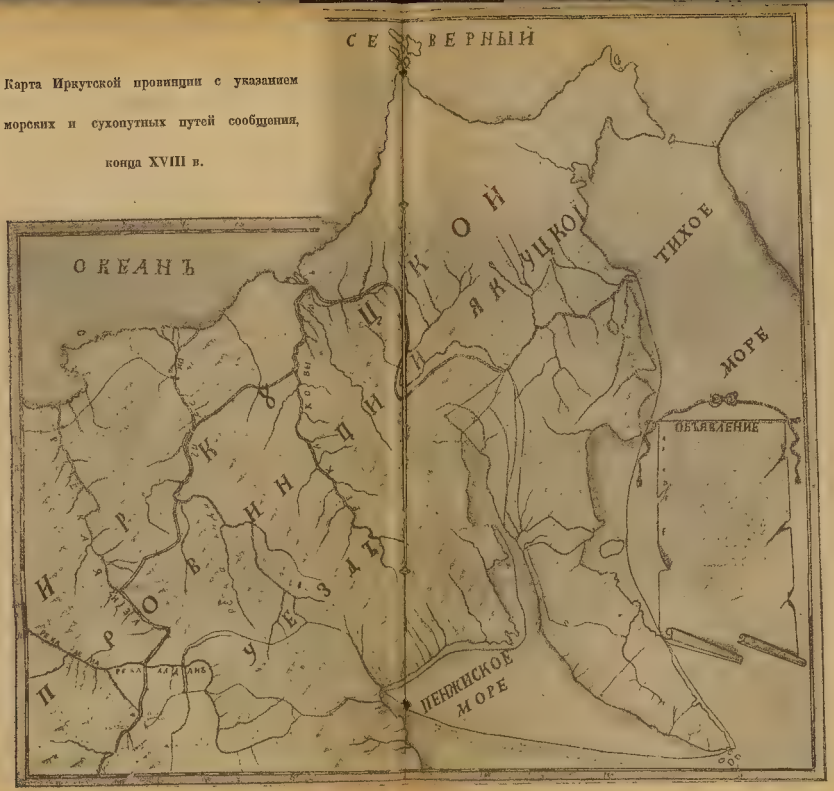
Серия походов против чукоч, начавшаяся в связи с решением сената в 1744 году, вызывалась, с одной стороны, непрекращавшимися нападениями чукоч на коряков. По сведениям русских, войны чукоч и коряков происходили «от начала житья их». Войны эти вызывались тем, что «во всей их чюкоцкой земле для оленей... скудно и лесу никакого роду нет и в том им крайняя нужда. У них же в зимнее время, — как сообщали казаки, — великие ветры и метели, которые через всю зиму не перестают. В земле их между каменных хрептов множество давит снегом оленей и людей, а у ясашных коряк

---

[1] ЛОПИА, фонд сената, I департ., д. № 1552, лл. 147—149.

[2] G. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig 1774, стр. 381.

Карта Иркутской провинции с указанием морских и сухопутных путей сообщения, конца XVIII в.



земля превольная и житью их и к содержанию оленей и лесами и кормом и для того те чюкчи ищут чтоб местами их коряцкими завладеть».[1]

Постоянный угон чукчами коряцких стад и захват в рабство женщин и детей чрезвычайно озлобляли коряков против русских, ибо русские, взимая с коряков ясак, не оказывали им никакой защиты от нападений чукоч. Экономическое положение коряцких родов, которые, по некоторым сведениям, до прихода русских платили ясак чукчам, значительно ухудшилось, ибо если раньше им приходилось иметь дело только с чукчами, то теперь их грабили и русские и чукчи.

Неизбежность коряцкого восстания была очевидна. Кое-где недовольство уже прорывалось в форме открытых возмущений. В такой обстановке походы против чукоч могли бы частично успокоить коряков и в то же время предотвратить возможность объединения коряков с чукчами для совместной борьбы, чего русские, несмотря на взаимную враждебность этих племен, постоянно опасались.

Однако это обстоятельство составляло только одну из причин, толкавших русских на борьбу с чукчами. С другой стороны, точно так же как и поход Шестакова, походы сороковых — пятидесятых годов были безусловно связаны с оживлением российской экспансии в сторону северной части американского материка, ибо решение сената об искоренении немирных чукоч было принято после отправления второй экспедиции Беринга к берегам Америки.

О сношениях чукоч с «американскими» жителями русским в это время уже было известно. Это отмечают и Штеллер и Крашенинников. Так, Крашенинников говорит о том, что Павлуцкий после одного из сражений с чукчами «нашел между мертвыми чукоцкими телами двух человек того народа, у которых по два зуба моржевых под носом были вставлены в нарочно сделанных скважинах; чего ради тамошние жители и называют их зубатыми».[2]

У Штеллера также имеется предположение о том, что у чукоч бывали жители Америки.[3]

---

[1] ЛОПИА, фонд экспед. Беринга, д. № 36, лл. 297—299.

[2] С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, СПБ. 1755, т. I, стр. 126.

[3] G. Steller, Reise nach Kamtschatka, St. Petersburg 1793, стр. 74.

Таким образом в случае удачного исхода экспедиции Беринга победа русских над чукчами могла открыть ближайший путь во вновь завоеванную колонию и в то же время обеспечить необходимое спокойствие в тылу.

То, что вопрос о прочности пребывания русских на захваченной ими территории Америки был тесно связан с усмирением чукоч, видно и из материалов более позднего времени, когда русские, уже утвердившись на этой территории, встали перед необходимостью защиты американцев от чукоч.

Биллингс, в 1791 году бывший в этих местах, доносил о том, что американцы «с жалостью просили его, чтобы они защищали бы от нападения чукч, кои почти ежегодно на байдарах приходя на их землю, истребляют их убивством, имения их грабят, а жен и детей берут в плен».[1]

Но война русских с чукчами, продолжавшаяся почти десять лет, по существу не привела ни к каким результатам, несмотря на значительный урон, понесенный туземцами.

Походы против чукоч, как и походы против коряк, носили характер кратковременных экспедиций, начинавшихся обыкновенно весной и заканчивавшихся осенью.

В Анадырске снаряжался огромный по камчатским условиям отряд человек в 400 и более, к нему придавались для разведочной службы ясачные коряки, вынужденные принимать участие в походах русских, ибо казаки угоняли их оленные стада, и для того, чтобы вернуть по окончании похода хоть часть оленей, коряки должны были их сопровождать. В дальнейшем, при получении сведений о местоположении чукоч, выделялся более легкий отряд для большей оперативности в расправе с туземцами.

На более систематическую борьбу русские не были способны, ибо недостаток провианта и трудность передвижения по тундре не давали возможности отрываться на длительный срок от основной базы, т. е. от Анадырска.

Усмирение чукоч, подобно тому как и усмирение коряков, т. е. тех народов, среди которых русские мало были заинтересованы в ясаке, мыслилось как массовое истребление непокорных, с тем, чтобы отпугнуть от «шатости» остальных.

Выступив в феврале 1744 года с 400 «регулярных и нерегулярных служителей из Анадырска», Павлуцкий, по словам

[1] ЛОЦИА, фонд министерства юстиции, 1804 г., д. № 16, лл. 7—13.

его спутников, шел по следующему маршруту: «Отправившись из Анадырска на оленях... через реку Анадырь... до р. Маина... перешли Маин по льду... оттуда... вышед повыше Чекаева урочища к устью протоки Кривой... Переехали Анадырь... и вышли на реку Черную... через реки Алгинку и Черную вышли на реку Нерпечью... от той реки Нерпечей... до реки Поперешной к губе Ночен».[1]

У мыса Сердце-Камень встретили «живущих там чукоч в десяти юртах, например человек со сто, которые чюкчи были побиты». Здесь же был выделен небольшой отряд под начальством сотника Кривогорницына, который был отправлен в те места, где, по полученным от пленных сведениям, находились в то время чукчи. Расправившись с чукчами, Кривогорницын со своим отрядом вернулся обратно. Вновь соединившись вместе, поехали «до реки Епочио, кою переехав, пошли... до реки Чимгана, Курупку и до губы Юрупку... переехали на реку Гизянг, а от оной и к другой губе Силеге и по край моря к губе ж Мечинг». От губы «Тенях шли до губы ж Хуматан». Здесь была длительная стоянка, и для поисков чукоч был отправлен небольшой отряд сотника Бутусина.

По возвращении Бутусина «следовали до речки Ночапа... до речек Покоечи, Иттей... до речки ж Ставы... и оттуда через речки Итыночан до Начелты, оттуда через речку ж Аванды... в губу Хуматан... а от той губы дошли до губы ж Анахыя... шли через речки Анаха, Ехонш, Пехеткина... Нуттен, Чагнум, Ечу, оттуда через... Епочу... до речки Кукуна... оттоль через хребты... до вершины Черной реки»,[2] а оттуда в Анадырь.

«Предъявленная же чюкоцкая земля, — доносили казаки, — вся болотная, каменистая и весьма кочковатая и мокрая, никакого лесу и травы кроме моху нету». Что же касается чукоч, то, по словам казаков, «их, чюкоцкое, между самыми узкими каменьями житие за неимением лесу самое уже бедное, коего едва ль в свете где хужее может быть».[3]

В 1745 году Павлуцкий вновь отправился на борьбу с чукчами, изготовив предварительно 12 легких судов.

---

[1] ЛОЦИА, фонд экспед. Беринга, д. № 77, лл. 372 об. — 375.
[2] Там же.
[3] Там же.

Спустившись вниз по реке Анадырю и достигнув Радионова урочища, казаки разбили здесь лагерь и занялись рыбной ловлей и поимкой диких оленей.

Часть отряда в составе 126 человек, под командой сотника Кривогорницына, была направлена «через землю до моря... осматривать неприятелей чюкоч и их тогдашних признаков». [1]

Столкнувшись во время своего похода со значительным числом чукоч, Кривогорницын попытался посредством толмачей вступить с ними в переговоры, призывая их дать аманатов и платить ясак. Отказавшись от того и от другого, чукчи заявили Кривогорницыну, что «вы де в нашу землю ходили, а ныне де мы к вам будем в гости».

Узнав об этом и опасаясь нападения чукоч, Павлуцкий стал рассылать для разведки в разные стороны небольшие отряды казаков.

Однако вскоре Павлуцкий смог убедиться, что фраза, сказанная чукчами Кривогорницыну, имела под собой основание и что чукчи действительно собираются «в гости», подготовляя внезапное нападение на русский отряд.

Подходившие чукчи были обнаружены отрядом, и 14 августа произошло сражение, в котором «помощию всемогущаго бога и счастием ея императорского величества, — как доносил Павлуцкий, — их неприятелей чюкоч побили не малое число, как на реке, так и по берегам; при том бою отбили неприятельских 17 байдар, да взято в полон женского полу и малых робят 22 души и роздали служилым людем, при сем же взяли оружье винтовку бывшаго убитого партии служилого, который побит был чюкчами в прошлом 1744 году на урочище Родионове». [2]

Из сведений, полученных от пленных, выяснилось, что чукчи после нанесенного им в 1744 году поражения «исправлялись» и осенью 1745 года собирались отправиться к устью Анадыря на Копейкино урочище, для осады Анадырска.

В 1746 году Павлуцкий вновь отправился в поход против чукоч, взяв на этот раз направление на Колыму.

Чукчи, как всегда, оказали упорное сопротивление: воины обычно погибали в бою, «а другие неприятели чюкчи сами

---

[1] ЛОЦИА, Фонд сената, I департ., д. № 1552, лл. 32 — 36.
[2] Там же.

себя в юртах исприрезали, нехотя итти в покорность, тако ж де жен и детей своих прикололи ж и привешали». [1]

Однако отдельные поражения, нанесенные Павлуцким, не сломили упорства чукоч, которые не только обороняпись, но все время стремились перейти к наступательным действиям.

Наконец в 1747 году чукчи нанесли русским решительное поражение.

12 марта 1747 года Павлуцкий получил сведения о том, что чукчи подходят к Анадырскому острогу и уже громят ясачных коряков у речки Орловой.

В тот же день Павлуцкий выступил с отрядом, состоявшим из 97 служилых русских и 35 ясачных коряков, в поход против чукоч. Вслед за Павлуцким должен был отправиться второй отряд, значительно больший: из 200 человек. 14 утром, не дождавшись прихода второго отряда, Павлуцкий у устья реки Орловой атаковал чукоч.

Как говорили впоследствии участвовавшие в этом сражении ясачные коряки, Павлуцкий «на неприятелей вступил в бой и то очунь чрезвычай не в способном месте, для того, что они неприятели стояли на горе, а наш приступ был из под горы». [2]

После первого залпа русских чукчи, которых было, по словам казаков, человек около 500, не дав казакам перезарядить ружья, бросились на них с пиками наперевес. Русские не смогли выдержать натиска чукоч и, понеся жестокий урон, пустились в бегство. Этот метод нападения, использованный чукчами и во время боя с Шестаковым, говорит о том, что чукчи уже прекрасно знали свойства кремневого ружья, ибо, бросаясь в рукопашную непосредственно за первым выстрелом, они лишали русских возможности перезарядить ружья и тем самым оставляли их по существу безоружными.

В бою 14 марта 1747 года был убит и сам Павлуцкий. По сведениям, содержащимся в рапорте сотника Котковского в иркутскую провинциальную канцелярию, в том же бою было убито 32 служилых, два сотника, пятидесятник, есаул, капрал и «за капрала», подканцелярист, толмач и 11 ясачных коряк.

В числе трофеев, захваченных чукчами, было 16 ружей, «одна пушка маленькая железная, знамя и один барабан».

---

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1552, лл. 49—50.
[2] Там же, лл. 238—242.

Кроме того один служилый был взят в плен. Однако об истинных размерах потерь, понесенных русскими, а также о количестве участвовавших в бою чукоч судить по этим материалам невозможно, ибо для оправдания происшедшего поражения местная администрация всячески преувеличивала данные о количестве чукоч и в то же время, во избежание ответственности, преуменьшала количество русских, убитых чукчами, и захваченных чукчами ружей.

В этом нас убеждает то обстоятельство, что из Сибирского приказа было предписано произвести точное расследование происшедшего и все материалы отправить в Москву, так как местные власти подозревались в сокрытии истинных размеров поражения, и обвинялись в том, что «о побитии означенными немирными чюкчами с реченным манором Павлуцким может писано отсюда якобы необстоятельно, об уроне в людях с репортом партии сотника Отласова не сходственно». [1]

Оставшиеся в живых казаки, спасаясь бегством, достигли укрепленного коряцкого острожка, сделанного из возовых санок. Подоспевший новый отряд русских заставил чукоч отказаться от осады этого острожка. «А ежели б в те поры к нам нашего войска не подошло, — говорили в своих показаниях ясачные коряки, — то б нам всем в своем остроге не знамо бы как было отсидется». [2]

«Чукотские сказки, — сообщает В. Г. Богораз-Тан, — изображают Павлуцкого злым и жестоким. Все жестокости козаков... связаны с именем Павлуцкого, поэтому ему дали прозвище «жестоко-убивающий». Он хотел истребить всех чукоч. Он собирал меховые шапки всех убитых им людей». [3]

Сделанные в том же 1747 году попытки офицеров анадырского гарнизона отправиться в погоню за чукчами оказались неудачными, ибо при предыдущих походах оленные табуны ясачных коряков почти полностью были забраны русскими, а оставшиеся олени были в тот период для длительных переходов непригодны.

Вскоре в Анадырск был прислан поручик Кекеров с наказом заняться решительным «искоренением» немирных чукоч.

---

[1] ЛОПИА, фонд сената, I департ., д. № 1552, л. 234.
[2] Там же, лл. 238—242.
[3] В. Г. Богораз-Тан, Чукчи, изд. Ин-та народов Севера, 1934, стр. 172.

Кекеров прибыл в Анадырск в декабре 1748 года. Однако централизовать свое внимание на борьбе с чукчами Кекеров не мог в виду развернувшегося восстания коряков, на форсирование которого известное моральное значение оказало поражение, понесенное русскими от чукоч.

Походы 1749—50 годов, совершавшиеся Кекеровым против чукоч вперемежку с походами против коряков, были кратковременными и носили скорее оборонительный, чем наступательный характер. Доходя до урочищ Родионова или Бани, Кекеров имел своею целью, с одной стороны, предотвратить возможность неожиданного нападения чукоч на Анадырский острог, а с другой — упромыслить диких оленей для пропитания гарнизона.

О характере походов Кекерова и о незначительности результатов его борьбы с чукчами можно судить хотя бы по тому, что «трофеями» похода Кекерова в 1750 году были только «две парки кунын ношены». [1]

В декабре 1750 года прибыл в Анадырск во главе значительного отряда вновь назначенный капитан Шатилов. Гарнизон крепости в это время состоял более чем из 500 хорошо вооруженных людей, что по камчатским условиям составляло колоссальную цифру.

Однако Шатилову, как и Кекерову, благодаря восстанию коряков не удалось централизовать свое внимание по преимуществу на чукчах: приходилось попеременно вести борьбу как с чукчами, так и с коряками.

Непосредственно против чукоч походы Шатилова начались в августе 1751 года. С отрядом в 200 человек Шатилов спустился «водяною коммуникациею» вниз по Анадырю до урочища Чекаева, а затем до Красного Яра, где незадолго до прихода русских были чукчи.

В погоню за чукчами было послано лишь одно судно «для того, чтобы оныя чюкчи усмотрели, что к ним послано одно судно не для войны и остановились бы на месте». [2]

Сотнику Куркину, отправившемуся на этом судне, было приказано призывать чукчей ласкою в ясачный платеж и русское подданство. Возвратившись, Куркин сообщил, что, нагнав 8 байдар чукоч, он вступил с ними в переговоры, однако эти

---

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1552, лл. 497—500.
[2] Там же, л. 422.

переговоры ни к чему не привели, ибо чукчи заявили, что «ясаку и прежде сего времени не платили, да и ныне платить не будут».

После того как чукчи сделали неудачную попытку по обыкновению внезапно напасть на русских, в 1751 году они больше в районе Анадырской крепости не показывались.

В следующем 1752 году Шатилов вновь «маршировал для поиску неприятелей чюкоч». Встреченные чукчи были перебиты, женщины и дети взяты в плен.

Несмотря на отдельные поражения чукоч, все же походы капитана Шатилова окончательно убедили русских в том, что справиться с чукчами вооруженной силой невозможно и что поэтому необходимо перейти к каким-то иным методам. «Надлежит отныне, — писал в конце пятидесятых годов сенату сибирский губернатор Соймонов, — с теми чукоцкими и протчих, разных и многих родов иноверцами бунтовщиками, при склонении оных в российское подданство и к платежам ясаков, не столько военною и оружейною рукою поступать, сколько ласкою, благодеянием и добрым с ними обхождением, потому что хотя и закостепелыми из них в том злодействе и военною рукою поступать и их искоренять надлежит, но всех их искоренить никак не возможно, ибо оные когда им при сражениях удачи не будет, то тот час по их тамошних мест знаемости разбегутца по разным каменистым и непроходимым местам, где их российскими военными командами никак сыскать и достать невозможно». [1]

Чукоч пытаются замирить вовлечением в торговые взаимоотношения с русскими, снабжая их столь необходимыми железными изделиями и табаком. Когда в 1756 году трое чукоч привели в Анадырский острог захваченного ими два года тому назад русского казака Кузнецкого, то начальник острога Шмалев, приняв их очень ласково, послал с ними четырех служилых с разными железными изделиями в целях завязывания дружбы с чукчами.

Не обращая внимания на продолжающиеся нападения чукоч на коряков, русские используют малейший повод для того, чтобы установить дружественные отношения с чукчами. Они посылают в Чукотию толмачей, владеющих языком, направляют туда крещеного чукчу Дауркина, еще в детстве бывшего в услужении у майора Павлуцкого и долгие годы жившего среди

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1558, лл. 279—284.

русских, а приходящих в острог для обмена чукоч наделяют подарками и записывают в русское подданство, причем, хотя это последних ни к чему не обязывало, русские с торжеством доносили об этой «победе» в сенат.

Русские идут и на более решительные меры, направленные к замирению чукоч. Усматривая в злоупотреблениях местных администраторов основную причину постоянного возмущения чукоч, Соймонов пишет, что «по несчетным их желаниям к богатствам, наглость и безвинное тиранство... все известные их злодейства во отмщение превращаются», а потому он находит необходимым всех пленных чукоч «не токмо в вечное холопство, но ниже временно, во услужение никому из тамошних жителей и командиров отдавать не надлежит, но накрепко то запретить». [1]

В 1763 году анадырский командир Плениснер поставил перед сибирским губернатором вопрос о необходимости ликвидации Анадырской крепости за полной ее бесполезностью. Доказательства целесообразности этого предложения были весьма убедительны. За 54 года (с 1710 по 1764) Анадырская крепость в общей сложности обошлась казне в 1 387 007 руб., доходы же за этот период в виде мягкой рухляди, собранные с различных народов, были равны 29 152 руб. Таким образом, не разрешив своей основной задачи, т. е. не обеспечив победы над чукчами, Анадырская крепость, кроме почти полуторамиллионного убытка, ничего не принесла.

В 1764 году решение об уничтожении Анадырской крепости было конфирмовано сенатом, а в 1770 году Анадырский острог был уничтожен, гарнизон же его переведен в Гижигинск.

Более систематический характер торговые взаимоотношения русских и чукоч принимают с 1788 года, когда зашиверскому исправнику Баннеру удалось договориться с чукчами о ежегодной встрече с ними, для обмена, недалеко от Колымы.

В своей политике, направленной к замирению чукоч, русские пытаются форсировать создание туземной аристократии. В высочайшем указе на имя генерала Пиля в 1791 году Екатерина о чукчах пишет: «Не излишним почитаю раздать первейшим из них тайонам медали, коих для сего употребления 20 серебренных и 80 медных вы скоро получите». [2]

---

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1558, лл. 279—284.
[2] ЛОЦИА, фонд министерства юстиции, 1804 г., д. № 16, лл. 7—13.

Сибирский губернатор Соймонов считал необходимым упомянутого выше чукчу Дауркина, направляемого для призывания своих родников в русское подданство, «пожаловать не только свободой от холопства, но каким ни есть и чином, то есть хотя сибирского дворянина или сына боярского с жалованием по тем окладам наградить». [1]

Других же освобожденных от холопства чукоч Соймонов предлагал производить в детей боярских и определять на государственную службу.

Описывая свою встречу с чукчами, зашиверский исправник Баннер сообщает, что прибывшие двое тойонов и 20 «почетных людей» «награждены из казны кортиками, а за неприсылкой сукон, — доносил он, — собственными моими кафтанами с вышивкою вензеля ея императорского величества и одарены табаком, а потом приведены как те тайоны, так и прочие к присяге со обязательством платить в казну ясака с каждого луком владеющаго по одной лисице красной». [2]

Однако несмотря на то, что во всех материалах об усмирении чукоч фигурирует момент призыва их к ясачному платежу, все же следует иметь в виду, что ясак в данном случае не имел никакого экономического значения и являлся лишь моментом, формально выражающим зависимость от русских и признание чукчами русского подданства.

Баннер выхлопотал от правительства определенную сумму на так называемые «чукотские подарки», отпускаемую из средств кабинета. Размеры ассигновки, как пишет В. Г. Богораз, были довольно изменчивы. «Так, в 1761 году она составляла 500 руб., а в следующем году только 75 руб. Столетием позднее, в 1861 году, и далее она составляла 150 руб.». [3]

Однако, как ни изменчива была отпускаемая на подарки сумма, она все же превышала общую стоимость того ясака, который взимался с чукоч.

По сведениям, заимствованным нами у Богораза же, [4] видно, что в 1806 году весь чукотский ясак состоял из 10 красных лисиц, а в виде подарков за него было дано 27 фунтов табака, ценою в 40 руб. с полтиной.

---

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1558, лл. 279—284.
[2] Там же, д. № 638, лл. 343—344.
[3] В. Г. Богораз, Чукчи, 1934, стр. 55.
[4] Там же.

По сведениям, собранным I сибирским комитетом, ясашных чукоч числилось в 1812 году 55 человек, обещавших платить каждый по лисице, всего на сумму 110 руб.

Однако за четыре года (с 1812 по 1817 год) этими ясашными было внесено зверей только на 212 руб., и таким образом числившаяся за ними недоимка равна была 228 руб. Местная администрация всячески настаивала на сохранении так называемых «чукотских подарков». «Сии дикари, — доносило местное начальство, — за всеми достаточными внушениями им, не могут понять верноподданнических обязанностей и никакие убеждения не сильны обратить их к тому, будучи же от природы корыстолюбивы, стараются только следовать своим пользам и естьлиб не производилось им от казны подарков, то едва ли у них кто согласился бы отдать даром в ясак не только лисицу, но даже и самую мелочную вещь». [1]

В 1835 году считалось 27 чукоч, платящих ясак, в 1837 году—20, а в 1838—уже только 8.

«В 1832 году,— пишет Богораз, — за каждую красную лисицу давалось 3 фунта табака и железное копье, что было еще менее выгодно». [2]

Однако, несмотря на столь веские факты, убедительно доказывающие, что чукотский ясак имел не экономическое, а политическое значение, Богораз все же считает, что «чукотские подарки» отпускались для того, «чтобы вызвать у чукоч желание с большей охотой платить ясак», совершенно не учитывая того обстоятельства, что главная задача русских состояла не в увеличении количества лисиц, получаемых от чукоч, а в обеспечении бесперебойной эксплоатации американских колоний.

Недаром начальник Секретной экспедиции капитан Биллингс, узнав, что чукчи ходатайствуют о возобновлении Анадырской крепости, как наиболее удобного места для обмена, «к удерживанию чукоч верноподданными почитал полезным» удовлетворить эту просьбу.

Рентабельность возобновления Анадырской крепости Биллингс мотивировал тем, что «Анадырь течением своим в Восточное море доставит близкую коммуникацию с многолюдным народом острова Ейвугиен и с американцами». Именно в эко-

---

[1] ЛОПИА, фонд I Сибирского комитета, д. №. 58, лл. 24—27.
[2] В. Г. Богораз, Чукчи, 1934, стр. 55—56.

Чукотская ярмарка.

номической связи чукоч с русскими Биллингс видел единственную возможность предотвратить нападение чукоч на жителей русских колоний в Америке. Тем же летом, когда Биллингс был в Америке, по имевшимся сведениям, «чукчи намерение свое полагали, по обыкновению своему итти в Америку походом, о коем американцы, получа чрез островных сведения, оставив все свои селения, поблизости находящиеся, разошлись от оных по разным местам».

При экономической же связи чукоч с русскими и при соответствующей защите русских колоний в Америке, как мыслил себе Биллингс, «чукотский народ, находясь в границах, сам по себе усмирится, поелику оной большую часть своих товаров достает грабежом и усильством от американцев, а в то время принуждены уже будут для необходимостей своих искать оные посредством дружбы и торговли». [1]

Так путем торговых сношений русские стремились достигнуть того, чего они не могли добиться путем длительной войны с чукчами.

---

[1] ЛОЦИА, фонд министерства юстиции, 1804 г., д. № 16, лл. 7—13.

VI. ЦЕРКОВЬ И ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА КАМЧАТКЕ В XVIII ВЕКЕ

Насильственное крещение народов Камчатки, и в первую очередь крещение камчадалов, начинается почти одновременно с появлением русских на полуострове.

Уже в 1705 году на Камчатку приезжает архимандрит Мартиниан, деятельность которого, однако, по словам Словцова была «не успешна».[1] А затем почти с каждым отрядом казаков, прибывавшим на Камчатку, приезжал священник. Так в 1711 году в камчатских материалах упоминается какой-то священник Петров, попавший на полуостров очевидно во время второго похода Атласова. Вместе с отрядом Колесова в 1712 году на Камчатку прибыл священник Бурцев, в 1722 году прибыл священник с отрядом приказчика Лосева. В 1714 году на Ключах, в нескольких верстах от Нижнекамчатского острога, была заложена и первая церковь. В 1718 году начинается активная миссионерская деятельность Ивана Козыревского, основавшего пустынь вблизи Нижнекамчатского острога.

В 1728 году на Камчатку был направлен священник Ермолай Иванов, в инструкции которому предписывалось: «В Верхнем, Нижнем и Большерецком острогах обращать иноверцев». Активной миссионерской деятельностью на Камчатке занимались и участники второй экспедиции Беринга, в составе которой были и три священника. Как пишет участник этой же экспедиции Штеллер, «в три месяца труба евангельская толь вострубила, что едва не все неверные от устья Большой реки даже до Кигил реки на 600 российских верст святым крещением крестилися и к церкви приступили».[2]

[1] П. Словцов, Историческое обозрение Сибири, изд. Сибирякова, стр. 204.

[2] ЛОЦИА, фонд канцелярии синода, д. № 84, т. I, лл. 107—116.

Наконец в 1745 году на Камчатку прибыла специальная духовная миссия, в составе 19 человек, во главе с архимандритом Иосафом Хотунцевским.

К моменту прибытия миссии на Камчатке были выстроены уже три церкви.

Однако было бы ошибкой при исследовании вопроса о насильственной христианизации народов Камчатки ограничиваться лишь рассмотрением деятельности лиц духовного звания, ибо крещением туземцев занимались не только церковнослужители, для которых распространение христианства являлось профессией, но и казаки, непосредственной профессией которых являлся грабеж.

Причины, толкавшие казаков на крещение туземцев, настолько очевидны, что их не скрывали даже такие исследователи, которые по роду своей деятельности предпочитают о таких мотивах не распространяться.

К. Дегтярев, студент Спб. духовной академии, в своей диссертации, написанной в 1904 году, откровенно заявляет, что «заняться обращением иноверцев казаки и промышленники могли бы только в том случае, если бы были в этом заинтересованы материально. И мы видим, что в Сибири, — продолжает он, — и на островах Великого океана они действительно нередко крестили их по соображениям экономическим в неволю». [1]

Заняться крещением в неволю давало возможность положение, существовавшее вначале вне закона, а затем и узаконенное, по которому всякий крещеный туземец, будь он пленный, захваченный в бою, или добровольно «воспылавший» к христианству, попадал в кабалу к своему крестному отцу, если был окрещен лицом, никакого духовного звания не имевшим.

Это положение закреплялось указом 1733 года, издание которого было вызвано восстанием камчадалов, угрожавшим полным истреблением русских на Камчатке. Этот указ, в котором растерявшееся правительство предписывало всех ясашных, которые «невольно побраны и распроданы... отпускать на прежние места», фактически только подтверждал права

---

[1] К. Дегтярев, История камчатско-американской миссии. Цитирую по рукописи, хранящейся в антирелигиозном отд. Государственной Публичной библиотеки.

казаков на крещеных ими туземцев, ибо даже по этому указу надлежало отпускать лишь тех, «кои не приняли веры христианской и не крещены». [1]

Таким образом крещение являлось наилучшим видом «крепости», дававшей колонизаторам не только фактические, но и юридические права над личностью туземца.

Захваченные в рабство и закрепленные при помощи крещения в собственность казаков туземцы не только создавали богатый источник для наживы, поскольку рабы вывозились за пределы Камчатки, где превращались в товар, но и широко использовались для целей личного обслуживания. Как отмечает Штеллер, бывший в сороковых годах XVIII века на Камчатке, «на казаков вместо рабов работают их крестники и крестницы».

По сведениям того же Штеллера, «у каждого казака было от 15 до 20 рабов, у некоторых даже до 50—60». [2]

Источником комплектования рабов были, с одной стороны, ясыри, т. е. пленные, захваченные в открытом бою, а с другой стороны — в рабов превращались попросту захваченные мирные туземцы.

Захвату мирных туземцев способствовала и существовавшая система учета ясачных людей. Обычно в ясачную книгу попадали те туземцы, которых сборщики заставали в момент своего первого посещения вновь облагаемого ясаком острожка. Отсутствовавшие в это время по какой-либо причине туземцы могли и не попасть в ясачную книгу, и поэтому при вторичном посещении, как не числящиеся в ясачном списке, при потворстве местной администрации легко могли быть захвачены в рабство. Полная же ясачная перепись проводилась лишь в период так называемых ревизий, обычно отделявшихся друг от друга двадцатью годами.

Кроме того, недостачу ясашных всегда можно было приписать их «непокорности», в результате чего они якобы при столкновении с русскими и были истреблены. Всех же оставшихся в живых можно было в подобных случаях всегда объявить ясырями, т. е. пленниками.

Подобные факты имели место при постройке в 1752 году Гижигинской крепости, когда отправленные для рубки леса

[1] Полное собрание законов, т. IX, стр. 132.

[2] G. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig 1774, стр. 231.

мирные коряки были русскими убиты, а их жен и детей роздали «русским, тунгусам и ламуткам яко пленных». [1]

Таким образом анализ причин христианизации народов Камчатки в XVIII веке непосредственно подводит нас к проблеме рабства и к необходимости выяснения политики, проводившейся правительством в этих вопросах.

Исследователей, изучавших рабство в Сибири, обычно ставила в затруднительное положение на первый взгляд кажущаяся неустойчивость правительства по отношению к рабству.

Уже уложение царя Алексея Михайловича в отмену указа 1624 года разрешало «татар и татарченков в Астрахани и Сибири покупать всяким людям по прежнему». [2]

Но в наказе Петра I от 1 сентября 1697 года ближнему боярину Черкасскому, направляемому в Тобольск, строго предписывается: «А к себе им ближним боярину и воеводам и дьякам никаких ясачных людей иноземцев не имати и ни у кого не покупати и служилым и всяким людям крестить не велети». В цитированном выше указе Анны Иоанновны от 31 мая 1733 года после сообщения о том, что «в отдаленных наших владениях в Якутском ведомстве и на Камчатке, как от воевод, так и от ясачных сборщиков, чиниться ясачным подданным нашим от взяток многое раззорение наипаче же приметками своими жен и детей отнимают и развозя продают», — предлагается, как мы уже знаем, всех туземцев, захваченных в рабство и не окрещенных, отпустить на прежние места.

Но уже через четыре года та же Анна разрешает калмыков и других туземцев «покупать, крестить и у себя держать без всякого платежа подушных денег, одною запискою в губернских и воеводских канцеляриях».

В 1757 году издается еще один указ, также резко противоположный первым двум приведенным выше указам. «Привозимых каргизами разных наций, — гласит указ от 9 января 1757 года, — всякого звания людям по недостатку в Сибири таких людей, которым по указам крепостных людей иметь велено, покупать и на товары выменивать, а потом и крестить не только воспрещать не подлежит, но еще приохочивать к тому надобно, для того, дабы лучшее старание было из

---

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1558, лл. 279—284.
[2] См. Улож., XX, § 117.

магометан и идолопоклонников приводить в православный христианский закон».

В 1764 году татар и «других из азиатского народа», на которых имеются «для владения выписи», предлагается «оставить во владении за их владельцами попрежнему».

С. Шашкова, одного из исследователей рабства в Сибири, такое «непостоянство» правительства завело, по существу, в тупик. Шашков пытается найти выход при помощи следующего умозаключения: «Если законодательная власть не имеет сил преодолеть враждебных элементов общественной жизни, — пишет Шашков, — то последние рано или поздно возьмут перевес над законодательством и заставят его плясать под свою дудку».[1] Первым шагом к законодательной санкции существовавшего рабства Шашков считает цитированный выше параграф уложения Алексея Михайловича. Далее наступает период борьбы правительства с введением рабства. Однако хотя Петр и Анна, по мнению Шашкова, и «вооружались» в XVIII веке против рабства, все же они не смогли противостоять давлению с мест, и та же Анна, которая издала указ 1733 года, в 1737 году издает другой, резко противоположный предыдущему. А далее правительство, побежденное «враждебными элементами», в середине XVIII века полностью санкционирует рабство в Сибири.

Таков в общих чертах вывод, к которому приходит Шашков в своей работе «Рабство в Сибири». И хотя наряду с этим он и подчеркивает, что рабство «вполне гармонировало с экономическими условиями и событиями тогдашней Сибири», эта мысль остается у него не развернутой.

Однако дело здесь, конечно, не в борьбе Петра и Анны с рабством. И если мы будем при изучении этого вопроса исходить из марксова положения о трех возможных исходах всякого завоевания, то вся «зигзагообразность» законодательства в вопросах рабства и крещения туземцев приобретет необычайную четкость и прямолинейность.

Для ряда российских колоний, как мы уже отмечали, характерен первый исход — насильственное навязывание колонизаторами своего способа производства.

Что требовалось для феодально-крепостнической эксплоатации колоний? С одной стороны — наличие земельных фондов,

---

[1] С. Шашков, Собр. соч., т. II, стр. 519.

с другой — наличие рабочих рук, находящихся под внеэкономическим принуждением.

В районах с кочевым населением насильственная христианизация помогала оседанию населения, необходимому для внеэкономической эксплоатации. Процесс оседания в свою очередь расширял возможности для земельной экспроприации. В районах с развитой национальной верхушкой христианизация давала возможность «освобождать» ее от закабаленных туземцев, ибо по закону иноверец не мог держать в зависимости своих крещеных сородичей. Наконец крещение, как мы уже выяснили выше, давало своеобразную гарантию того, что туземец останется юридически закрепленным за своим хозяином, которому до сего времени принадлежали права фактические, но не юридические.

Совсем по-иному обстояло дело в тех колониях, где самодержавие интересовалось не аграрным завоеванием, не вовлечением большего числа туземцев в сферу феодальной эксплоатации, а где оно в первую очередь интересовалось пушным богатством края. Примером колоний такого типа служит Камчатка. Здесь при завоевании мы не наблюдаем непосредственного навязывания нового способа производства, здесь мы имеем дело со вторым исходом завоевания — с ограничением преимущественно данью (ясаком). В колониях такого типа крещение туземцев и связанные с этим или окончательный их выход из ясашного положения или даже даваемая по принятии крещения льгота в уплате ясака — по существу били по карману казны. Несмотря на то, что по выходе крещеного из ясашного «сословия» полагающийся с него ясак должны были вносить «родовичи», на практике это приводило лишь ко все возраставшим недоимкам. Крещение вело к тому, что ясачная казна «малилась», и естественно, что правительство, когда речь шла о колониях «второго типа», должно было выступать против усиленной христианизации.

И если с этой точки зрения подойти к рассмотрению цитированных выше указов, то мы увидим, что здесь мы имеем дело не с законодательной «чехардой», но, как мы уже отмечали выше, с четкой политикой феодально-крепостнического правительства.

Перейдем непосредственно к анализу указов Петра и Анны, в которых они выступают против рабства и насильственного крещения.

Основная мысль петровского наказа 1697 года — всяческое увеличение размеров взимаемого ясака. Это были годы жесточайшего кризиса, заставлявшего максимально использовать все экспортные возможности государства, и в частности такого универсального товара, как соболь, который «по всем землям в цене» [1] и торговля которым окончательно становится в 1697 году царской монополией. Говоря о различных мероприятиях, необходимых для Сибири, Петр в наказе 1697 года эту основную мысль о необходимости увеличения ясачного сбора подчеркивает неоднократно, категорически запрещая взимать ясак деньгами взамен мягкой рухляди и отмечая необходимость открытия «новых земли», жителей которых можно было бы обложить ясаком. В связи с этим и стоит ограничение крещения, о котором мы говорили выше.

Об ограничении крещения, начавшемся с 1686 года, мы имеем подробную инструкцию в этом же наказе. Петр прежде всего подтверждает необходимость приносить челобитную в приказную палату при желании туземцев принять крещение, где их необходимо допрашивать, добровольно ли переходят они в христианство; далее, если на желающих креститься будут челобитные о том, что они совершили какое-либо преступление, а потому, желая избавиться от наказания, и переходят в христианство, — предписывается вначале подвергнуть туземца наказанию, а уже затем допросить — желает ли он креститься.

Все мероприятия имели целью препятствовать массовому крещению, проводившемуся как миссионерами, так и отдельными воеводами и даже казаками по личной инициативе, и централизовать крещение в руках правительства, чтобы не сократить числа ясашных и не уменьшить размеров ясака.

Для иллюстрации того положения, что политикой Петра руководило не желание бороться с рабством и насильственным крещением и что указ 1697 года имел в виду те колонии, где основой эксплоатации является ясак, а не аграрная экспроприация, можно привести и другие законодательные распоряжения Петра.

В 1714 году этот принципиальный «противник насильственного крещения» в указе сибирскому митрополиту Федору пред-

---

[1] «Торговая книга XVII в.», «Врем. моск. общ. ист. и древн. Росс.», 1850, т. VIII, стр. 5.

писывает уничтожить кумиры и кумирницы у вогуличей, остяков и татар, «а их вогуличев, и остяков, и татар и всех иноземцев божию помощию и своими труды приводить в христианскую веру». А в 1720 году этот принципиальный «противник рабства» в инструкции астраханскому губернатору пишет: «А кто из тех народов (речь идет о калмыках и татарах. — *С. О.*) похочет продавать людей добровольно и у тех покупать с запискою позволять, а без записок отнюдь того не чинить».

Таким образом мы видим, что все «отступления», наблюдающиеся в правительственной политике по вопросу рабства и насильственного крещения, касаются исключительно колоний, где характерен второй «исход» завоевания, т. е. тех колоний, где и рабство и насильственное крещение были менее всего применимы, ибо грабить выгоднее некрещеных, а крещеных выгоднее эксплоатировать.

Однако если ограничиться изучением лишь общего законодательного материала, без учета конкретных фактов, индивидуализирующих развитие каждой колонии, мы, по существу, ничего не поймем. Камчатка, как колония «второго типа», согласно с вышеприведенными выводами должна была бы до известного момента избегнуть и насильственного крещения и рабства. В действительности же было иначе.

Во второй половине сороковых годов почти все камчадалы были уже окрещены.

Чем же объясняется то обстоятельство, что народы Камчатки, т. е. народы той колонии, в которой экономическая заинтересованность правительства сводилась к стремлению получить максимальное количество ясака, были крещены, благодаря чему значительно уменьшился ясачный доход казны?

На Камчатке, как мы уже отмечали, параллельно действовали два источника христианизации. Первый источник — это служилые люди, крестившие туземцев по собственной инициативе и в собственных интересах, и второй источник составляли вначале отдельные священники-миссионеры, а затем — специальная духовная миссия.

Что касается первого источника, то хотя он и давал значительное количество, однако никогда не приводил к поголовному, массовому крещению, ибо, помимо сопротивления туземцев, о чем мы будем говорить ниже, эта частная христианизация, если ее можно так назвать, время от времени наталкивалась

на противодействие правительства, экономические интересы которого она ущемляла.

Второй источник крещения также до определенного момента не носил массового характера, и опять-таки не только потому, что встречал противодействие со стороны туземцев, но и благодаря вмешательству правительства, которое из фискальных соображений регулировало этот процесс христианизации.

Священники, прибывавшие из Сибири со строгими инструкциями «крестить иноверцев», встречали резкое противодействие местной администрации, отвечавшей пред правительством за полноту ясачного дохода. Донесения этого периода с Камчатки наполнены бесконечными кляузами между гражданскими властями, жаловавшимися на вмешательство духовенства в дела управления туземцами, и духовенством, в свою очередь жаловавшимся на противодействие со стороны местных властей выполнению возложенной на него миссии.

Массовый характер правительственная христианизация могла принять только тогда, когда камчатский ясак утратил свое прежнее значение и когда противодействие русской колонизации со стороны камчадалов было сломлено. Опасение, что волна восстаний среди находившихся по соседству коряков встретит поддержку и со стороны «замиренных» камчадалов, в этот момент толкало правительство на широкое распространение христианизации.

В этом отношении очень характерно то обстоятельство, что всех пленных камчадалов, захваченных во время восстаний 1731—1732 года и ранее, было предложено крестить и дать им волю жить, где хотят, но не далее двадцати верст от острога, причем некоторое время предлагалось не брать с них ясаку. [1]

Это же положение четко сформулировано в письме правительственному синоду участником второй экспедиции Беринга Георгом Штеллером, доказывавшим необходимость активного крещения камчадалов, ибо, как заявляет Штеллер, «ни которая ограда толь крепка, ни который союз толь безопасен, как благочестивый и вязалом веры совокупленный». [2]

Анализируя цифровые данные о количестве крещеных камчадалов за различные годы, мы должны будем прийти к выводу,

---

[1] ЛОЦИА, фонд экспед. Беринга, д. № 5, л. 467.
[2] ЛОЦИА, фонд канделярии синода, д. № 84, т. I, лл. 107—116.

что именно поражение туземцев в их освободительной борьбе и является началом массового крещения. Цитированный нами Дегтярев совершенно справедливо отмечает, что «пока они (камчадалы. — *С. О.*) так или иначе отстаивали свою национальную самостоятельность, они были упорными врагами христианства и принимали его только в исключительных случаях. По мере того как их национальное самосознание убивалось, у них являлось стремление обрусеть, они начали относиться к прежней религии индиферентно».[1]

В 1732—1741 годы, т. е. за десятилетие, в течение которого камчадалы оказывали наиболее упорное сопротивление русским, священнослужителями, по официальным данным, было окрещено всего лишь 878 душ.[2]

Но уже к 1745 году, т. е. к моменту прибытия миссии на полуостров, как сообщает в своем отчете синоду от 16 мая 1746 года Хотунцевский, крещеных камчадалов числилось 6067 человек.

Таким образом в течение трех лет, прошедших с момента поражения последнего из крупных восстаний камчадалов 1741 года, число крещеных камчадалов благодаря активной деятельности членов второй экспедиции Беринга резко возросло.

«Жатва готова», писал Штеллер в синод, доказывая, сколь благоприятная обстановка для массового крещения сложилась после разгрома освободительного движения камчадалов.

И в первый же объезд полуострова членами миссии ими было окрещено 1045 человек.

А покидая в 1750 году Камчатку, Хотунцевский сообщал синоду, что «все камчадалы, кроме самых изменщиков коряк, в дальности от Камчатки с места на место переезжающих, благодатью божью, святым крещением просвещены».

По сведениям 1766 года на Камчатке числилось крещеных камчадалов 9959 человек, т. е. было окрещено не только все взрослое население, но и дети.[3]

Что же касается коряков и чукоч, то насадить среди них христианство, за исключением окрещенных пленных и рабов, русским не удавалось. В сообщениях с мест нередко встре-

---

[1] К. Дегтярев, История камчатско-американской миссии. Цитирую по рукописи, хранящейся в антирелигиозном отделе Государственной Публичной библиотеки.

[2] ЛОЦИА, фонд канцелярии синода, 1746 г., д. № 255.

[3] Там же, д. № 84, т. III, л. 83.

чаются сведения о крещении коряков и чукоч, однако, как оказывалось впоследствии, крещение это носило фиктивный характер и рекламировалось миссионерами для получения соответствующих наград.

Во втором десятилетии XIX века среди чукоч числилось 55 человек, принявших, по сведениям миссионера Слепцова, христианство. Однако, как сообщал в 1817 году иркутский гражданский губернатор Трескин, «удостоверение бывшего там проповедником протоиерея Слепцова, якобы те чукчи 55 человек по святом крещении вступили в подданство России, весьма несправедливо, ибо чукотский народ по дикому образу жизни не имеет никакого понятия ни о вере христианской, ни о подданстве, ежели же случалось когда, что некоторые из чукоч принимали святое крещение, то единственно в надежде получить награду или подарки». [1]

Однако правительство, идя на крещение камчадалов, все же не так легко расставалось с прежними камчатскими доходами. В начале подготовки духовной экспедиции на Камчатку было постановлено давать всем крещеным камчадалам льготы от ясачного платежа на десять лет, а последующим указом 1743 года этот срок был сокращен уже до трех лет.

Значительную роль в политике руссификации народов Камчатки сыграли и организованные во второй половине сороковых годов школы.

Школы организовывались по преимуществу для детей камчадалов.

В 1745 году были открыты школы в Большерецке, Верхнекамчатске и Нижнекамчатске. Затем школы начали проникать и в более мелкие острожки. Так в 1746 году открывается школа в Шемякинском острожке, в 1748 — в Тигильской крепости, в Ичинском острожке и в порту Петра и Павла.

В эти же годы в разное время школы были открыты в Ключевском, Машуринском, Хариузовском и других острогах.

В этот период активной руссификации камчадалов на полуострове было такое количество школ, какого там не было до последних лет господства самодержавия.

Но с окончательным усмирением камчадалов правительство перестает субсидировать школы и посылать учителей. Число

[1] ЛОЦИА, фонд I Сибирского комитета, д. № 58, лл. 24—27.

школ начинает падать, и к 1783 году на Камчатке не было уже ни одной школы.

По частной инициативе в 1832 году в Тигильской крепости вновь возникла школа, однако просуществовавшая всего лишь пять лет.

В начале XX века на Камчатке была только одна школа для туземцев — в Ключевском селении, которая влачила жалкое существование.

Наряду с задачами политического характера христианизация народов Камчатки, проводимая миссией, имела под собой и глубокие экономические основания.

Мы не будем останавливаться на личных доходах духовенства, которое, как сообщает Штеллер, «запрашивает с туземцев за свадьбу, крестины и погребение больше, чем в прежние времена стоил весь ясак». [1]

Христианизация туземцев обеспечивала миссию, так же как и казаков, необходимой ей рабочей силой.

Уже в восстании 1731 года в качестве одного из участников фигурирует Товач — «монастырский дворовый». Отсюда мы можем заключить, что и в тридцатых годах, т. е. еще до приезда на Камчатку миссии, некоторые из крещеных камчадалов находились для работ при имевшихся там «пустынях». Широко был поставлен вопрос об использовании туземцев в монастырском хозяйстве лишь по приезде на Камчатку духовной миссии, предполагавшей построить при Нижнекамчатске монастырь, приписать к нему камчадалов двух острожков, находившихся вблизи предполагаемого монастыря, а также и всех остальных камчадалов, переведенных в подушный оклад. Учитывая возможность использования в качестве рабочей силы камчадалов, архимандрит Хотунцевский имел в виду отдать в собственность предполагавшемуся монастырю остров Беринга для эксплоатации там бобровых промыслов.

Остановимся вкратце на характеристике некоторых из подвизавшихся на Камчатке миссионеров: это тем более любопытно, что духовные власти обычно старались тщательно подбирать кандидатуры, и направляемым на полуостров священникам в наставлениях синода подчеркивалось, что так как туземцы не способны вникать в сущность христианства,

---

[1] G. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig 1774, стр. 233.

Ключевское селение (со старинной гравюры).

то священники личным примером своей жизни должны раскрывать им сущность этого учения.

Первым из лиц духовного звания, прибывших на полуостров, был Мартиниан. Однако в историю Камчатки Мартиниан вошел не столько как священнослужитель, сколько как активный участник восстания казаков 1711 года.

При дележе имущества приказчиков, убитых казаками, Мартиниан получил: «Шубу соболью лапчатую да Петра Чирикова грабленных дворовых людей камчадальской породы, некрещеных робят иноземским названием Щочка да Чистяк, да Володимера Атласова дворовую девку некрещеную Настасью». [1]

В 1717 году Мартиниан был задушен в Нижнекамчатском остроге своими же дворовыми, новокрещеными камчадалами.

Еще более колоритной фигурой среди камчатских миссионеров является Игнатий Козыревский, также один из участников казацкого восстания 1711 года.

В первую половину своего пребывания на Камчатке Козыревский действовал, «попроси у бога милости, оружейным боем», а постригшись вслед за этим в монахи из опасения наказания за убийство камчатских приказчиков, «озабочивался», дабы «камчадальская земля с тамошними народы не знающими истинного бога просияла бы святым крещением».

Укрепленные остроги Большерецкий и Нижнекамчатский, с одной стороны, Успенская пустынь и Покровский монастырь, с другой, — вот две стороны деятельности Козыревского.

На Камчатку Козыревский попал из Якутска, куда он был сослан вместе со своим отцом, причем, учитывая их кляузный характер, «чернил и бумаги им давать не велено».

В течение первой половины своей деятельности Козыревский, находясь на государевой службе и разъезжая по Камчатке для сбора ясака, составил себе значительное состояние. Постригшись в монахи и все еще опасаясь наказания за свои прошлые дела, Козыревский «положил в казну» лично ему принадлежавших 1260 соболей, 10 лисиц красных, 10 бобров камчатских и т. д.

Но в дальнейшем Козыревский был уличен в том, что обворовал казну Спасского и Покровского монастырей, и в ряде других мошеннических проделок.

---

[1] «Памятники сибирской истории XVIII в.», кн. II, стр. 538.

Ничем не отличался от предшествовавших миссионеров и глава миссии Хотунцевский.

В «Историческом обзоре главнейших событий на Камчатке» А. Сгибнев сообщает, что «в делах якутского архива можно найти много фактов о бесчеловеческих поступках Хотунцевского, который, впрочем, и сам не стеснялся доносить о своем усердии к распространению на Камчатке веры христовой». И далее Сгибнев рассказывает о том, как Хотунцевский публично наказывал туземцев плетьми.

Покидая Камчатку, Хотунцевский самовольно присвоил из церковных денег 500 руб. и вывез значительную партию дорогих мехов. Это обстоятельство вызвало даже недовольство синода, отменившего свое прежнее распоряжение о назначении Хотунцевского иркутским епископом.

Деятельность миссионеров не всегда оставалась безнаказанной. Помимо Мартиниана, задушенного камчадалами, коряки и юкагиры убили священников Бурцева и Петрова. Ими же, несколько позднее, был убит и иеромонах Флавиан.

В движении туземцев борьба с крещением занимала выдающееся место.

Алексей Лазуков, один из руководителей восстания коряков 1745—1746 года, как мы уже отмечали, при допросе показал, что восставшие имели намерение «отца архимандрита Иосафа Хотунцевского... и прочих убить и христианскую веру истребить». [1]

Об отношении камчадалов к крещению очень характерный факт сообщает Штеллер. Один камчадал рассказал ему по секрету, что «он от того не желает креститься, что ему тогда придется попасть на небо, которое он от всего сердца предоставляет в распоряжение русских, так как сам он стремится к своим родичам в подземные края, ибо с казаками и на небе камчадалам будет житься не лучше, чем здесь». [2]

---

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 1552, лл. 90—95.

[2] G. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig 1774 стр. 269.

VII. НАРОДЫ КАМЧАТКИ ПОСЛЕ РАЗГРОМА ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Активное сопротивление народов Камчатки к концу третьей четверти XVIII века в основном было сломлено.

Если первый период — завоевания страны — характеризуется массовым физическим истреблением непокорных туземцев, то второй — мирного управления новой колонией — сопровождается массовым вымиранием основного туземного населения полуострова — камчадалов (ительменов). Вымирание это обусловливалось общим разорением и обнищанием населения под влиянием многочисленных и разнообразных колониальных тягот, частыми голодовками населения в результате падения его промыслов и занесенными завоевателями «колониальными болезнями» — оспой, проказой, сифилисом и т. д.

Резкое уменьшение туземного населения Камчатки констатировал уже в сороковых годах XVIII века, еще задолго до окончания вооруженной борьбы, участник второй экспедиции Беринга Георг Штеллер.

Подсчитывая количество камчадалов, живших в это время в районе Большой реки, он пришел к выводу, что «теперь налицо только одна тридцатая часть их».

Эту цифру он считает характерной и для остальных районов Камчатки.

«На основании этих данных, — пишет Штеллер, — можно без особого труда вывести заключение о том, насколько многочисленным было некогда население Камчатки, если ныне во всей стране осталось 3000 человек, платящих ясак». [1]

---

[1] G. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig 1774, стр. 220.

Установить точное количество камчадалов, живших на полуострове к моменту прихода русских, конечно не представляется возможным. На основе данных Атласова, утверждавшего, что «камчадальских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов, а в остроге в одной зимней юрте, а в иных острогах в 2 юртах живет людей человек по 200 и по 150», Л. С. Берг приходит к выводу, что камчадалов в низовьях Камчатки жило в конце XVII века около 25 000. [1]

С. Патканов на основе данных Крашенинникова, относящихся к 1741 году, определяет численность всех камчадалов в этот период в 12—13 тысяч душ, [2] из них ясашных, т. е. мужчин, достигших совершеннолетия, по сведениям Крашенинникова было в сороковых годах 2716 человек.

Начиная с третьей ревизии, т. е. с 1761 года, мы можем проследить «темп» вымирания туземцев уже на основе вполне достоверных документальных данных.

В течение двадцати лет, отделяющих третью ревизию от четвертой (третья — 1761—1767, четвертая — 1781—1787 годы), число ясачных камчадалов уменьшилось, главным образом от занесенной русскими эпидемии оспы, больше чем в два раза.

По третьей переписи числилось ясачных 2219, а по четвертой всего лишь 981. [3]

Донесения с мест полны сведениями о тех опустошениях, которые произвела эпидемия оспы среди туземцев.

«Обитающие же в оном Акланском уезде ясашные плательщики, — доносила в 1792 году в сенат местная администрация, — находятся в совершенной бедности, которую возымели еще от 768 года по причине тогда свирепствующего оспенного поветрия, от чего целые селения вымерли, а в других хотя и остались, но в весьма малом количестве и из тех большею частью от того поветрия сделались увечными, а потому и ныне они с нуждою оплачивают ясак тем более, что принуждены промышлять на ясак зверя по разным вершинам, от селений своих в весьма дальном расстоянии». [4]

---

[1] Л. Берг, Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга, Гиз, М. — П. 1924, стр. 10.

[2] С. Патканов, О приросте инородческого населения Сибири, СПБ. 1911, стр. 104.

[3] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., д. № 259, л. 357 об.

[4] Там же, 1800 г., д. № 295, лл. 368—370 об.

Вымирали целые роды. Из 65 родов, числившихся по третьей ревизии в Нижнекамчатском округе, к 1792 году осталось всего лишь 47. Восемнадцать родов «в бывшее в 768 и 769 годах по всей Камчатке оспенного поветрия вымерли и состоят в пусте». [1]

Процесс вымирания не прекращался и в последующие годы. За 52 года, прошедшие с момента эпидемии 1766 года, число камчадалов возросло всего лишь на 303 человека. «Сколько же бедный сей народ долженствовал в продолжении такого большого пространства времени испытать подобных оспенному поветрию бедствий, чтоб чрез 52 года столь малое последовало между ими приращение», [2] писал в 1818 году после объезда полуострова начальник Камчатки Рикорд.

Однако, несмотря на катастрофическое положение туземного населения, последняя четверть XVIII века характеризуется еще более активными темпами ограбления как камчадалов, так и коряков со стороны правительства.

Значение пушнины в общем доходном бюджете государства, роль ее как «всеобщего эквивалента», как мы уже отмечали, начинает с двадцатых годов XVIII века весьма ощутительно падать.

Этот процесс мы наблюдаем в течение всего XVIII века.

Однако в последние десятилетия XVIII века правительство вновь чрезвычайно заинтересовывается состоянием пушного ясака, пытается четко регламентировать его взыскание и где возможно увеличить его размеры. Это обстоятельство, непонятное на первый взгляд, легко объясняется, если принять во внимание, что начиная с 1783 года вся собираемая в Сибири пушнина поступает прямо в кабинет его величества, [3] и таким образом пушнина приобретает «династический» интерес.

Несмотря на то, что за туземцами Охотской области, где наиболее значительная часть ясака вносилась народами Камчатки, при налоге в 8131 руб. 88 $^{3}/_{4}$ коп. числилось к 1792 году 33 621 руб. 30 коп. недоимок, при новом переобложении количество ясака на каждого отдельного плательщика было значительно увеличено. [4]

---

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., 1800 г., д. № 295, лл. 368—370 об.

[2] ЛОЦИА, фонд департамента морского министерства, 1818 г., д. № 4000, л. 2.

[3] Полное собрание законов, т. XXI, стр. 720.

[4] Все цифровые данные о ясаке в конце XVIII века заимствованы из дела № 295 за 1800 г. (ЛОЦИА, фонд сената, I департ.).

Средняя норма ясака в его денежном выражении по Акланскому округу согласно сведениям третьей ревизии (1761—1767 год) колебалась от 48 коп. до 1 руб. 20 коп. на душу. К 1792 году по этому же району она колебалась от $77^1/_2$ коп. до 1 руб. $65^1/_2$ коп. В Нижнекамчатской округе камчадалы платили в период третьей ревизии от $53^1/_4$ коп. до 2 руб. 60 коп. с души, а после переобложения — от $88^3/_4$ коп. до 3 руб. $26^1/_4$ коп., курильцы [1] же платили в период третьей ревизии от 2 руб. 54 коп. до 3 руб. 61 коп., а после переобложения — от 2 руб. $55^1/_4$ коп. до 3 руб. 79 коп.

При анализе размера обложения туземцев Камчатки резко бросается в глаза значительно меньший размер ясака, которым были обложены коряки по сравнению с камчадалами. Ясашные коряки Гижигинской округи, которых было 545 человек, платили ясак в период третьей ревизии в среднем от 54 коп. до 1 руб., эти же средние цифры были сохранены и после переобложения. Вызывалось это обстоятельство той осторожностью, которую проявляли русские по отношению к корякам, опасаясь повторения лишь недавно прекратившегося с их стороны активного сопротивления. И все же, несмотря на это, в отношении общего собрания иркутского наместничества иркутскому генерал-губернатору от 18 ноября 1792 года упоминаются два рода — «старшины Лалу Медведева и князца Умгевы Аллахова», которые «откочевали в отдаленные места, об отыскании коих указом от наместнического правления куда следует предписано». [2]

Затруднения при взыскании ясака с коряков имели место и в более поздние годы, когда с момента подавления активного сопротивления миновало изрядное количество лет.

Еще в 1812 году командир камчатского гарнизона Сибиряков требовал принятия строгих и неотлагательных мер по случаю того, что жители Паренского и Каменского селений «до того местному начальству своему земскому ослушны, что не токмо от повинностей земских до безостановочного в казну взноса ясаков подушных денег и прочих государственных поборов относящихся, отклоняются, но даже и от платежа ясака и

---

[1] Курильцы — жители самой южной части полуострова Камчатка, мыса Лопатка и Северных Курильских островов.

[2] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., 1800 г., д. № 295, л. 410—421.

взноса прибавочных по новой переписи по 2 рубли с каждой души денег, смело отказываются». [1]

Одновременно Сибиряков сообщал, что каменские коряки во время его путешествия по полуострову не дали подвод ни ему ни для почты, как при следовании из Нижнекамчатска в Гижигинск, так и при возвращении обратно.

Однако, даже при значительном увеличении размеров взыскиваемого с туземцев ясака, убыль по Охотской области к 1792 году по сравнению с третьей ревизией 2286 душ привела в результате к уменьшению и общей суммы ясачного сбора.

Оставшиеся 4588 ясашных туземцев в Охотской области должны были вносить пушнины в денежном выражении на 6228 руб. $63^1/_4$ коп., т. е. на 1903 руб. $25^1/_2$ коп. менее по сравнению с третьей ревизией.

Но и за этой суммой, довольно скромной на первый взгляд, таились колоссальные богатства, ибо ясак туземцы вносили из расчета: красная лисица — от одного рубля до двух, соболь — 2—3 рубля, и т. д.

Произведенный при переобложении туземцев в новый ясак в начале девяностых годов XVIII века опрос выявляет очень показательную картину внедрения торговых отношений в среду народов Камчатки.

Ясачные туземцы были опрошены: в какой форме они желают платить ясак — деньгами или пушниной?

Характерно, что большинство туземцев, даже изъявивших желание платить ясак пушниной, просило в случае неулова не отсрочки взноса, а разрешения оплаты ясака деньгами.

Туземцы же Акланского округа, где особенно развиты были торговые отношения, отказались платить ясак пушниной и потребовали разрешения вносить повсегодно ясак деньгами. [2] Однако замена пушного ясака денежным была не в интересах правительства.

Замечая, что «сбор с ясашных народов противу прошлых лет рухлядью уменьшается, а большею частию взносят вместо оной деньгами», иркутское губернское правление, «по силе высочайше данной бывшему в Сибири для переобложения ясаков лейб-гвардии Семеновского полку секунд майору Щер-

---

[1] ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, департ. полиции исполнительной, 1810 г., д. № 347, л. 193.

[2] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., 1800 г., д. № 295, лл. 410—421.

бачеву инструкции 5-го пункта», предписывает земским судам «до того времени покуда ясашными ясак в уездные казначейства взнесен не будет, въезд в их жилища и сугланы для торгов равно и по прибытии иноверцов для платежа ясака в города, купечеству покупать и ясашным продажу зверя дабы казна ей принадлежащего не лишилась, воспретить». [1]

В конце концов местной администрации было предписано «поставить непременным правилом, что ясак взносим был одними только зверьми, а отнюдь не деньгами». [2] При этом было предложено «внушить» родоначальникам, что «древнее узаконение», т. е. очевидно указ 1727 года, разрешавший вносить ясак деньгами, было выгодно как для казны, так и для ясашных лишь в тот период, когда окладные цены не превышали торговых, а ныне, когда торговые цены на пушнину превышают окладные в десять и более раз, казна «императорского величества терпит важный ущерб, принимая вместо зверя деньгами по столь ниским ценам каковы окладные».

Согласно законченной в 1809 году переписи камчадалов, они были обложены ясаком на 2742 руб. $26^1/_4$ коп., причем 2714 руб. следовало взыскать пушниной и лишь 28 руб. $26^1/_2$ коп. разрешалось взыскать деньгами. Предусматривалась возможность и такого случая, когда камчадалы, обложенные ясаком на дробные суммы, при уплате его пожелали бы оказавшуюся за ними небольшую недоимку, выражавшуюся в копейках или даже в части копейки, внести деньгами.

Прием деньгами даже подобной суммы категорически воспрещался. В этих случаях с ясачного взыскивалась полная шкурка, а сумма, превышающая подлежащую взысканию, зачитывалась «в счет следующей от них на будущее время подати».

Подобное положение явилось поводом к новым злоупотреблениям со стороны местной администрации и по существу значительно возвысило размеры ясака, ибо из года в год камчадал вносил пушнину на сумму значительно бо́льшую, чем с него формально полагалось. В этом отношении показательны сведения об излишне взысканном с камчадалов благодаря подобной системе, имеющиеся в материалах I Сибирского комитета. При окладе в 2465 руб. 59 коп. в 1829 и 1830 годах с камчадалов взыскали пушнины сверх оклада на 10 198 руб. 50 коп.,

---

[1] ЛОЦИА, фонд сената, I департ., 1798 г., д. № 189, лл. 126—129.
[2] ЛОЦИА, фонд I Сибирского комитета, д. № 58, л. 41.

т. е. на сумму, более чем в три раза превышавшую размеры ясака. [1]

Эта пушнина продавалась с торгов, во время которых для местной администрации открывались широкие возможности наживы, а вырученная на торгах сумма предназначалась в «запасный капитал камчатских инородцев», которой использовался для каких угодно целей, но только не для помощи туземцам.

Усиление интереса правительства к пушному ясаку вызвало и усиление власти родоначальников, которые к этому времени окончательно становятся проводниками русской политики.

По существу обложение ясаком всецело зависело от родоначальников, ибо им было предоставлено право «смотря на выгоды и состояние жителей в облегчение одних селений пред другими число зверей противу нынешнего оклада с одних убавить, а вместо того на другие прибавить, наблюдая только чтоб... выходила с них полная по окладу сумма». [2]

В 1814 году родоначальникам было сообщено, что «всякое приумножение ясака принято будет за доказательство личного усердия оных родоначальников к пользам казны и они по представлениям местного начальства будут удостоиваемы отличными за то наградами». [3]

В 1835 году, например, по высочайшему повелению восемнадцати камчатским тойонам было прислано в награду 12 серебряных кортиков, 11 серебряных медалей и на 23 кафтана темнозеленого сукна 115 аршин. [4]

Помимо ясака камчадалы несли еще целый ряд других разорительных повинностей. Каюрная гоньба, о которой мы говорили выше, всегда была одною из наиболее изнурительных повинностей для камчадалов. Особенно памятным для них осталось путешествие в 1783 году по полуострову камчатского начальника Козлова-Угренина. По рассказам камчадал он ездил в таком громадном экипаже, в котором имелась даже печка. В этот экипаж и в экипажи спутников Угренина впрягалось одновременно до 250 собак. И как сообщает историческая записка о Камчатке, составленная в 1819 году, «от таковой необыкновенной тяжести и недостатка корму, коего камчадалы

---

[1] ЛОЦИА, фонд I Сибирского комитета, д. № 233.
[2] Там же, д. № 58, л. 41.
[3] Там же, л. 43.
[4] ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, департ. полиции исполнит., 1836 г., д. № 670.

не успевали запасти, большее число сих животных пропало и камчадалы в память сего называют Козлова-Угренина собачею оспою». [1]

С момента сформирования в 1798 году на Камчатке гарнизонного полка положение туземцев ухудшилось еще больше. Как отмечал впоследствии сибирский генерал-губернатор, солдаты гарнизонного полка «производили всякие неистовства, свободно разъезжая во всякое время по Камчатке, отбирали для сего последних собак и корм у камчадал, отвлекали их самих от промыслов, делали им всякие притеснения и тем доводили их до конечного раззорения». [2]

Кроме того прибавилась повинность отапливать воинские казармы, которая, по сведениям I Сибирского комитета, также «составляла величайшую тягость». [3] Все это приводило к тому, что, по отзыву бывшего в 1809—1810 годах на полуострове капитана Головнина, камчадалы «всякий год терпят по нескольку месяцев голод... в которое время питаются они березовою толченою корою, примешивая к оной небольшое количество сушеной и толченой в порошок рыбы, заготовленной для собак». «Такова же участь, — сообщает Головнин, — всех камчадальских селений, находящихся по близости здешних городков». [4]

Однако картина эксплоатации народов Камчатки была бы далеко не полной, если бы мы не остановились на деятельности торгового капитала.

Первым купцом, прибывшим на Камчатку, был не кто иной, как первый ее «завоеватель» Владимир Атласов.

Запасаясь оружием для похода на Камчатку, он одновременно запасся и «лазоревым бисером» для обмена с туземцами. И подобное положение, что казаки, духовенство, служилые, а впоследствии — чиновники, занимались ростовщической торговлей, — сохранилось до самых последних лет хозяйничания царизма на Камчатке. Чем выше по положению был чиновник, тем больше были его обороты, тем большее количество мелких торгашей, снабжавших туземцев вначале безделушками,

---

[1] ЛОЦИА, фонд I Сибирского комитета, д. № 51, ч. II, лл. 19—42.
[2] Там же, д. № 58, л. 44.
[3] Там же, л. 106 об.
[4] Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана, вып. II, СПБ. 1861, стр. 22.

а впоследствии по преимуществу водкой, было в его зависимости.

Центральные власти требовали от местной администрации строгого наблюдения за торговлей русских купцов с туземцами, ибо, скупая у них пушнину, купцы уменьшали как количественное поступление ясака, так и его качественные достоинства. Как правило, купец, попавши в туземное селение до взноса ясака, забирал наиболее ценные сорта мехов. Снабжая же туземцев водкой, торговцы подрывали кроме того доходы винных откупов. В отдельные периоды купцам запрещалось какая бы то ни было торговля с туземцами. Временами торговля разрешалась, но была при этом строго регламентирована. Выезд в туземное селение до взноса ясака запрещался, торговля «горячими напитками» преследовалась.

Однако на практике все это происходило иначе, ибо в торговле с туземцами были заинтересованы те же лица, которые были поставлены бороться с этой торговлей.

В тот небольшой отрезок времени (с конца двадцатых до шестидесятых годов XVIII века), когда на Камчатке была разрешена свободная торговля с туземцами, эксплоатация их торговым капиталом была значительно слабее, чем в те периоды, когда правительство «опекало» камчадалов от ограбления купцов.

«Никогда на Камчатке не было столько купцов, как теперь», писал Штеллер. Однако это положение благодаря взаимной конкуренции привело к тому, что «зверьки сильно поднялись в цене при одновременном снижении стоимости выменяваемых на них товаров». [1]

В те же периоды, когда торговля официально регламентировалась, когда на Камчатке, как например в 1812 году, оставались всего лишь два купца, державших всю торговлю в своих руках, — в эти периоды ограбление туземцев торговцами достигало чудовищных размеров. Уплачивая местному начальству изрядную сумму за билет на право проезда по «служебным обстоятельствам» из одного селения в другое и будучи вне всякой конкуренции, этот официально служилый, а по существу торгаш, переезжал из одного места в другое, спаивая и обирая туземцев, стараясь с лихвой оправдать затраченное.

---

[1] G. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Lepzig 1774, стр. 121.

В инструкции начальнику Камчатки, утвержденной в 1817 году сибирским генерал-губернатором, между прочим отмечалось, что «гражданские и воинские чиновники и даже солдаты и казаки под видом службы разъезжали прежде по Камчатке с накупленными ими у купцов или на веру взятыми товарами и особенно с горячими напитками и выменивали оные у камчадал на рухлядь». [1]

У Головнина имеется очень красочное описание «торговли» русских с туземцами на Камчатке.

«Всякий камчадал имеет между купцами своего кредитора, у которого во всякое время берет он в долг разные безделицы, не спрашивая о цене их, почему купец записывает в свою книгу за всякую вещь десятерную цену, так что иной камчадал по книгам купца должен ему рублей тысячу и более, в самом же деле и на сто не будет. Когда купцы ездят по Камчатке, — рассказывает Головнин, — то и спрашивают своих должников, помнят ли они долги свои. — Помним, — отвечает камчадал. — А сколько ты мне должен, знаешь ли? — Почему мне знать — ты грамотный, посмотри в книгу, она скажет». [2] Далее, купец забирал у туземца в счет долга десяток соболей, оценив их в рублей пятьдесят — шестьдесят, в то время как подлинная цена их была рублей триста и более. Купец вновь давал камчадалу рублей на десять взаймы, вписывал в книгу сто, а не то и более, и в следующий его приезд та же история повторялась сызнова. Но кроме осевших на месте торговцев и купцов-гастролеров, которые на собаках, взятых у туземцев в счет земской повинности, с боченком вина быстро переезжали из селения в селение, туземцев начинает постепенно эксплоатировать и пришлый новопоселенец — русский кулак. Головнин в своих записках упоминает о мещанине Смоленникове, жившем в 1810 году в Воровском туземном острожке и женатом на камчадалке. У Смоленникова было до сорока голов рогатого скота и несколько лошадей. Мясо, масло и рыбу он зимою в большом количестве возил на продажу в русские селения. «Сказывают, будто он, — пишет Головнин, — пользуясь слабостью камчадал, продает им крепкие напитки на соболей и других дорогих зверей по неумеренным ценам

---

[1] ЛОЦИА, фонд I Сибирского комитета, д. № 58, л. 94 об.—95.

[2] Материалы для истории русских заселений на берегах Восточного океана, вып. II, СПБ. 1861, стр. 107.

и тем приводит их в бедность. Сверх того, когда они имеют недостаток в съестных припасах для себя и в корму для собак, то он снабжает их тем и другим на весьма тягостных условиях, а именно чтобы они летом, смотря по количеству данных им потребностей, работали на него известное время, и тем получает десятерной барыш. Таким образом он запасает нужное ему количество сена для скота и множество рыбы, которую, выждав время голода, опять отдает камчадалам на таких же условиях». [1]

Не изменился характер торговли и с передачей снабжения полуострова в руки Российско-Американской компании. Все покупаемые туземцами предметы, а в особенности порох и свинец, необходимые для охоты, продавались компанией свыше чем в десять раз дороже по сравнению с их действительной стоимостью.

Когда в 1810 году долг камчадалов компании за взятые в ее магазинах предметы достиг 150 000 руб., компания, желая избавиться от взыскания долга, предложила продать все имевшиеся у нее долговые обязательства за... 16 000 руб. Однако купец Мясников, служивший прежде комиссионером компании и прекрасно знавший действительную стоимость розданных камчадалам предметов, оценивал их стоимость всего лишь в 11 000 руб., каковую сумму он и предложил компании. [2]

Сведения о методах эксплоатации и быстром вымирании камчадалов, вызывавшемся русской колонизацией, проникли раньше в заграничную, а в начале XIX века и в русскую печать. Первые сведения о подлинном положении туземцев стали известны, как мы уже отмечали, из «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka» Штеллера, изданного в 1774 году в Германии. Сведения Штеллера, в противоположность сведениям его сотоварища по экспедиции Крашенинникова, были лишены какой бы то ни было лакировки и откровенно рисовали неприглядную действительность. В начале XIX века о положении камчадалов писал Головнин и ряд других путешественников, побывавших на Камчатке. Однако, в противоположность Штеллеру, русские исследователи пытались представить вырождение туземцев Камчатки не как результат

---

[1] Материалы для истории русских заселений на берегах Восточного океана, вып. II, СПБ. 1861, стр. 47.

[2] Там же, стр. 107.

Награждение чукотского тойона медалью.

той чудовищной эксплоатации, которой они подвергались как со стороны правительства, так и представителей торгового капитала, а как результат их собственной невоздержанности и стремления к алкоголю.

Приводя ряд цитированных нами выше красочных фактов, рисующих всю систему эксплоатации туземцев, Головнин спешит сразу же уверить читателя, что жалобы камчадалов на тяжесть ясака и других повинностей неосновательны и что бедственное положение их является результатом «лености и склонности к пьянству». Такова была «официальная» версия, преподносимая не только чинами различных ведомств, но даже и художественной литературой.

В романе И. Калашникова «Камчадалка», вышедшем в тридцатых годах XIX века, где довольно ярко изображено хозяйничанье торговцев в туземных селениях, один из наиболее положительных героев, священник Верещагин, высказывая основную мысль автора, говорит, обращаясь к камчадалам: «На начальников жаловаться вы мастера, а не видите, что ваша гибель от невоздержанности, да от пьянства, это, брат, губит ваших родовичей больше, чем всякие поборы». [1]

Таковы были методы торговли с камчадалами.

В совершенно иных условиях протекала торговля с чукчами. Последние, как мы уже упоминали, не были ни окончательно покорены, ни объясачены, и это сказалось в полной мере и на развитии торговых отношений с русскими.

Так, приезжая раз в год в определенное место для торговли с русскими, чукчи по существу диктовали им свои условия.

В ленинградском историческом архиве, в фонде бывш. министерства внутренних дел, сохранился перевод официального договора, заключенного в 1837 году между чукотским тойоном Ятаргиным и русским комиссаром. [2]

Одним из первых условий Ятаргин ставит требование того, чтобы русские не устраивали вблизи чукоч никаких поселений. «Русские не должны в нашей земле строить никаких крепостей и вообще поселений, какого бы они рода не были», гласит 4-й пункт этого договора.

---

[1] И. Калашников, Камчадалка, СПБ. 1833, ч, I, стр. 112.

[2] ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, департ. полиции исполнит., 1836 г., д. № 570.

Пункт 5-й требует предоставления чукчам права «держаться при ссорах и торговых сделках своего обычая». Пункт 8-й требует полного невмешательства во внутреннюю жизнь чукоч. «Вера, обычаи, нравы и одежды наши да останутся неприкосновенными». Далее чукчи требовали посылать им в случае необходимости лекарей и лекарства, однако при непременном условии: платы «за те лекарства не требовать». Затем идет пункт, по которому чукчам разрешается покупать у русских ружья, винтовки и свинец, а снабжение порохом должна взять на себя казна.

По сведениям русских этот Ятаргин «составлял у чукоч значительное лицо, пользующееся между ними большим уважением, по огромному своему богатству, состоящему в бесчисленных стадах оленей». Кроме того Ятаргин, по словам местной администрации, пользовался большим влиянием среди чукоч благодаря своему родству с носовым тойоном Леутом, известным своим отчаянным удальством и грозой для американцев.

Ятаргин и некоторые из приехавших с ним чукоч изъявили согласие принять русское подданство и вносить ясак «по своей возможности и непринужденно, т. е. кто сколько может внести в пользу его императорского величества».

Кроме продиктованных им условий Ятаргин требовал еще какой-либо награды.

Местная администрация чрезвычайно форсировала присылку Ятаргину подарка до марта следующего года, т. е. до очередного приезда чукоч. Свое требование о незамедлительной присылке подарка для Ятаргина колымский исправник мотивировал тем, что в случае опоздания Ятаргин, «как вечный житель пустынь, без всякого образования, может принять это за невнимание к его усердию и приверженности к России».

Однако подданство Ятаргина оказалось столь же фиктивным, как и подданство его предшественников, и лишь торговые интересы связывали чукоч с русскими. Причем, не имея возможности непосредственно проникать в стойбища чукоч, русские торговцы должны были довольствоваться тем, что́ чукчи им привозили.

VIII. КАМЧАТКА КАК КОЛОНИЯ В КОНЦЕ XVIII И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Уже с двадцатых годов XVIII века Камчатка начинает постепенно приобретать для царской России значение плацдарма для захвата части американского материка, а несколько позже — и значение базы для внедрения русского торгового капитала морским путем в Китай, Японию и острова Тихого океана.

«По географическому положению полуостров сей, — писал о Камчатке капитан Головнин в начале XIX века, — можно сказать почти смежен с Японией и с Китаем, а Филиппинские острова, Ликейские острова, Сандвичевы острова и Америка суть соседи его; переход из Петропавловской гавани для самого дурного в ходу судна в Кантон не более может продолжаться, как два месяца, в Нагассаки 40 дней, в Манилу два месяца, к Сандвичевым островам 6 недель, к Северозападным берегам Америки месяц, в Калифорнию полтора». [1]

Свое стратегическое значение Камчатка сохранила вплоть до пятидесятых годов XIX века, — до захвата русскими Амура, что дало новое направление русской экспансии на Дальнем Востоке.

В течение этого длительного периода бывали моменты, когда наиболее актуальные для русского самодержавия вопросы, разрешавшиеся на западной границе, ослабляли внимание правительства к Камчатке, как и ко всему Дальнему Востоку. Однако удельный вес Камчатки как колонии, в целом, до середины пятидесятых годов неуклонно возрастал, достигнув наиболее яркого своего выражения в проекте Муравьева, по мнению

[1] Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана, вып. II, СПБ. 1861, стр. 120.

которого Камчатка должна была стать основным вооруженным форпостом России, одновременно защищающим как колонии, лежащие на восток от Камчатки (Аляска, Алеутские острова), так и вновь захваченные колонии, лежащие к западу от полуострова (Амур).

Несмотря на чудовищную эксплоатацию туземцев, несмотря на то, что камчатский ясак даже в денежном выражении, не говоря уже о его качественных достоинствах, в ясачном сборе всей Восточной Сибири занимал в первой половине XIX века третье, а иногда и второе место,[1] экономически Камчатка как колония была явно дефицитна.

В 1823 году, например, доходы по камчатскому управлению выразились в сумме 31 341 руб. $13^1/_2$ коп.[2]

Расходы же за этот год равнялись 67 218 р. $42^1/_2$ к.[3]

Таким образом, если даже принять во внимание, что действительная стоимость ясачного сбора, равнявшегося в этом году 2766 руб. $16^1/_4$ коп., превышает окладную цену в 5—6 раз, все равно мы должны прийти к выводу, что Камчатка как колония не имела для России экономического значения.

Ценность Камчатки, как мы уже отмечали, заключалась в этот период для самодержавия в ее выгодном географическом положении, и лишь с утратой интереса со стороны России к ее американским колониям и захватом устья Амура, Камчатка

---

[1] В 1823 году по всей Сибири было собрано пушного ясаку на 21 378 руб. $38^1/_4$ коп. Наибольшее количество дал Минусинский округ Енисейской губернии — 3751 руб. 6 коп. Второе место занял Олекминский округ Якутской области — 3668 руб. 63 коп. Третье место заняла Камчатка, где было собрано звериных шкур на 2766 руб. $66^3/_4$ коп. (ЛОЦИА, фонд I Сибирского комитета, д. № 128, лл. 40—45).

В 1830 году наибольшее количество ясака по Восточной Сибири было собрано в Олекминском округе — 2419 руб. 96 коп., а на Камчатке в этом же году было собрано 2767 руб. $14^1/_4$ коп., т. е. на 152 руб. меньше, чем в Олекминском округе (ЛОЦИА, фонд I Сибирского комитета, д. № 148, л. 183).

[2] В отчете Камчатского управления (ЛОЦИА, фонд I Сибирского комитета, д. № 128, л. 40—45) общая сумма доходов подсчитана неправильно. Приводимая нами в данном случае сумма подсчитана по отдельным статьям дохода. 9030 руб. давали винные откупа, 13 620 руб. $26^1/_4$ коп. торговля провиантом и свинцом, 2766 руб. $66^1/_4$ коп. ясачный сбор, 4285 руб. окладные сборы. Остальная сумма падает на прочие мелкие доходы.

[3] Содержание портов — 28 976 руб. 99 коп., расходы по управлению — 16 724 руб. $87^1/_4$ коп. и проч.

теряет в пятидесятых годах XIX столетия прежнее значение и превращается в «забытую окраину».

В начале семидесятых годов XVIII века, когда активное сопротивление туземцев было сломлено, и в то же время войны с Турцией и борьба за раздел Польши направляли все внимание царизма на югозападную границу России, Камчатка на некоторое время, в связи с ослаблением русской экспансии в этом районе, была оставлена без внимания.

Однако события на Камчатке внезапно заставили правительство заняться вопросами обороны этого края, а впоследствии, в связи с новым усилением русской экспансии на американский материк и прилежащие острова, заняться и возможностью использования полуострова не только для задач обороны, но и для задач нападения.

В сентябре 1770 года совместно с другими политическими ссыльными прибыли в Большерецк польские конфедераты Морид Беньевский и Винблан.

Группе ссыльных во главе с Беньевским и Винбланом, намеревавшейся бежать с Камчатки, удалось связаться с рабочими купца Холодилова, открыто выражавшими свое недовольство как своим хозяином, так и покровительствовавшим ему начальником Камчатки капитаном Ниловым.

Дело в том, что рабочие купца Холодилова отказались выйти на полуразвалившейся байдарке в море на промысел. Так как незадолго до этого начальник Камчатки Нилов ссудил Холодилову 5 тысяч рублей для этой экспедиции и был заинтересован в ее успехе, он пытался заставить рабочих силой приступить к работе, а некоторых из них посадил под арест.

Воспользовавшись этим обстоятельством, участники заговора, среди которых были и жители Большерецка, освободили в ночь на 27 апреля 1771 года арестованных рабочих, убили Нилова и, захватив город в свои руки, деятельно стали готовиться к выходу в море на имевшемся в гавани казенном судне.

Корабль подготовлялся к выходу более чем две недели. В течение этого периода рабочие Холодилова несли в городе все караулы, экспроприировали у купцов необходимые продукты и проч.

Отправив в сенат накануне отъезда «объявление» с изложением всех несправедливостей, творящихся в России, где между прочим отмечалось, что «камчатская земля от самовластия

начальников разорена», Беньевский и 70 его спутников 12 мая 1771 года вышли в море.

Это восстание подняло в Петербурге большой переполох, ибо опасались возвращения Беньевского назад на Камчатку. Повод к этому опасению давали показания свидетелей, слыхавших, как руководители восстания «говорили между собою о бедственном положении жителей полуострова, переносящих только одни обиды от своих командиров, не имея никакого понятия о свободе. И хотели предложить иностранцам, нуждающимся в переселенцах, прислать в Камчатку фрегат и небольшой бот, для разъездов по гаваням, и увезти камчатских жителей в колонии, где бы они могли иметь во всем изобилие и волю». [1]

Винблан говорил, что в испанских колониях ощущается недостаток в рабочих руках и что туда и следует доставить жителей Камчатки.

Подобные сведения и уход совместно с Беньевским трех камчадалов и одного коряка заставили правительство обратить внимание на оборону этого края.

Уже в 1772 году Камчатка по высочайшему указу была в административном отношении отделена от Охотска и управлялась специально назначаемым начальником.

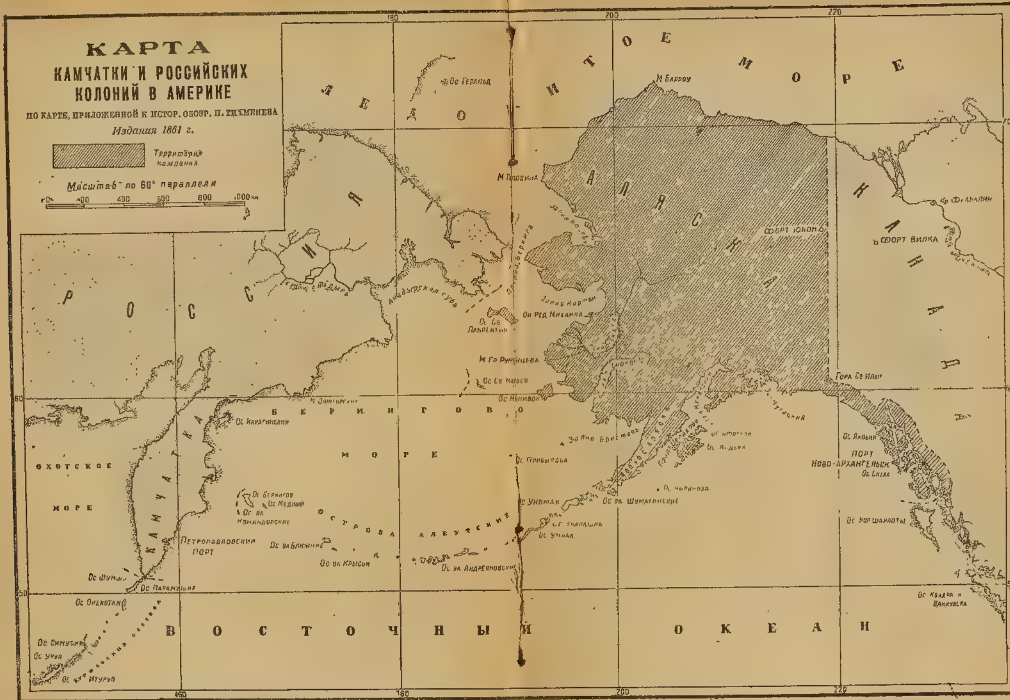
Следующим моментом, сигнализировавшим о полной незащищенности Камчатки от нападения извне, был приход в 1779 году в Петропавловск английской эскадры, незадолго до этого потерявшей своего начальника — знаменитого Джемса Кука.

Это был первый приход на Камчатку иностранных судов, и расценивая его как предварительную разведку к предстоящему нападению, местная администрация, вдобавок принявшая вначале английские суда за возвращающегося Беньевского, совершенно растерялась.

Как доносила камчатская администрация, защите полуострова препятствовали «местные обстоятельства». «Первое — самая малость да и то при негодных ружьях команды», доносил камчатский командир Шмалев. «Второе — неимение во всех гаванях батарей и крепостей, третие — артиллерии». И хотя в крепостях нескольких пушек и имелось, однако поль-

---

[1] Цитирую по А. Сгибневу, Исторический очерк главнейших событий на Камчатке, «Морской сборник», 1869, № 6, стр. 57.


КАРТА
КАМЧАТКИ И РОССИЙСКИХ КОЛОНИЙ В АМЕРИКЕ
ПО КАРТЕ, ПРИЛОЖЕННОЙ К ИСТОР. ОБОЗР. П. ТИХМЕНЕВА
Издания 1861 г.
Территория компании
Масштаб по 60° параллели
0
200
400
600
800
1000 км
ЛЕДОВИТОЕ МОРЕ
М Барроу
Ос Геральд
М Головина
АЛЯСКА
КАНАДА
Форт Юкон
Форт Вилка
Гора Св Ильи
РОССИЯ
Анадырская губа
Ос Св Лаврентия
Залив Нортон
Ос Ред Михаила
М Гр Румянцева
Ос Св Матвея
Ос Нунивок
БЕРИНГОВО МОРЕ
Ос Карагинский
ОХОТСКОЕ МОРЕ
КАМЧАТКА
Петропавловский порт
Ос Беринга
Ос Медный
Ос ва Командорские
ОСТРОВА АЛЕУТСКИЕ
Ос ва Ближние
Ос ва Крысьи
Ос ва Андреяновские
Ос Прибылова
Ос Унимак
Ос Уналашка
Ос Умнак
Ос ва Шумагинские
Ос Чирикова
Ос Кадьяк
Ос Шумшу
Ос Парамушир
Ос Онекотан
Ос Симушир
Ос Уруп
Ос Итуруп
ВОСТОЧНЫЙ ОКЕАН
Порт Ново-Архангельск
Ос Ситха
Ос Кор Шарлоты
Ос Квадра и Ванкувера
180
200
220
160
70
60
50

зоваться ими не представлялось возможности, так как имевшиеся на полуострове артиллеристы, как доносил тот же Шмалев, «не столько могут недопущение неприятеля или оборону сделать, сколько нанесть вред своим людям».

Объяснялось это тем, что «находящиеся здесь канониры несут только той должности одно звание, на самом деле и в цель навесть не могут и при случавшихся в высокоторжественные дни пальбах редко без повреждения людей оставалось». [1]

Сообщив, что во время салюта в честь прибывших англичан одного канонира «разбило хотя и не до смерти», Шмалев довольно пессимистически заявляет, что в случае нападения на Камчатку имеющиеся там вооруженные силы «никакой надежды не делают».

Напуганные сибирские власти стали с поспешностью усиливать число войск на Камчатке.

Через несколько месяцев после посещения англичанами Петропавловска из Охотска прибыло на полуостров требуемое «подкрепление», состоявшее из 56 человек. Однако присланные люди оказались «на целую треть ни к каким другим должностям быть не способны, как только к употреблению на одни тамошние караулы». Большая половина имевшихся у них ружей к стрельбе была не годна, и вдобавок двадцать два человека оказались вооруженными «оставшими в Охотске еще от прежде бывшей камчатской господина капитана командора Беринга экспедиции, корабельными мушкатонами». [2]

На этом усиление «обороноспособности» Камчатки было в этот период, по существу, прекращено.

Однако появление на Камчатке в 1787 году французской эскадры под командою Лаперуза окончательно показало царизму, что его безмятежному спокойствию в северной части Тихого океана, где до сего времени лишь одна Россия имела хоть и незначительный, но все же военный флот, пришел конец.

С восьмидесятых годов XVIII века в восточной части Азии развертывается деятельность целого ряда русских военных экспедиций, имевших своею задачей как торговое внедрение в Японию, так и фактический захват берегов Америки. В Охот-

---

[1] ГАФКЭ, фонд коллегии иностранных дел, 1779 г., д. № 2529 лл. 10—11.

[2] Там же, л. 62.

ске снаряжается экспедиция Биллингса при участии Сарычева, экспедиция Лаксмана и Креницына, купец Шелихов направляется к Курильской гряде. В виду этих задач Камчатка вновь была подчинена Охотску, ибо агрессивные мероприятия, предпринимавшиеся в этот период, требовали централизации управления всем этим краем в руках морского командования и усиления его вооруженных сил. Царское правительство предстало перед необходимостью заменить имевшихся на Камчатке инвалидов регулярными частями, вооружить их не «мушкатонами», а ружьями, доставить артиллерию, которая бы калечила не своих солдат, а противника, и т. д. Обострение же в конце XVIII века русско-английских отношений заставило еще активнее взяться за укрепление Камчатки.

В 1799 году Камчатка была переведена на военное положение.

С октября 1799 по сентябрь 1800 года на Камчатку были посланы четыре высочайших указа со строгим предписанием: в случае нападения неприятельских судов иметь «в готовности все средства к отражению оных». На полуостров был прислан гарнизонный полк, расположенный поротно в Нижнекамчатске, Большерецке, Петропавловске и Удском остроге. Указом адмиралтейств-коллегии от 28 ноября 1801 года для связи с Камчаткой и для ее охраны было предписано построить в Охотске, помимо уже имевшихся там, еще девять судов.

Экспедиции не прекращались и в начале XIX века. Крузенштерн и Головнин чрезвычайно подчеркивали стратегическое значение Камчатки, результатом чего явилась коренная перестройка как системы управления, так и обороны этого полуострова по плану, разработанному плававшими у берегов Камчатки морскими офицерами. Комитет под председательством адмирала Сарычева, плававшего совместно с Биллингсом, в основу предполагаемых мероприятий положил централизованное управление полуостровом, всецело определявшееся теми задачами, которые стояли перед Камчаткой как центром торговли с Китаем, Японией, Калифорнией и Сандвичевыми островами, с одной стороны, а с другой — как центром вооруженной экспансии на эти же страны.

По положению 1812 года «о преобразовании на Камчатке воинской и гражданской власти», выработанному комитетом под председательством Сарычева, областное правление «яко слишком для того обширное и многосложное» упразднялось, а управление краем поручалось особому начальнику.

Гижигинский округ, как не имевший стратегического значения и лишь затруднявший централизованное управление Камчаткой, был передан к Охотской области.

Центром Камчатки был избран наиболее удобный на полуострове порт — Петропавловск. В общих распоряжениях по устройству Камчатки было предписано «умножить в Петропавловской гавани преимущественно и сколь возможно более воинскую команду», укрепить гавань артиллерией, построить в Охотске для Камчатки легкие канонерские лодки, перевести весь флот из Охотска на полуостров и кроме того централизовать приход и уход всех судов исключительно в Петропавловском порту.

Одновременно было предписано ликвидировать пресловутый камчатский полк (к этому времени он был уже переименован в батальон).

Ликвидация камчатского батальона мотивируется комитетом под председательством Сарычева тем, что расходы на его содержание ни в какой мере себя не оправдывают, так как «никакой неприятель никогда не покусится на весьма трудное завладение бесплодной и столь отдаленною страною, где находится малое число одних только бедных жителей, едва имеющих для себя пропитание и рассеянных по великому пространству земли весьма малыми селениями». [1]

Подобная формулировка на ряду с теми мероприятиями, которые были предложены этой же комиссией для усиления обороноспособности Камчатки, кажется в высшей степени странной. Тем более непонятной кажется подобная формулировка, если принять во внимание, что после ликвидации камчатского батальона «правительству угодно было оставить в Камчатке почти то же число войск, переменив только их название». [2]

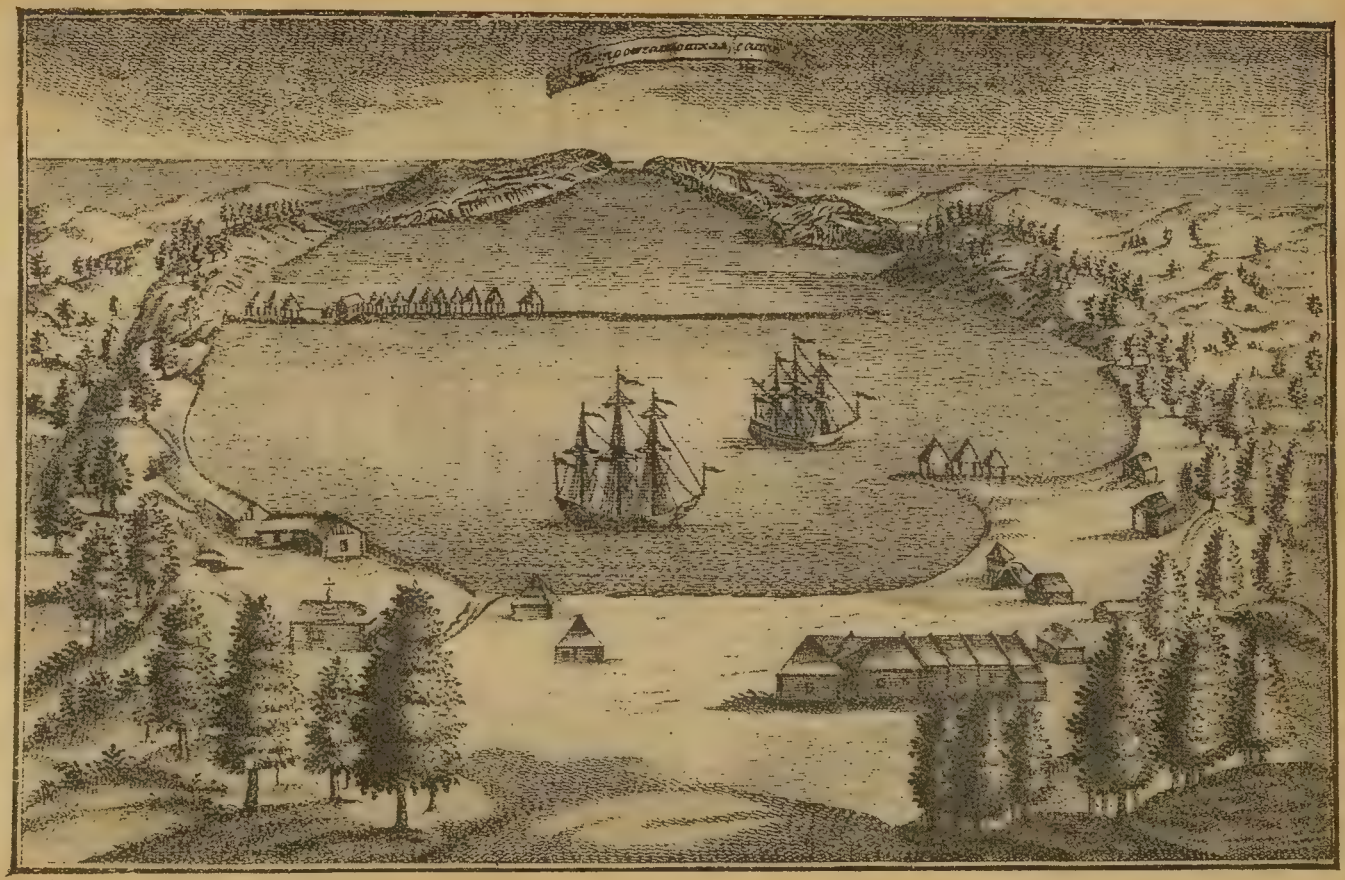
Лишь в донесениях местной администрации удалось установить причину столь странного на первый взгляд мероприятия, как ликвидация камчатского батальона.

Дело в том, что ликвидация батальона и раскассирование наличного состава войск среди других частей были вызваны возникшим среди солдат восстанием «под предлогом недоста-

---

[1] ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, департ. полиции исполнительной, 1810 г., д. № 347, л. 41 об.

[2] ЛОЦИА, фонд I Сибирского комитета, д. № 51, ч. II, лл. 19—42.



Петропавловская гавань (со старинной гравюры).

точного состояния казенного провианта и невыдачи денег провиантских, за недодачу в натуре оного». [1]

Положение 1812 года, усилившее значение Камчатки, хронологически совпадает с широким планом экспансии в северной части Тихого океана, выработанным Российско-Американской компанией.

План этот заключался в том, чтобы последовательно утвердиться в Калифорнии, Гавайских островах, Сахалине и на устье Амура, т. е. в осуществлении тех мероприятий, которые при наличии владения Камчаткой, Чукоткой, Курильскими и Алеутскими островами превращали Россию в полновластного хозяина северной части Тихого океана.

У берегов Камчатки было учреждено крейсерство, существовавшее до заключения в 1825 году конвенции с Америкой и Англией.

По положению от 31 марта 1820 года «вход иностранцам с товарами в Охотский порт и к Камчатскому полуострову воспрещен». Исходя из этого, по предложению министра финансов было предписано «иркутскому губернскому начальству о непозволении никакому иностранцу, кроме подданных России, записываться в гильдии купечества или селиться в Камчатке и Охотске». [2]

Комиссионеру Добелли, торговавшему на Камчатке, было сообщено, что ему не разрешается иметь «пребывание в тех местах, а еще менее заводить дома или другие недвижимые собственности». [3]

В двадцатых годах Петропавловский порт переживал строительную горячку. Петропавловск стал местом, где централизовались многочисленные русские экспедиции, бороздившие Тихий океан в поисках новых объектов для русской экспансии (Коцебу, Литке и другие).

Однако неспособность царского правительства наладить снабжение продовольствием не только туземного населения Камчатки, но и местного гарнизона, постоянно ставила под угрозу возможность дальнейшего развития этого края как военной базы для дальнейшего «расширения вширь».

---

[1] ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, департ. полиции исполнит., д. №. 307, л. 199.

[2] ЛОЦИА, фонд канцелярии министра финансов, I отд., III стол, 1802 г., д. №. 299.

[3] Там же.

Попытки перевести Камчатку на самоснабжение, хотя бы в отношении хлеба, активно начатые еще в период формирования там гарнизонного полка, бесславно провалились.

Опыт перевода «ста семейств пашенных мужиков» из Охотска и поселения их в низовьях реки Камчатки, одинаково как и опыт перевода солдат местного гарнизона на ландмилиционное положение, расселив их по районам, где возможно земледелие, вызвали лишь огромные затраты и ни к каким результатам не привели.

Как выяснилось впоследствии, «приведение в действие плана о заведении хлебопашества в Камчатке отличается одними разорительными и безуспешными издержками». Закупленные в Иркутске семена и земледельческие орудия доставлены были на полуостров «прежде нежели солдаты начали строиться и самая земля не была еще приведена в известность». Все эти мероприятия привели к тому, что «семена приходили в порчу, их перемалывали и употребляли в выдачу солдатам». [1] Аналогичный результат получился и в 1807 году, когда купленные в Иркутске 500 пудов семян были упакованы в 198 деревянных ящиков, из которых на Камчатку было доставлено лишь 8, остальные же за распутицей брошены на якутской дороге и лишь в 1810 году прибыли на место. Когда семена прибыли, выяснилось, что «хлеб от сырости воздуха морского, от коего и деревянные ящики защищать его не могли, приходил в порчу и на посев делался неспособным». [2]

Российско-Американская компания, на обязанности которой лежала доставка провианта на Камчатку, выполняла эту обязанность весьма неохотно и неаккуратно, ибо торговля в американских колониях доставляла значительно большие выгоды, чем казенные поставки на полуостров.

В результате всего этого правительство вынуждено было в 1828 году разрешить иностранцам на десять лет беспошлинную торговлю на Камчатке всеми товарами, кроме водки и вин, а затем продлить это разрешение.

Хотя делалось это «принимая в соображение отдаленность Камчатки и положение тамошних жителей, претерпевавших недостаток в самых необходимых потребностях», [3] ибо казен-

[1] ЛОЦИА, фонд I Сибирского комитета, д. № 51, ч. II, л. 19—42.
[2] Там же.
[3] ЛОЦИА, фонд канцелярии министерства финансов, отд. I, ст. III, 1828 г., д. № 8, л. 2—3.

ная доставка провианта с трудом обеспечивала даже военнослужащих, однако на практике разрешение иностранной торговли привело лишь к еще большему спаиванию туземцев.

Привозя для чиновников и офицеров всевозможные колониальные товары, иностранцы снабжали туземцев по преимуществу водкой, ввозившейся в значительных количествах.

Логическим продолжением мероприятий по усилению значения Камчатки как плацдарма для дальнейших захватов явились мероприятия, осуществленные генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Муравьевым в конце сороковых годов XIX века.

Это усиление внимания правительства к Камчатке было тесно связано с результатами экспедиции Невельского, установившего судоходность устья Амура и Татарского пролива и открывшего широкие возможности захвата Приамурья и проникновения в Китай.

Размеры вооружения Камчатки, как писал Муравьев в своей докладной записке Николаю I, «зависят от тех военных средств, которые вашему величеству угодно будет расположить в Восточном океане и Охотском море, и тех последствий, которые вам угодно будет дать открытиям, сделанным капитаном Невельским. Во всяким случае я смею думать, — писал Муравьев, — что в Камчатке и в Охотском море нам должно иметь военные средства соответственные тем, которые имеют англичане у китайских берегов и Сандвичевых островов». [1]

По плану Муравьева, который сосредоточивал внимание царизма одновременно как на русских колониях в Америке, так и на продвижении в район Амура, наиболее удачной военной базой являлся Петропавловск, находившийся приблизительно на одинаковом расстоянии от обоих объектов.

Петропавловск обеспечивал от каких-либо нападений на американские колонии и вместе с тем мог дать необходимую вооруженную силу для захвата Сандвичевых островов — мысль, которую царизм не оставлял вплоть до восьмидесятых годов XIX века.

Кроме того вспомогательной базой для операций на Амуре должен был явиться Аянский порт.

Указом сената от 2 декабря 1849 года было образована

---

[1] ЛОЦИА, фонд канцелярии морского министерства, 1850 г., д. № 10449, л. 46.

Камчатская область. Управление полностью централизовалось в руках военного губернатора, назначаемого из чинов морского ведомства и подчиненного непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири.

Согласно предложению Муравьева, Охотский порт, как не имеющий стратегического значения, решено было упразднить, сосредоточив все сухопутные и морские силы в Петропавловске.

Охотский флотский экипаж, охотская мастеровая рота и петропавловская флотская рота были соединены под названием 46-го флотского экипажа и расположены в Петропавловске.

Перевод Охотского порта в Петропавловск чрезвычайно форсировался. «Надлежит отправить, — писал Муравьев начальнику Охотского порта в письме от 1 апреля 1850 года, — нынешнею же навигациею в Петропавловск все то, что только можно успеть... так чтобы в будущем году Охотский порт мог быть непременно (подчеркнуто в оригинале. — *С. О.*) окончательно переведен в Петропавловск». [1]

Для усиления флота из Кронштадта в Петропавловск отправляется корвет «Оливуца», который должен был крейсировать у берегов Камчатки.

Кроме того план усиления военной мощи Камчатки предусматривал устройство порта путем соединения каналом Нерпичьего озера, расположенного около устья реки Камчатки, с морем и постройку в Большерецке судостроительной верфи.

Однако, как и раньше, одним из серьезнейших вопросов, без разрешения которого Камчатка всецело оставалась в зависимости от международной ситуации и в момент политического обострения, т. е. в тот момент, когда она в особенности была необходима для царизма, выбывала из строя, — оставался вопрос о продовольственном снабжении полуострова.

Морской путь был годен лишь в период мира, а сухопутный был длителен и чрезвычайно дорог.

Пытаясь создать на Камчатке собственную продовольственную базу, Муравьев предлагает переселить туда 5000 крестьян, выдать им участки у Авачинской губы, Большерецка и в низовьях реки Камчатки. Камчатский военный губернатор Завойко

---

[1] ЛОЦИА, фонд морского министерства, инспекторский департ., 1849 г., д. № 6897, л. 19 об.

уделяет в этот период чрезвычайно много внимания заведению на полуострове хлебопашества и разведению овощей.

В приказе от 11 ноября 1853 года он даже категорически запрещает продавать или отдавать за долг имеющийся у крестьянина скот. «А кто свой скот отдаст за долги, то тот для примеру протчим будет строго наказан». [1]

Однако начавшаяся война с Англией и Францией, обстрел соединенной англо-французской эскадрой Петропавловска и одновременно падение интереса со стороны России к американским колониям привели в конечном итоге к отказу правительства от создания на Камчатке вооруженной базы.

Амур приобретал для самодержавия все больший и больший интерес, и уже в письме от 3 декабря 1854 года великий князь Константин, управлявший морским министерством, писал Муравьеву, что «в Сибири сильным пунктом, в котором может найти убежище весь тамошний флот наш и который в состоянии защитить, если соединим в нем все усилия наши, есть не Камчатка, а Амур, и потому не сочтете ли более благоразумным с открытием навигации не посылать в Камчатку военные силы, а напротив, оттуда вывести оные». [2]

Управление краем переводится в Николаевский пост. Сюда вошла Камчатская область, Аянский порт, Сахалин, прибрежье Татарского пролива и т. д. С этого момента стратегическое значение Камчатки окончательно падает.

Что касается до владений России в Америке, то рост политического значения последней не сулил России от этих колоний ничего, кроме политических осложнений.

Продажа Аляски в 1867 году явилась для России прекрасной возможностью освободиться от американских колоний. Камчатка с этого момента некоторое время остается вне поля зрения правительства и предоставляется на полный произвол хищнической эксплоатации как российского, так и иностранного торгового капитала.

---

[1] Цитирую по Н. Слюнину, Охотско-Камчатский край, СПБ. 1900, т. II, стр. 42.

[2] ЛОЦИА, фонд канцелярии морского министерства, 1854 г., д. № 14838, л. 1 об.

IX. ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД КОЛОНИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАМЧАТКИ

Вторая половина XIX века характеризуется активизацией завоевательной политики царизма, пытающегося путем захвата новых территорий разрешить всё обострявшиеся с ростом капитализма противоречия.

Борьба царизма за новые колониальные объекты была борьбою за сохранение крепостнических отношений в метрополии, так как «возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодальная эксплоатация «инородцев». [1]

Поражение на Ближнем Востоке сконцентрировало в конце XIX века захватнические планы царизма на Дальнем Востоке, где в борьбе за тихоокеанское побережье и за Манчжурию предстояло сразиться с той державой, стараниями которой был положен предел «расширению вширь» Российской империи на Ближнем Востоке.

И в тот период, когда Приамурье и Уссурийский край уже полностью были закреплены за Россией, а дальнейшая экспансия, по мнению царизма, должна была неизбежно столкнуть его с Англией (о серьезности столкновения с Японией царизм в этот период и не помышлял), естественно должно было вновь возрасти и стратегическое значение Камчатского полуострова.

«В настоящее время, — писал подполковник Козик генерал-губернатору Восточной Сибири в 1880 году, — торгово-политическое значение Камчатки далеко не то, какое было в 1854 году. Открытие для иностранцев портов Японии и Китая, воз-

[1] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 199.

никновение обширной торговли и промышленности в Сан-Франциско, уступка Аляски американцам и, наконец, наше стремление к созданию военного и торгового флота и крейсерства в Великом океане, — все это настолько изменило положение дел на всем нашем побережьи Тихого океана и придало значение между прочим и Камчатке в глазах американцев и англичан». [1]

Одним из первых мероприятий, направленных к укреплению Камчатки, должно было явиться выделение ее в самостоятельную административную единицу. Уже в 1886 году приамурский генерал-губернатор Корф отмечал необходимость выделения из состава Приморской области Камчатки, Командорских островов и Сахалина. По проекту Корфа на Камчатке следовало учредить особое управление с губернатором во главе. В конце девяностых годов на выделении Камчатки в самостоятельную область настаивал и сменивший Корфа генерал-лейтенант Духовской.

В 1903 году, по предложению наместника на Дальнем Востоке Алексеева, было утверждено положение об организации Камчатской области. Однако русско-японская война заставила отложить введение этого положения.

Одновременно с этим вновь ставится и вопрос о колонизации Камчатки. Колонизация должна была усилить обороноспособность полуострова, так как увеличивала процент русского населения, и в то же время обеспечить необходимой рабочей силой начавшую возникать рыбопромышленность. По мнению военного губернатора Приморской области Гродекова, высказанному им в 1901 году, «самым соответствующим и желательным элементом для заселения суровых окраин является не кто иной, как только предприимчивый и смелый сектант». [2] При этом в отношении Камчатки речь шла лишь о сектантах, которые «не отвергают самозащиты с оружием в руках». Каждую семью Гродеков предлагал наделить 15 десятинами земли, предоставить ей возможность бесплатно пользоваться промыслами зверей и рыбы, освободив ее при этом на три года от несения земских и воинских повинностей и казенных

---

[1] ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, отд. II, ст. 2, 1881 г., д. № 13, лл. 65 об. — 67.

[2] ЛОЦИА, фонд переселенческого управления, 5-е д-во, 1902 г., д. № 28, лл. 4—8.

сборов. Кроме того на обзаведение каждой семьи предполагалось выдать по 100 руб. Особенно, по мнению Гродекова, следовало обратить внимание на переселившихся в Америку духоборов и воспользоваться начинающимся среди них движением в пользу возвращения на родину, для привлечения их на Камчатку.

Однако через несколько лет, в связи с ростом аграрного движения, в особенности в связи с движением 1902 года в Полтавской губернии, Камчатку предполагается заселить уже иного рода колонизаторами. И хотя многочисленные проекты заселения Камчатки подобными переселенцами остались неосуществленными, ибо размах аграрного движения в стране не дал возможности правительству развернуть полностью весь план карательных мероприятий, однако мы остановимся на некоторых из них для уяснения того направления, которое предполагало дать самодержавие дальнейшему развитию Камчатки как колонии.

В секретной справке переселенческого управления указывается, что переселение на Камчатку участников движения 1902 года разрешило бы все вопросы, связанные с колонизацией полуострова. «Переселение в Камчатку полтавских крестьян, — отмечает переселенческое управление, — разрешило бы поставленный генерал-губернатором вопрос (речь идет о заселении полуострова. — *С. О.*) в желательном смысле. При этом подобная мера имела бы то несомненно карательное значение, которое, повидимому, необходимо ей придать». [1]

В 1907 году советником управления Приморской области С. Херсонским был выдвинут проект о заселении Камчатки лицами, ссылаемыми по приговорам сельских обществ.

Херсонский констатирует, что ссылка в Сибирь «зараженных» элементов деревни «благодаря неправильному направлению потока ссылки в конечном своем итоге является вредной и этот вред очевиден до крайности, так как, перебрасывая зараженный элемент из одной густо населенной местности России в другую не меньше населенную, хоть и отдаленную, правительство не уменьшает бедствия, а напротив того, распространяет таковое, культивируя его в местах, свободных от заразы». [2]

---

[1] ЛОЦИА, фонд переселенческого управления, 1902 г., 5-е д-во, д. № 28, лл. 9—15.

[2] ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, земский отдел, 4-е д-во, 1908 г., д. № 60.

Единственным выходом из создавшегося положения Херсонский считает направление крестьян, ссылаемых по приговорам сельских обществ, на Камчатку, где благодаря малонаселенности края они «с пользой для себя и безопасно для мирного населения заработают хлеб свой».

В 1909 году Камчатка была преобразована в область, и сразу же на полуостров была отправлена экспедиция переселенческого управления для выяснения колонизационных возможностей края. Однако борьба за главный объект для русской экспансии, борьба за проливы, вскоре отвлекла внимание правительства от Дальнего Востока и заставила его отказаться от каких бы то ни было широких планов заселения Камчатки и ограничиться лишь открытием полуострова для вольной колонизации.

* * *

Остановимся вкратце на положении туземного населения полуострова в последние десятилетия хозяйничанья там царизма.

Размер взыскиваемого с туземцев ясака не пересматривался по существу около ста лет. Лишь в 1874 году в Гижигинском и в 1880 году в Петропавловском округах было произведено переобложение ясачных туземцев.

По переписи 1874 года число ясачных душ в Гижигинском округе и Анадырском (выделенном из Гижигинского в 1888 году) было определено в 1054 и оклад ясака для ясачной души был установлен в 1 р. 15 коп. В Петропавловском округе по переписи 1880 года число ясачных было определено в 896 душ. Из этого числа 20 душ были обложены сбором в размере 1 р. 49 коп. а прочие 876 душ — по 2 р. 86 коп. Размеры этих окладов оставались не измененными вплоть до революции, причем ясак вносился уже частью мехами и частью деньгами. Однако несмотря на небольшие сравнительно размеры ясака, в действительности ясачный сбор для туземцев попрежнему был чрезвычайно обременителен. «Особенно обременителен ясачный сбор для инородческого населения, — как отмечалось в проекте нового положения об инородцах Приамурского края, — вследствие грубого примитивного способа взимания его по началу круговой поруки». [1]

---

[1] ЛОПИА, фонд министерства внутренних дел, земский отдел, 8-е д-во, 1915 г., д. № 120, л. 186.

Кроме того часть туземцев была еще обложена земскими повинностями в размере $38^1/_2$ коп. с души. «Но насколько правилен этот последний сбор, — писал в 1910 году гижигинский уездный начальник камчатскому губернатору, — судить не могу». [1]

Из натуральных повинностей особенно обременительный характер для туземцев попрежнему носила каюрная гоньба.

Мы не располагаем точными сведениями о количестве верст, которые приходилось ежегодно делать камчадалам и корякам, перевозя начальство по полуострову. Приведем для иллюстрации сведения, касающиеся Удского округа, которые дадут нам представление о размерах этой повинности. В течение зимы 1888—1889 года при разъезде чинов полиции тунгусам Удского округа пришлось сделать 57 280 олене-верст, что, даже по подсчетам администрации, более чем в три раза превышало размеры взыскиваемого ясака.

Целый ряд факторов, действовавших в этот последний период хозяйничания царизма на Камчатке, еще более усилил разорение и обнищание туземного населения.

«Камчадальское население, потесненное со своих лучших мест пришедшими русскими, расселилось небольшими острожками по всему западному побережью», доносил в 1880 году генерал-губернатору Восточной Сибири посетивший Камчатку подполковник Козик.

Право русских поселенцев свободно захватывать туземные угодия и безнаказанно сгонять туземцев с занимаемых ими мест было санкционировано правительством еще в 1852 году, в период, когда Камчатку предполагалось превратить в вооруженный форпост для дальнейшей колониальной экспансии царизма на Дальнем Востоке.

По высочайше утвержденному 11 января 1852 года положению на Камчатке поселенцы «пользуются всеми поземельными угодьями, промыслами и другими выгодами в окрестностях их поселения безвозмездно и по собственному выбору». [2]

Однако еще интенсивнее процесс экспроприации туземных угодий развивается после 1912 года, т. е. после открытия Камчатки для вольной колонизации. Как констатировалось в

---

[1] ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, земский отдел, 8-е д-во, 1910 г., д. № 66, л. 311.

[2] Полное собрание законов, собрание II, т. XXVII, стр. 18.

проекте положения об инородцах Приамурского края, «состоящие во владении инородцев земли начали занимать пионеры вольной колонизации». Новым поселенцам было предоставлено право выбора по собственному усмотрению мест для водворения и право перехода с одного места на другое. Кроме того норма надела не была ограничена. Все это вместе взятое, как отмечает цитированный выше проект, приводило к тому, что вновь прибывавшие поселенцы «не только совершенно игнорируют земельные и промысловые интересы инородцев, но нарушение последних приняло столь резкую форму и сделалось настолько обычным, что такие колонизаторы... на Камчатке вызвали даже к себе чувство сильной неприязни, и притом не только у инородческого, но и у местного русского населения».[1]

Но хозяйничали на полуострове не только русские, но и иностранные хищники, по преимуществу японцы, безнаказанно расхищавшие рыбные угодья, обрекая тем самым туземное население на голод.

Систематическое хищническое облавливание наиболее ценных рыбных угодий, практиковавшееся многочисленными русскими и японскими предпринимателями, привело к резкому падению рыбных промыслов, являвшихся основной отраслью хозяйства в южной части полуострова. В результате, в этом исключительном по своим рыбным богатствам крае наблюдались все более частые голодовки населения вследствие периодических недоходов рыбы.

Насколько влиял капиталистический рыбный промысел на степень улова рыбы туземным населением, могут свидетельствовать следующие факты: в 1908 году впервые открывается промысел лососевых на одном участке в лимане р. Анадыря,— и население по р. Анадырю не долавливает в значительном размере требующегося ему для продовольствия количества рыбы; в 1909 году промысел лососевых в Анадырском лимане расширяется и производится на трех участках, — и улов рыбы у местного населения понижается до того, что от недостатка рыбного корма гибнет значительная часть собак; в 1910 году на промыслах в лимане улов кеты превышает 600 000 штук, — и обездоление рыбой населения прогрессирует и усиливается падеж скота от бескормицы.

---

[1] ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, земский отдел, 8-е д-во, 1915 г., д. № 210, л. 124.

Хищническое истребление пушного зверя, особенно наиболее ценного (соболя, чернобурой лисицы, выдры), широко практиковавшееся русским населением и пришлыми охотниками, вызвало резкое падение другого основного промысла населения — охотничьего.

В том же направлении все усиливающегося разорения туземного населения края действовал и торговый капитал, значительно усиливший свою деятельность на Камчатке в связи с повышением цен на пушнину в начале XX столетия.

Образовавшиеся в наиболее благоприятных по естественным условиям районах края (Авачинском, в долине реки Камчатки) крупнокулацкие гнезда из среды старожильческого и новопоселенческого населения широко развили торговую деятельность, практикуя обман и спаивание туземцев.

Низовая администрация предпочитала рапортовать о полном благополучии, а получив однажды подобный рапорт от местного исправника, как сообщал в своем отчете уполномоченный министра внутренних дел по снабжению продовольствием Н.-Колымского и Охотского края Бутурлин, он уже через несколько часов имел возможность наткнуться на буквально вымиравшие от голода туземные поселки.

Не проявляла администрация никаких забот и о снабжении края. «В прошлое лето (1859 год. — *С. О.*), — писал в частном письме один из жителей Камчатки, — доставлена была мука как для довольствия служащих, так и для продажи частным жителям в таком ничтожном количестве, что продажа в продолжении зимы была весьма ограничена, да и то только тем лицам, которые привыкли к хлебу и с трудом могут обходиться без него, камчадалам же продажа была вовсе отказана».[1]

В 1860 году транспорт не пришел совсем, и тогда, как сообщал тот же корреспондент, «большую половину команды и часть жителей с семействами... начали отправлять в округ по селениям для прокормления у камчадал имеющейся у них свежей рыбой и юколой».[2]

«Естественный процесс» вымирания туземцев, помимо тех случаев, когда незначительное заболевание уносило, при пол-

---

[1] ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, хозяйственный департ., 1861 г., д. № 22, л. 20 об.

[2] Там же, л. 24 об.

ном отсутствии медицинской помощи, тысячу жертв, вызывался систематическим недоеданием и невозможностью вследствие этого для организма бороться с какой бы то ни было инфекцией.

Как отмечал командированный в 1874 году на Камчатку врач Ковалев, наиболее важным мероприятием для лечения каждого заболевшего камчадала «было улучшение питания для восстановления сил больного». По мнению Ковалева «поднятие общего благосостояния и улучшение питания камчадальского населения есть первое условие для его спасения». [1]

За одиннадцать лет (с 1897 по 1908 год) туземное население Петропавловского уезда, по сведениям, собранным экспедицией переселенческого управления, бывшей в 1910 году на Камчатке, уменьшилось на 1069 душ. Одна только эпидемия кори унесла одновременно около 800 человек. Население было совершенно лишено медицинской помощи. «Громадная смертность при такой эпидемии как корь, — сообщала экспедиция переселенческого управления, — объясняется недостаточностью медицинской помощи. На громадную территорию в 339 697 квадратных верст имеется всего один врач, четыре фельдшера и одна повивальная бабка. Больницы до 1909 года совсем не было, да и в настоящее время (1910 год. — *С. О.*) открыта только одна больница в г. Петропавловске на 5 кроватей, помещенная в переделанной бане». [2]

Само собою разумеется, что эта единственная больница и эти ничтожные кадры медицинских работников были призваны обслужить только русское, в первую очередь чиновное, население Камчатки.

Снабжение на Камчатке, а равно и содержание пароходного сообщения с северными портами Приморской области, было начиная с 1876 года передано в монопольную эксплоатацию купцу Филлипеусу. Однако Филлипеус являлся лишь представителем американской фирмы «Братья Уолш» [3] и числился официальным владельцем всех имуществ названной компании лишь потому, что правительство не желало с ними, как с иностранными подданными, заключать соглашение.

---

[1] ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, департ. общих дел, отд. II, ст. 2, 1881 г., д. № 13, л. 76.

[2] ЛОЦИА, фонд переселенческого управления, 5-е д-во, 1908 г., д. № 60, л. 95.

[3] См. А. Прозоров, Экономический обзор Охотско-Камчатского края, СПБ. 1902, стр. 36.

«Можно сказать наверное, — доносил в 1891 году чиновник главного управления Восточной Сибири Сулковский, — что в настоящее время все жители Камчатки за ничтожным исключением состоят неоплатными должниками или г. Филлипеуса или г. Милованского, [1] держащих в своих руках не только всю торговлю края, но и самую жизнь населения». [2]

Методы торговли с туземцами мало изменились по сравнению с началом XIX века. Торговля носила попрежнему преимущественно меновой характер, а так как пушнина бывала у туземцев лишь к началу весны, то все остальное время торговля велась в кредит.

Попрежнему приказчики записывали за туземцами чудовищные цифры, именовавшиеся долгами, забирали всю упромышленную ими пушнину, остатки долга перечисляли на будущий год и т. д. По сообщению того же Сулковского туземцы «представляют собою не что иное как рабочих, не видящих при этом конца своей зависимости и лишенных, следовательно, свободы и самостоятельной деятельности».

Филлипеус вывозил с Камчатки и продавал, главным образом в Лондоне, на значительную сумму пушнины. Так например в 1883 году, по сведениям, приводимым А. Прозоровым, было сдано Филлипеусу на Камчатке и по Охотскому побережью 3800 соболей, 8 чернобурых лисиц, 164 сиводушки, 1351 красных лисиц, 54 120 белок и проч. [3]

Ни в какой мере не изменилось положение населения к лучшему с переходом в 1886 году транспортного обслуживания Камчатки к Добровольному флоту и с организацией казенных магазинов.

Казенные магазины не только не явились конкурентами для хозяйничавших на Камчатке русских и иностранных фирм, но и служащие этих магазинов сами занимались спекуляцией не в меньшей мере, чем другие купцы.

«Казалось бы Тигильский казенный магазин, — писала в своем предварительном отчете экспедиция переселенческого управления, — мог до известной степени умерить аппетиты торговцев, но познакомившись с его деятельностью, мы пришли

---

[1] Торговая фирма, подвизавшаяся в это время на Камчатке.

[2] Сборник документов по управлению Восточной Сибирью, т. III, стр. 64.

[3] А. Прозоров, Экономический обзор Охотско-Камчатского края, СПБ. 1902, стр. 39.

к заключению, что он служит не для пользы населения, а для наживы тех же торговцев». [1]

Устраивалось это довольно просто. В Тигиле, например, магазином заведывал некий Крыжановский, который одновременно имел собственную торговлю на имя жившего с ним сына. Все ходовые товары сразу же по их получении скупались купцами, и туземцы все им необходимое должны были приобретать у этих перекупщиков, платя в несколько раз дороже.

Берданка, купленная в казенном магазине за 7 руб. 50 коп., обменивалась на корову или лошадь, а один коряк, которому чрезвычайно было нужно ружье, выменял его у перекупщика, дав ему взамен лисицу и семь медвежьих шкур, в общей сложности на 80 рублей.

В казенные магазины обычно приходилось платить пушниной, которая вдобавок принималась не по рыночной стоимости, а по ясашной оценке.

Так например при ревизии 1910 года продовольственного казенного магазина в бухте барона Корфа был отмечен прием от туземцев лисиц по установленной для приема в ясак цене в 5 рублей, при рыночной ценности, определившейся в аукционной продаже от 18 до 22 рублей,

«Кроме того, — как отмечали посланные для ревизии магазинов чиновники, — инородцы вследствие меховой валюты несут также крупные потери от неразменности мехов на денежные знаки и необходимости в силу этого при покупке из казенных и экономических магазинов добирать на разницу между ценою покупаемого товара и ценою меха предметы или не нужные в данное время, или совершенно излишние». [2]

Единичные попытки отдельных администраторов, понимавших, что катастрофическое вымирание туземцев влечет за собою обезлюдивание края, бороться с ростовщической торговлей, окончательно разорявшей туземцев, неизменно терпели неудачу. Проект приамурского генерал-губернатора Унтербергера ввести особые правила для торговли с туземцами (правила предусматривали обязательства торговцев к определенному сроку выдать своему клиенту полный письменный расчет, введение расчетных книжек, контролируемых админи-

[1] ЛОЦИА, фонд переселенческого управления, 5-е д-во, 1908 г., д. № 60, л. 113 об.

[2] ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, 8-е д-во, 1915 г., д. № 210, лл. 203 об.—204.

страцией, вывешивание прейскурантов и проч.) утвержден не был, как «стесняющий свободу торговли».

Петропавловский уездный начальник Сильницкий, сделавший попытку воспрепятствовать массовой продаже спирта туземцам и рискнувший закрыть имевшиеся в Петропавловске на 350 жителей пять кабаков, снабжавших спиртными напитками не столько город, сколько внутренние туземные районы, куда ввоз их официально был запрещен, а вдобавок устроивший аукцион ясачных мехов не в замкнутом кругу петропавловских купцов, а в присутствии иностранцев, плативших за меха втрое больше, чем русские, — был объявлен сумасшедшим и по распоряжению министра внутренних дел Плеве насильно вывезен с полуострова. Когда же дело приняло скандальный характер, ибо Сильницкий был совершенно здоров и сразу же по приезде в Хабаровск занял место редактора «Приамурских губернских ведомостей», из Петербурга в Хабаровск была прислана телеграмма: «Теперь разумеется Сильницкий психически здоров, но из этого вовсе же не следует, что он был здоров и на Камчатке, где были такие тяжелые условия, что не мудрено было и помутиться разумом». [1]

Экономическое положение коряков и ламутов также ухудшалось из года в год.

Некий фон-Дербек, посетивший в начале XX века коряков села Ямского, Охотского уезда, пишет, что «вся их жизнь настолько примитивна, все в ней так жалко и бедно, что приходишь невольно к выводу, что этих несчастных людей с умыслом держат в черном теле для лучшей эксплоатации. В их обиходе нет ни топоров, ни гвоздей, ни порядочных ножей. Эти вещи составляют предметы роскоши». [2]

Связано это было с катастрофическим падением в ряде районов оленьего поголовья и с «деятельностью» русских и иностранных торговцев.

Как сообщала в своем предварительном отчете экспедиция переселенческого управления, число оленей в одном Петропавловском уезде за 18 лет уменьшилось в три раза. По данным петропавловского полицейского управления в 1891 году в Петропавловском уезде числилось около 35 000 голов, а

[1] См. «Исторический вестник», 1909, т. XI, и «Сибирские вопросы», 1909, № 44.

[2] Медицинские прибавления к «Морскому сборнику», 1909, т. X, стр. 217.

Коряк.

в 1909 году осталось лишь всего 12 000 голов. Помимо эпизоотий, как отмечает экспедиция, причиной уменьшения оленьего поголовья являются «притеснения оленеводов уездными начальниками и оседлым населением». [1]

Дело в том, что в периоды систематически повторявшихся на Камчатке голодовок оленеводы по приказанию начальства подкочевывали с табунами к голодающим селениям и кормили жителей или вовсе бесплатно, или же за незначительное вознаграждение. Подобное же распоряжение было сделано и во время русско-японской войны, когда оленеводы поставляли для дружинников мясо.

Не лучше обстояло дело с оленеводством и в других районах Охотско-Камчатского края. В некоторых прибрежных районах, наиболее доступных внешним влияниям (Гижигинском, Тайгоносском, Олюторском), падение оленеводства было связано с той же хищнической деятельностью торгового капитала, в других — малодоступных внутритундровых районах — действовали внутренние причины: полная беспомощность туземного населения в борьбе с губительными эпизоотиями, сильная классовая дифференциация в туземном обществе, сопряженная с разорением малооленной бедноты, и т. д.

---

[1] ЛОЦИА, фонд переселенческого управления, 5-е д-во, 1908 г., д. № 60, л. 103.

Прекрасной иллюстрацией роста классовой дифференциации среди коряков являются сведения (заимствованные нами из проекта положения об инородцах Приамурского края) об одном из коряков, проживавшем накануне революции на о. Карагинском.

«На о. Карагинском, — сообщает один из бывших там чиновников, — проживает коряк, владелец стада оленей численностью в 4000 штук. При этом коряке живет до 70 человек родственников, которые у него служат пастухами при оленьих табунах». [1]

В отношении чукоч местные власти никогда не позволяли себе тех вопиющих насилий, которые являлись обыкновенными по отношению к камчадалам и корякам, опасаясь каких-либо столкновений с ними.

О том страхе, который чукчи наводили на местную администрацию еще во второй половине XIX века, красноречиво говорят фантастические слухи, циркулировавшие в 1877 году в Петропавловске. По сообщению подполковника Козика, «в 1877 году в Петропавловске ходили слухи, что чукчи воюют между собою и приближаются к Камчатке, что они хорошо вооружены ружьями и даже есть пушки, всем этим их снабжают американские китобои». [2]

Исходя из возможности войны с Англией и беспокойного соседства чукчей, подполковник Козик настаивал на необходимости принятия «безотлагательных мер к созданию там достаточной военной силы».

Ряд интереснейших документов, заимствованных им из местных архивов и характеризующих отношение местной администрации к чукчам в конце XIX века, приводит В. Г. Богораз.

В 1884 году колымский исправник предписывал нижнеколымскому частному командиру «немедленно внушить всему русскому населению Нижнеколымской части, чтобы они отнюдь ни чем не раздражали чукоч, под страхом, в противном случае, ответственности по суду военному». [3]

Далее колымский исправник немедленно предлагал донести ему с нарочным, «с каким доверием чукчи отнесутся к насто-

---

[1] ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, земский отдел, 8-е д-во, 1915 г., д. № 210, лл. 88 об.—89.

[2] Там же, отд. II, ст. 2, 1881 г., д. № 13, лл. 65 об. — 67.

[3] Цитирую по краткому путеводителю по выставке «Чукотское общество», издание Академии Наук, Л. 1934, стр. 8.

ящему... предписанию» и в случае их желания лично с ним видеться — изъявлял желание к ним выехать.

Не менее красочен и другой документ, относящийся к 1891 году, — объявление нижнеколымского частного командира к жителям Нижнеколымска:

«Вследствие предписания колымского окружного исправника от 31 января 1891 г. даю вам знать, — писал частный командир, — что жители села Нижне-Колымского и округа его, наезжая для своей надобности в чукотские стойбища, должны обращаться с таковыми самым ласковым образом, не ругаться, не поступать насильственно, дабы не было чукотской войны». [1]

Однако, несмотря на подобную «осторожность» администрации по отношению к чукчам, голодовки среди чукоч, как и среди камчадалов, начинают повторяться периодически. В отношении оленных чукоч это вызывалось резким падением оленьего поголовья, благодаря чему, как сообщал уполномоченный министерства внутренних дел по снабжению продовольствием Колымского и Охотского края, «под впечатлением падежей оленей у чукчей... интенсивно распространяется в самое последнее время переход от кочевого скотоводства к полуоседлому рыболовству». [2]

Хищническое истребление морского зверя американскими китобоями и зверобоями поставило в совершенно безвыходное положение и сидячих чукоч, а ростовщическая торговля как с теми, так и с другими, которую вели в первую очередь иностранные торговцы, довершила остальное.

Торговля с чукчами почти вплоть до революции всецело велась американцами.

Как сообщал в своем отчете генерал-губернатор Восточной Сибири, «в 1876 году приходило к чукотскому побережью 60 судов, которые единственно лишь на одну привезенную ими водку выменяли всех упромышленных инородцами зверей, оставив их затем в крайней нищете». [3]

Наиболее предприимчивые американские торговцы пытались

---

[1] Цитир. по краткому путеводителю по выставке «Чукотское общество», издание Академии Наук. Л. 1934, стр. 8.

[2] Отчет уполномоченного министерства внутренних дел по снабжению провиантом в 1905 году Колымского и Охотского края мирового судьи С. А. Бутурлина, СПБ. 1907, стр. 52.

[3] ЛОЦИА, фонд министерства внутренних дел, департ. общих дел отд. 2, ст. 2, 1878 г., д. № 446, л. 119 об. — 120.

заручиться даже официальным соглашением с правительством на право торговли с чукчами и одновременно концессией на добычу полезных ископаемых, нахождение которых на Чукотке к концу XIX века стало широко известным.

В 1900 году американские предприниматели ходатайствовали через некоего Подгорского о предоставлении им концессии на Чукотке, в чем им, как иностранным подданным, было отказано.

И тогда появился на сцену «отставной гвардии полковник» Вонлярлярский, непосредственно связанный с Николаем II, классический авантюрист, один из создателей пресловутой концессии на реке Ялу, сыгравшей известную роль в форсировании русско-японской войны. Вонлярлярскому в 1900 году было предоставлено на пять лет исключительное право разведки и добычи всех полезных ископаемых на Чукотском полуострове. «При организации акционерного общества Вонлярлярским,— как сообщал впоследствии министр финансов Коковцев Столыпину,— участниками в дело были приглашены те самые американские капиталисты, которые еще в 1900 году домогались у русского правительства, но безуспешно, концессии на эксплоатацию Чукотского полуострова». [1]

«Северо-восточное сибирское общество», к которому перешли все права Вонлярлярского, пользовалось особенным покровительством Николая. Утвержденным в 1902 году уставом обществу разрешалось не только производство разведки и добычи полезных ископаемых на Чукотском полуострове, но и производство различных промыслов и торговля с туземцами. В 1903 году было высочайше утверждено изменение устава, согласно которому разработка горных богатств разрешалась обществу помимо Чукотки и в других местах Приморской области, а кроме того было разрешено должность директора-распорядителя занять американскому гражданину Джону Розину, фактическому хозяину всего общества, подставным лицом которого являлся Вонлярлярский. По истечении срока договор был продлен еще на пять лет, причем «было признано возможным пока не настаивать на выполнении обществом включенного в контракт Вонлярлярским обязательства учредить на средства концессионера на Чукотском полуострове по истечении первых 5 лет горный, горно-полицейский и врачебный надзоры, а равно не требовать

[1] ЛОЦИА, фонд министерства финансов, отд. III, 1900 г., д. № 168.

Передвижение чукоч.

внесения в обеспечение этого обязательства в казну залога в сумме 50 000 рублей». [1]

Подобные льготы делались несмотря на то, что уже в 1905 году благодаря ревизии дел общества, произведенной горным инженером Тульчинским, и донесениям анадырского уездного начальника было доподлинно известно, что обществом на полуострове никаких «разведок не производилось, а деятельность общества ограничивалась скупом пушнины, китового уса и пр.». [2] По свидетельству Тульчинского фактическими хозяевами предприятия на месте являлись американцы, которые «самым бессовестным образом эксплоатировали местное инородческое население и, вопреки специальному постановлению контракта 17 апреля 1900 года, ввозили в страну для сбыта инородцам спиртные напитки в неограниченном количестве». [3]

При подобном ведении дела, когда общество не только не занималось разработкой полезных ископаемых Чукотки, но даже и исследованием их местонахождения, вызывало некоторое недоумение то количество американских рабочих, которое общество ежегодно перевозило на полуостров. В 1902 году обществу было разрешено нанять 100 американских рабочих, в 1903 году — 300 человек, а когда в 1904 году генерал-губер-

---

[1] ЛОЦИА, фонд министерства финансов, отд. III 1900 г., д. № 168.
[2] ЛОЦИА, фонд канцелярии совета министров, 1909 г., д. № 38.
[3] ЛОЦИА, фонд министерства финансов, отд. III, 1900 г., д. № 168.

натор отклонил ходатайство общества о ввозе американских рабочих, оно добилось разрешения непосредственно от наместника на Дальнем Востоке и ввезло в 1904 году 75 человек, а в 1905 году 50 человек.

Впрочем недоумение вскоре разрешилось, ибо стало известным, что ввозимые обществом на полуостров американцы «являются не служащими или рабочими общества, а самостоятельными предпринимателями, получающими за известную плату отдельные участки концессии в непосредственное пользование и распоряжение впредь до выработки их»,[1] иначе говоря — обычными проспекторами-золотоискателями.

И все же, несмотря на установленные случаи «прямого нарушения контракта со стороны общества, правительство не нашло возможным, — как сообщал приморский генерал-губернатор Унтербергер Столыпину, — расторгнуть договор с ним».[2]

Свою деятельность компания прекратила лишь в 1910 году.

Однако и с ликвидацией дел компании торговля с чукчами попрежнему осталась в руках американцев, так как наиболее крупные русские торговцы и подвизавшийся на мысе Дежнева американец Карпендель состояли негласными агентами американской фирмы «Хибарт Свенсон».

Так хозяйничали на Чукотском полуострове американцы, обиравшие и спаивавшие чукчей столь же ревностно, как это делали русские торговцы по отношению к камчадалам и коря-кам.

---

[1] ЛОЦИА, фонд канцелярии совета министров, 1903 г., д. № 38.
[2] Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Логическим продолжением истребления естественных богатств полуострова и ограбления туземного населения Камчатки явился период интервенции. В этот период, ознаменовавшийся на Дальнем Востоке сменой целого ряда «правительств», Камчатка, отрезанная в результате гражданской войны от РСФСР, была объектом ограбления как со стороны белобандитов, так и иностранных хищников.

Созданный на Камчатке в период керенщины и возглавлявшийся эсером Лавровым областной комитет был ликвидирован лишь в марте 1918 года. Власть на полуострове на короткое время перешла в руки Советов. Однако слабость местных революционных сил и изолированность Камчатки от материка привели к тому, что уже в июле 1918 года Советы были разогнаны и областной комитет вернулся к власти, просуществовав до середины 1919 года, — до момента роспуска его по распоряжению одного из «верховных правителей» Дальнего Востока генерала Хорвата.

Камчатка превратилась как в арену самой безудержной спекуляции для мелких «дельцов», так и в объект для спекуляции более крупных «коммерсантов». «Дельцы», вроде протоиерея Кока и других, разъезжали по Камчатке, продавая туземцам под видом керосина спирт, «коммерсанты», вроде бывшего председателя областного комитета эсера Лаврова, устроившегося управляющим рыбными промыслами Дальнего Востока, занимались распродажей рыбных угодий Камчатки иностранным хищникам.

Лавров, как отмечал впоследствии один из делегатов чрезвычайного петропавловского уездного съезда, «продавая в долгосрочную аренду рыбные участки в неконвенционных водах...,

тем самым не только лишил население законного права владеть участками, но и лишил его рыбы, как единственного продукта, которым живет трудовое население Камчатки». [1]

Как отмечал другой делегат, бывшие «народные избранники» вроде Лаврова и других «пропивали Камчатку японцам».

Однако, несмотря на безудержный террор, влияние и авторитет немногочисленных коммунистов среди трудового населения полуострова росли с каждым днем.

И когда в марте 1919 года по приказанию Колчака начали формировать на Камчатке военный отряд, местное население категорически отказалось подчиниться закону о мобилизации.

В марте 1919 года в селении Завойко на волостном сходе представитель селения «настаивал не давать солдат на службу Колчака, так как камчатские жители никогда военной службы не несли и воевать нам жителям Камчатки не с кем». После этого выступления председатель, так ничего и не добившись, вынужден был закрыть заседание, заявив, что «на сходе много большевиков». [2]

В октябре 1919 года возник нелегальный военно-революционный комитет, подготовлявший ликвидацию белой власти на полуострове, однако накануне восстания ревком почти в полном составе был арестован. Все же в ночь на 10 января 1920 года петропавловские рабочие и солдаты при помощи местных крестьян и туземцев захватили власть в свои руки, продержавшись почти два года. Власть перешла в руки областного военно-революционного комитета.

Однако камчатский военно-революционный комитет, отрезанный от какой бы то ни было помощи извне, не мог конечно в полной мере бороться как с русскими, так и с иностранными хищниками, попрежнему расхищавшими естественные богатства края.

В Петропавловск безнаказанно приходили японские крейсера, имевшие своей задачей, по словам их командования, «защиту интересов и жизни императорских японских подданных, а также защиту и покровительство всей рыбопромышленности вообще». [3]

---

[1] Протоколы и журналы первого чрезвычайного Петропавловского-на-Камчатке уездного съезда, Петропавловск, 1920, стр. 15.

[2] Там же, стр. 36.

[3] Японская интервенция 1918—1922 года в документах, Центрархив, 1934, стр. 134.

В сентябре 1921 года очередной приморский «верховный правитель» Меркулов, решив поправить свои финансы на камчатской пушнине, прислал для «завоевания» Камчатки есаула Бочкарева, с приездом которого пала советская власть на полуострове.

Ушедшие с приходом Бочкарева партизанить в тайгу петропавловские большевики были тем ядром, вокруг которого выросло широкое партизанское движение, окончательно разгромившее белогвардейцев на Камчатке.

В ноябре 1922 года советская власть на Камчатке была восстановлена, а прибывшему в декабре того же года отряду Красной армии пришлось заняться уже лишь ликвидацией белобандитов.

С этого времени наступает новый период в жизни народов Камчатки.

Только пролетарская революция смогла освободить эти народы от чудовищного гнета, только она могла завоевать их полное сочувствие и поддержку. «Без этого невозможно было бы упрочить советскую власть, насадить действительный интернационализм и создать ту замечательную организацию сотрудничества народов, которая называется Союзом советских социалистических республик и которая является живым прообразом будущего объединения народов в едином мировом хозяйстве» (Сталин).

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
I. Начало завоевания Камчатки	8
II. Первые итоги русской колонизации	24
III. Восстание камчадалов в 1731—1732 гг.	35
IV. Война русских с коряками 1745—1756 гг.	50
V. Война русских с чукчами	65
VI. Церковь и ее деятельность на Камчатке в XVIII веке	87
VII. Народы Камчатки после разгрома освободительного движения	102
VIII. Камчатка как колония в конце XVIII и первой половине XIX века	116
IX. Последний период колониального положения Камчатки	131
Заключение	148

Ответств. редактор М. А. Сергеев. Технич. ред. Л. А. Вакуленко. Корректор И. И. Поляков. Сдано в набор 11 августа 1935 г. Подписано к печати 11 октября 1935 г. Огиз № 1606. Тираж 2250. Ленгорлит № 23151. Заказ № 2903. Бумага 82 × 110. Авт. л. 7,9. печ. л. 9 1/2. (158,5/2 тип. знак. в 1 бум. л.). Бум. л. 2 3/8. 2-я типография «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига», Ленинград, Гатчинская, 26.

9-75